HISTORIA Provinciae

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РЕГИОНА

Сетевой научный журнал

2017 • Т. 1 • № 1

Череповец
2017

Выход в свет: 2017 • Т. 1 • № 1 (01) • МАЙ. Выходит четыре раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: ***Солодянкина О.Ю.,*** д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Егоров А.Н., д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)
Марков Е.А., д-р полит. наук (Череповецкий государственный университет)
Петелин Б.В., д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)
Кузьминых А.Л., д-р ист. наук (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)

РЕДАКТОР: Н.Г. МЕЛЬНИКОВА
КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40
ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.Ю. КОНЕВА (PhD, MITI, DPSI, SFHEA (Kings' College London, UK) (Великобритания)

Адрес издателя, редакции, типографии:
162600, Россия, г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 2587-8344

Сетевое издание
Уч.-изд. л. 10.
Выход в свет: 12.05.2017
Формат 60 × 84 $^{1}/_{8}$.
Гарнитура Таймс.

© ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 4

ИССЛЕДОВАНИЯ

Солодянкина О.Ю. Средиземноморский регион и образы Средиземноморья в деятельности иностранных гувернеров и гувернанток в Российской империи 5

Шестова Т.Ю. Развитие здравоохранения в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX – начале XX веков 24

Пилипенко Г.П. Культурная и историческая память венгров Нови-Сада в районе Телеп 40

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА»

Рахикайнен М. Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга 52

СЛОВО МОЛОДОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ

Даркович А.Л. Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.) 72

РЕЦЕНЗИИ

Михайлов А.А. Рецензия на кн.: Саргис Торосян «От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии» 90

Дронов А.М. Рецензия на: «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (материалы Всероссийской научной конференции, г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.) 100

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новиков А.Е. Международная научная конференция «В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии евразийства» 109

Информация для авторов 117

От редактора

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, друзья!

Перед вами – тематический выпуск журнала “Historia provinciae – Журнал региональной истории”, посвященный социокультурному измерению региона. Вопросы культурной памяти и национальной идентичности, развития образования, здравоохранения и благоустройства, образы города и региона – в том числе в зеркале других городов и культур – в центре внимания авторов этого выпуска.

Материалы разнообразны как по географической ориентированности (это Западная Белоруссия, Урал, Сербия, Хельсинки / Гельсингфорс, Средиземноморье), так и по хронологической (с XVIII века до наших дней).

Среди авторов – как доктора наук, так и начинающие исследователи, преимущественно историки, но также филологи и социолингвисты.

Примечательно жанровое разнообразие – и эссе-размышление, и статьи, и рецензии, и хроника научной жизни.

Желаем вам интересного, познавательного чтения!

Ольга Юрьевна Солодянкина, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии
Череповецкого государственного университета,
главный редактор журнала “Historia provinciae –
Журнал региональной истории”

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-1
УДК 94(47).073

Ольга Юрьевна Солодянкина
доктор исторических наук, профессор
Череповецкий государственный университет
Череповец, Россия
olga_solodiankin@mail.ru

Средиземноморский регион и образы Средиземноморья в деятельности иностранных гувернеров и гувернанток в Российской империи

Аннотация. В статье рассматривается деятельность гувернеров и гувернанток, выходцев из Средиземноморского региона, весьма немногочисленной группы в среде иностранных воспитателей, трудившихся в Российской империи, отзывы о профессионализме которых носили противоречивый характер. Итальянский язык нечасто входил в круг предметов, которые знали и могли преподавать иностранные учителя (необязательно итальянцы по происхождению). Посещение Средиземноморья могло быть частью образовательного заграничного турне, осуществляемого под надзором гувернера. Теплые средиземноморские страны посещали и в рамках «целительного тура» – как больные дети под присмотром воспитателей, так и больные взрослые, сопровождаемые детьми с их иностранными наставниками. Сам регион Средиземноморья, его пышная природа и богатая культура производили неизгладимое впечатление на всех, кто побывал там.

Ключевые слова: домашнее образование и воспитание, Российская империя, иностранные гувернеры, иностранные гувернантки, Средиземноморье, итальянский язык, межкультурное взаимодействие

Введение

Деятельность домашних наставников (гувернеров, гувернанток, домашних учителей и учительниц) традиционно привлекает внимание исследователей. Существует значительная историографическая традиция изучения деятельности своих соотечественников, трудившихся воспитателями в собственной стране (особенно обширна британская историография, концентрирующая прежде всего на исследовании феномена викторианской гувернантки) и за рубежом[1]. Темой

[1] *Gathorne-Hardy J.* The Rise and Fall of the British Nanny. L.–Sydney–Auckland–Toronto, 1972; *Pitcher H.* When Miss Emmie was in Russia. English Governess Before, During and After the October Revolution. L.– Toronto, 1984; *Renton A.* Tyrant or Victim? A History of the British Governess. L., 1991; *Cross A.* Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions

специальных коллоквиумов, конференций в последние годы стала деятельность французских гувернеров и гувернанток[2]. Постепенно заполняется исследовательская ниша, связанная с изучением положения и деятельности иностранцев, в том числе трудившихся в сфере образования и воспитания[3], в Российской империи. В данной статье в центре фокуса исследовательского внимания – гувернеры и гувернантки, домашние учителя – выходцы из региона Средиземного моря (за исключением южной Франции, поскольку французские наставники традиционно являются темой специального изучения), языки этого региона в процессе обучения детей русского дворянства, а также та роль, которую регион Средиземноморья играл в деятельности иностранных наставников – представителей других стран, трудившихся в России.

Основная часть

Образование и воспитание с использованием иностранных гувернеров и гувернанток было весьма популярным в дворянских семьях Российской империи. Обычно домашние учителя, гувернеры и гувернантки были уроженцами Франции, Швейцарии, Великобритании, немецких государств. Это было связано и с

in Pre-Emancipation Russia // Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross. Oxford–Providence, 1993. P. 222–244; *Hughes K.* The Victorian governess. L.,1993; *Hardach-Pinke I.* Die Gouvernante: Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt am Main, 1997; *Cross A.G.* "By the banks of the Neva": chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятых. СПб., 2005; *Brandon R.* Other People's Daughters: The Life and Times of the Governess. L., 2008; *Holden K.* Nanny Knows Best: The History of the British Nanny. Stroud, 2013 и др.

[2] Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011; Le précepteur francophone en Europe XVIIe–XIXe siècles). Paris, 2013.

[3] *Дунин А.* Гувернеры в старину в помещичьих семьях (Очерк) // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 185–194; *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1997; *Ржеуцкий В.С.* Социальные сети во французском землячестве в России (вторая половина XVIII в.) // Франция и французы в Санкт-Петербурге, XVIII–XX вв. СПб., 2005. С. 293–314; *Ржеуцкий В.С.* Французские гувернеры в Академии Художеств. 1760–1770 годы // XVIII век как историко-культурный феномен (проблемы изучения). СПб., 2002. С. 65–74; *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки / Под ред. Л.И. Киселевой. СПб., 2001. С. 285–300; *Солодянкина О.Ю.* Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007; *Тихонова А.В.* Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147; *Чудинов А.В.* Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 230–334 и др.

высоким уровнем развития образования (как, например, в Швейцарии[4]), и с особенностями положения женщин и особенно молодых девушек (которые в случае недостатка или отсутствия наследуемых средств должны были сами зарабатывать себе на жизнь, и гувернерство было чуть ли не единственной возможностью более-менее приемлемого заработка[5]), и с популярностью иностранных языков, которым желало обучаться русское дворянство (при этом практически обязательным для дворянина был французский язык, на котором полагалось говорить с парижским прононсом)[6].

Только немногие гувернеры и гувернантки, трудившиеся в России, были выходцами из Южной Европы, из региона Средиземноморья – это итальянцы, испанцы, греки. Такая особенность была заметна уже современникам. Как писал Д.П. Рунич, в первой четверти XIX в. бывший известным администратором в сфере образования, «дворянская семья, у которой не было гувернера или гувернантки француженки, считала себя несчастной. Немцев не любили; англичанок в России было мало. Из англичан в Москве были только одни барышники, торговавшие лошадьми, и лакеи. Из италианцев, за исключением двух или трех учителей пения, все остальные были бродяги, разносчики эстампов, зонтиков, пудры, помады и духов»[7].

Эта картинка практически полного отсутствия представителей средиземноморского региона в педагогической профессии подтверждается и официальны-

[4] См. подробнее: *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Швейцарцы. СПб., 1904; *Тихонова А.В.* Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.

[5] См. подробнее: *Солодянкина О.Ю.* Социальное положение иностранных наставников в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2008. № 2. С. 10–24; *Ефимова Е.Ш.* Положение гувернанток и учительниц в Великобритании последней трети XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 164–168.

[6] См. подробнее: *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Филологические науки. Вып. 9. 1944. С. 77–137; *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982; *Жанэ Д.К.* Французский язык в России XVIII в. как общественное явление // Вестник Московского университета. 1978. Сер. IX: Филология. № 1. С. 62–70; *Argent G., Offord D., Rjéoutski V.* The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp.1–19; *Cross A.* English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 57–68; *Dahmen K.* The Use, Functions, and Spread of German in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 20–40; *Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V. and Argent G.* (eds), French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh, 2015. 2 vols.

[7] *Рунич Д.П.* Из записок Д.П. Рунича // Русская старина. 1901. № 1. С. 52.

ми данными: в материалах испытательных комитетов Санкт-Петербургского и Московского университетов, призванных проверять знания потенциальных гувернеров и гувернанток и выдавать им свидетельства на право преподавания в частных домах, имена представителей итальянских государств встречаются крайне редко, а об испанцах, португальцах и греках говорить и вовсе не приходится[8].

Так, в 1835 г. получила свидетельство на право трудиться домашней учительницей французского языка сардинская подданная Мария Лиото, успешно прошедшая испытания в Московском университете[9]. В октябре 1845 г. сардинский подданный Генрих Монастье (Henri Monastie) обратился в испытательный комитет Московского университета с просьбой проверить его знания: он рассчитывал стать домашним учителем французского языка. По ходу испытания Монастье продемонстрировал очень хорошие познания в французском языке, достаточные – в истории и географии и порядочные познания в арифметике[10].

Как видим, оба сардинца желали преподавать французский язык, понимая его исключительную востребованность на рынке образовательных услуг и слабый интерес к итальянскому языку. Необходимости обучаться испанскому и португальскому языкам, вследствие малого влияния этих стран на международной арене, у российских дворян не было вовсе.

В том же ключе почти за столетие до указанных сардинцев действовал и итальянец Вентури, содержавший в середине XVIII века частный пансион в Петербурге: в нем дворянских детей обучали французскому языку, а самым известным воспитанником был Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), будущий адмирал[11].

Именно французскому, а не итальянскому языку обучал своего воспитанника Дмитрия Свербеева (1799–1874), впоследствии дипломата, Николай Иванович Бартоли, сын итальянца. Как впоследствии вспоминал ученик о своем наставнике, «иностранными языками владел <…> хуже, нежели русским; говорил по-французски со мною бегло, но правильно или нет – об этом у нас судить было некому»[12]. Как видим, итальянец мог стать учителем французского языка, если

---

[8] См. подробнее: *Солодянкина О.Ю.* Французские гувернеры и гувернантки в Московском и Петербургском учебных округах (1820-е – 1850-е гг.) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 127–149.

[9] Отдел хранения документов до 1917 года ГБУ «ЦГА Москвы» (ОХД до 1917 г.). Ф. 459. Оп. 1. Д. 4660. Л. 36 об.

[10] ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 14. Д. 248. Л. 94–95.

[11] *Мордвинова Н.Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его (Записки его дочери) // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 393.

[12] Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): В 2 т. Т. 1. М., 1899. С. 52.

он трудился в семье, где ученик был первым представителем, воспитывавшимся в соответствии с европейскими образовательными схемами, и некому было проверить подлинный уровень знаний учителя.

Орловский помещик Николай Гаврилович Левшин (1788–1845), вспоминая свое детство, в череде меняющихся гувернеров и гувернанток, учивших его вместе с братьями и сестрами французскому и немецкому языкам, указывал на итальянца Ранси, четвертого в списке наставников в провинциальной дворянской семье. По словам Н.Г. Левшина, Ранси был «невежда и неопрятный. Как теперь легко могу судить о бывших моих учителях, то он, вероятно, прибыл в Россию с канарейками, сурком или собаками»[13].

Совершенно другие впечатления оставила о себе итальянская гувернантка M-lle Grisel (Анна Федоровна, как ее называли в России), трудившаяся в семье князя Николая Григорьевича Вяземского (1769–1846) и его второй жены Софьи Егоровны Паниной, в первом браке Беринг (ум. 1858). M-lle Grisel воспитывала княжну Анну, одну из дочерей Вяземских. В семье ценили итальянскую гувернантку, которая после ранней смерти воспитанницы (Анна умерла в шестнадцатилетнем возрасте) «на всю жизнь осталась в дружеских отношениях»[14] с княгиней Софьей Егоровной, матерью воспитанницы. Бывшая гувернантка впоследствии вышла замуж за доктора Фейхтнера, жила в Петербурге (а Вяземские, хотя и владели имениями в Калужской губернии, предпочитали жить в Москве), где регулярно навещала младшую сестру князя Вяземского графиню Марию Григорьевну Разумовскую (1772–1865), известную своим радушием и страстью к развлечениям. Именно бывшая итальянская гувернантка Вяземских А. Фейхтнер присутствовала при кончине М.Г. Разумовской, как свидетельствовала внучатая племянница Разумовской и ее тезка Мария Григорьевна Назимова[15].

Из региона Средиземноморья вела свое происхождение мадам Манзони, гувернантка Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904), впоследствии известного юриста, историка, общественного деятеля либерального толка. По словам ее воспитанника, «она была какой-то смешанной народности; мать, по ее словам, была испанка, муж – итальянец. Родом она была, кажется, из Беарна или из баскских провинций, о которых всегда рассказывала с увлечением. Расставшись с мужем, она приехала в Россию искать счастья и попала в Тамбов, в частный

[13] Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 831.

[14] *Назимова М.* Бабушка графиня М.Г. Разумовская. Страничка из воспоминаний // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 3. С. 841.

[15] Там же.

пансион госпожи Фицтум, откуда перешла к нам»[16]. Гувернантка произвела на все многочисленное семейство Чичериных неизгладимое впечатление: «Это была особа средних лет, весьма неглупая, очень бойкая, с светскими формами и привычками, лихая наездница, притом очень занята собой, несмотря на довольно толстый нос, безобразивший ее лицо. Красуясь своими длинными белокурыми волосами, она всегда носила необыкновенные прически; утром она являлась к уроку вся в папильотках, а свою косу она громоздила в виде высокого конуса или башни, на что употреблялось довольно много времени и что приводило в отчаяние служившую ей горничную, которая никак не умела ей угодить. Характера она была капризного и имела разные причуды: она уверяла, что не может видеть жабу и арбуз, не падая в обморок. Когда случалось, что летом за столом при ней подавали арбуз, она вскакивала и стремглав убегала в свою комнату, так что ее уже заранее предупреждали о появлении этого злокозненного фрукта. А во время вечерних прогулок она каждую прыгающую лягушку принимала за жабу и кидалась из стороны в сторону в неистовых припадках»[17]. Б.Н. Чичерин отмечал как положительные качества воспитательницы, прежде всего ее стремление пробудить любовь и привычку к чтению серьезной литературы, так и мелочность и придирчивость ее характера. Однако общая оценка деятельности этой гувернантки была высокой: «Не только она нас школила и приучала к дисциплине, но, несмотря на свой капризный характер, она была хорошая учительница. Мы скоро привыкли болтать и даже, что гораздо важнее, правильно писать по-французски»[18]. Отметим, что и в случае Чичериных главным преподаваемым предметом был французский язык.

Очевидно, что столь малого количества свидетельств недостаточно для полноценной оценки качеств итальянских воспитателей, но вывод о малом присутствии итальянцев (или других выходцев из региона Средиземноморья) в педагогической профессии можно сделать однозначный.

Что касается преподавания итальянского языка, то стоит обратить внимание на два примечательных факта. В 1832 г. в испытательный комитет Санкт-Петербургского университета с просьбой проверить ее знания и разрешить трудиться домашней учительницей обратилась швейцарка, вдова Жени Гишар, урожденная Жоли, желавшая наравне с французским преподавать итальянский язык[19]. В 1833 г. с просьбой проверить ее познания в французском, немецком и итальянском языках в тот же комитет обратилась француженка Жозефина Фюзе

[16] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. IX. М., 1999. С. 136.

[17] Там же. С. 136–137.

[18] Там же. С. 138.

[19] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 24. Д. 502.

де Вуазенон[20]. Однако, судя по документам, познания гувернанток в итальянском языке не проверялись, и каждая получила свидетельство на право преподавания меньшего количества языков, чем она заявляла: Мадам Гишар могла преподавать французский[21], а Мадам де Вуазенон – немецкий и начала французского языка[22]. И вряд ли это отсутствие проверки знаний именно итальянского языка можно считать случайным: во всех остальных случаях, как подтверждают архивные документы, проверяли все заявленные языки. При этом в составе испытательного комитета университета были лекторы французского, немецкого и английского языков, но лектора итальянского языка не было. Можно предположить, что итальянский язык и не планировали проверять.

Невзирая на кажущуюся непопулярность итальянского языка, мы можем привести целый ряд случаев, когда итальянский язык у тех или иных дворянских детей (прежде всего аристократов) входил в программу обучения (естественно, в комплексе с другими иностранными языками). Итальянский язык мог осваиваться в качестве дополнительного языка в процессе обучения, но не бывал основным, поскольку эту роль играл французский.

Так, уже в конце XVII в. из Италии в Москву князь Юрий Юрьевич Трубецкой (1668–1739), известный государственный деятель, впоследствии сенатор, вывез И. Гагина, учившего французскому и итальянскому языкам[23]. Известно, что князь легко изъяснялся с иностранцами именно на итальянском, о чем писал посетивший Россию в то время голландский художник, этнограф Корнелий де Бруин (1652–1727)[24]. Итальянский язык (в добавление к французскому и немецкому) осваивала и дочь Петра Первого Елизавета (1709–1761). Леди Рондо писала о цесаревне Елизавете в 1733 г.: она «говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку, – в кружке»[25]. Итальянский язык входил в программу обучения графини Екатерины Романовны Воронцовой (1743/4–1810), в замужестве княгини Дашковой, впоследствии президента Петербургской Академии наук, и ее кузины графини Анны Михайловны Воронцовой (1743–1769). Как вспоминала впоследствии сама княгиня, «Дядя (имеется в ви-

[20] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 635.
[21] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 502. Л. 4.
[22] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 14. Д. 635. Л. 5.
[23] *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1997. С. 355.
[24] *де Бруин К.* Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 52.
[25] *Рондо.* Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л., 1991. С. 211.

ду канцлер Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) – *О.С.*) не жалел никаких средств, чтобы дать своей дочери и мне лучших учителей и, согласно взглядам того времени, мы получили прекрасное образование; знали четыре языка, особенно хорошо французский, итальянский, немецкий и один древний. <…> Мы прекрасно танцевали, немного рисовали, к тому же обе обладали приятной наружностью, изысканными и любезными манерами, неудивительно, что нас считали хорошо воспитанными девицами»[26].

В соответствии с текстом договора, заключенного 5 мая 1761 г. между французом де Пексонем, наставником девятилетнего Юрия Нелединского-Мелецкого, впоследствии известного литератора, и бабушкой воспитанника, мальчик осваивал «есть ли будет требовано», т.е. не в обязательном порядке, итальянский язык (французский же был зафиксирован как обязательный предмет преподавания):

«Я нижеподписавшийся обязуюсь в доме ея превосходительства Анны Ивановны Нелединской-Мелецкой обучать внука ея со всяким усердием, а именно французскому языку со основанием и правописанию, арифметику и подобные приличные науки, как хронологию, историю древнюю и временную, географию и познание сферы, итальянский язык и латинский язык, есть ли будет требовано. <…> По окончании всякого году имею просить, дабы порученной в мое воспитание юноша был приятелями дому в своих приобретениях освидетельствован, чрез что заслужить милости уповаю»[27].

В комплексе с другими языками осваивал итальянский язык, итальянскую литературу и князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), впоследствии известный поэт. Как признавался сам Вяземский, среди его наставников наибольший след оставил француз Дандилли, и в целом «ум мой был воспитан и образован во французской школе. Я учился и другим иностранным языкам, занимался по временам немецкою, английскою, итальянскою литературою, но все это были более или менее случайные знакомства. Связь моя укрепилась с одною французскою литературою, особенно минувшего столетия»[28].

Целому ряду языков, в том числе итальянскому, испанскому, греческому и турецкому, судя по тексту поданного в газету «Московские ведомости» в 1785 г. объявления, предлагал обучать своих воспитанников «недавноприбывший в Москву Антон Ле Мер (Le Maire), из г. Люневиль во Франции», который желал «получить место в публичной школе или в частном доме, чтобы учить следую-

[26] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 41.

[27] *Нелединский-Мелецкий Ю.А.* Очерки его жизни, бумаги и переписка его // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 106–107.

[28] *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // Вяземский П.А. Записные книжки / Сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д.П. Ивинского. М., 1992. С. 315.

щему: французскому, немецкому, итальянскому, польскому, англицкому, шведскому, испанскому, латинскому, греческому и турецкому языкам; кроме того, географии, истории, мифологии, арифметике, геометрии, тригонометрии, алгебре, высшей математике, фортификации, артиллерии, химии, логике, метафизике, правоведению, навигации и гидраулике. Сверх этого он знает еще разные искусства, например: делает из сломанного фаянса (fayence) самый лучший фарфор и др. вещи, принадлежащие к химии. Он может преподавать рисование, играть на фортепиано, пению и удивительно легко волтижирует»[29].

Легко себе представить, что невежественные родители XVIII в. верили, что все это изобилие знаний и навыков в объеме, достаточном для преподавания, может усвоить один человек, и по контрасту с Ле Мером всех остальных потенциальных учителей, не обладавших таким универсализмом, считали негодными для обучения своих отпрысков. А столетие спустя, в момент повторной публикации объявления, такой «энциклопедизм» вызывал усмешку, недоверие и пренебрежение к предкам, не умевшим отличить истинное знание от претензии на него. Гораздо более реалистичными выглядят преподавательские возможности трудившегося в течение многих лет в семье Николевых гувернера-эмигранта Рипомонти: он занимался воспитанием младшего сына, нескольких дочерей и жившей в семье девицы Елизаветы Яковлевой, уча их французскому и итальянскому языкам, а также «прочим наукам, даже религии. Он наблюдал за их нравственностью, работами, играл с ними»[30].

В объявлении «многознающего учителя» Антона Ле Мера сомнительным выглядит не знание нескольких иностранных языков (человек ведь может быть полиглотом!), а претензия на преподавание немыслимо большого количества наук и искусств. О гувернантке-полиглоте баронессе Прайзер, урожденной Паттен, пишет Марта Вильмот, гостившая в доме княгини Е.Р. Дашковой в 1803–1808 гг. «Дед ее был, по-моему, пэром и сторонником династии Стюартов. Баронесса Прайзер чрезвычайно некрасива и кажется жеманной, но это лишь первое впечатление. Побеседовав с ней несколько минут, вы понимаете, что это необычайно умная, тонко чувствующая, одухотворенная, способная верно обо всем судить женщина (все эти качества проявились даже во время короткого визита). К тому же оказалось, что она в совершенстве владеет восемью языками: английским, французским, итальянским, немецким, русским, финским, голландским и в довершение всего *латынью*, и, конечно, вследствие этого ваше первое впечатление сменяется чувством искреннего восхищения и

[29] Многознающий учитель-иностранец. «Московские ведомости» 1785 г. // Русская старина. 1887. Т. 54. № 4. С. 240.

[30] Черты старинного дворянского быта. Воспоминания Марьи Сергеевны Николевой // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 116.

уважения. Баронессе Прайзер волею несчастных обстоятельств пришлось служить гувернанткой в двух или трех семьях»[31]. Однако мы не знаем, действительно ли баронесса Прайзер преподавала все известные ей языки, или родители ее воспитанников ограничились традиционным французским, в крайнем случае английским или немецким (что гораздо более вероятно).

Итальянский был и среди тех языков, которыми владела англичанка Элизабет Стивенс (ум. 1816). Известный англоман Андрей Афанасьевич Самборский, бывший духовник при русском посольстве в Англии и духовный наставник великих князей Александра и Константина Павловичей (а также их учитель английского языка), в 1790 г. устроил миссис Стивенс гувернанткой в дом графини Екатерины Петровны Шуваловой (1743–1816), влиятельной придворной статс-дамы, к ее младшей дочери Александре (1775–1847). Элизабет была замечательной музыкантшей, арфисткой и певицей[32], но для семьи Шуваловых главным было ее знание французского языка и прекрасные манеры.

Итальянский (наравне с французским и немецким) входил в число предметов, которые была готова преподавать еще одна музыкантша и певица, Шарлотта Moreau de la Meltière (ум. 1854), французская писательница, переводчица с русского языка, знакомая В.А. Жуковского по Муратову, имению его единокровной сестры Е.А. Протасовой[33]. Мадам Моро, в частности, была гувернанткой сестер Натальи (1829–1913) и Елены (1827–1871) Тучковых в 1840 г. в Москве. Однако и в этом случае востребованным оказался только французский язык гувернантки, о которой ее воспитанница Наталья Тучкова вспоминала следующим образом: мадам Moreau de la Meltière, «хитрая и большая говорунья», с детьми «скучала и предпочитала разговаривать со старшими, в особенности с моим отцом, в совершенстве владевшим французским языком. <…> При отце называла нас “ces pauvres petits anges”, а в его отсутствие вовсе не обращала на нас внимания»[34].

Под влиянием изучаемых языков, прочитанных иностранных книг у дворянских детей формировалась многослойная картина мира, включавшая в себя части, характерные для разных культур. Наиболее очевидным результатом был процесс смешивания языков в процессе речевого общения. Так, гостившая в

[31] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 393–394.

[32] См.: *Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И.* М.М. Сперанский: краткий очерк жизни и деятельности // М.М. Сперанский: Жизнь, творчество, государственная деятельность: (Сборник статей). СПб., 2000. С. 11.

[33] В.А. Жуковский – А.Ф. Воейкову. 13 февр. 1814 г. // Русский архив. 1900. Кн. 3. № 9. С. 20.

[34] *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания / Вступ. статья, редакция и примеч. С.А. Переселенкова. Л., 1929. С. 35–37.

доме княгини Дашковой британка Кэтрин Вильмот заметила, что с годами для княгини стало «все равно – говорить по-французски, по-русски или по-английски, и она постоянно смешивает эти языки в одном предложении. Княгиня говорит по-немецки и по-итальянски тоже хорошо, но тут ее нечеткое произношение не дает возможности наслаждаться беседой»[35]. Выросшая с итальянскими, французскими и английскими гувернантками Анна Оленина, дочь Президента Академии художеств А.Н. Оленина, в своем дневнике вставляла слова из разных языков, в зависимости от описываемого сюжета: «итак, она принуждена забыть // To love, d'aimer, amar, любить, // Заняться просто садом, // Садить капусту «рядом», // Расходы дома проходить // И птичий двор свой разводить»[36]. Семья графов Бутурлиных, где дети рождались в интервале от 1794 до 1813 г., также демонстрировала пестроту иностранных влияний. По свидетельству Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807–1876), он и сестра Елена «обританились», «чем и остались навсегда; в старших же наших сестрах сохранился колорит (если так могу выразиться) офранцуженного их воспитания, с незначительной примесью итальянского»[37]. О самом себе Бутурлин писал так: «По воспитанию я был космополит (скорее однако же Англичанин, чем что́ другое), свободно писал вирши по-английски и по-итальянски и плоховато говорил на родном своем языке»[38]. Проведя все детство в Италии под присмотром британских гувернеров, в 1830 году он вернулся в Россию и поступил на военную службу: «Я начинал постепенно понимать свою, так сказать, чудовищность в окружавшей меня Русской стихии, в которой я был нечто в роде полу-Итальянца и полу-Британца, и подчас стыдился своего космополитизма и слабого знания отечественного языка и обычаев»[39].

Таким же космополитом по воспитанию с мощной «прививкой» именно итальянской культуры был князь Александр Никитич Волконский (1811–1878), сын знаменитой княгини Зинаиды Александровны Волконской (1789–1862), которая значительную часть жизни провела в Италии, приняла католицизм, а на ее вилле в Риме побывали многие деятели русской культуры. По просьбе З.А. Волконской известный французский педагог, много трудившийся в России, аб-

[35] Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 296.

[36] *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания / Вступ. статья В.М. Файбисовича. Сост., подг. текста, коммент. Л.Г. Агамалян, В.М. Файбисовича, Н.А. Казаковой, М.В. Арсентьевой. СПб., 1999. С. 62.

[37] Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 633.

[38] Там же. Кн. 2. № 6. С. 188.

[39] Там же. № 7. С. 345.

бат Николь (1758–1835)[40], составил план воспитания юного князя Волконского[41]. Детальный план воспитания был рассчитан на 12 лет и предполагал изучение классических языков и текстов, современных языков, прежде всего русского и французского, а также (в меньшем объеме) итальянского, английского и немецкого. Образовательная программа включала изучение разнообразных наук. Для завершения обучения предлагалась насыщенная программа путешествий с посещением главных городов Италии (наравне с Германией и Великобританией). Княгиня Волконская следила за реализацией этого плана; современники считали, что ее сын Александр вырос очень образованным человеком и с успехом служил на дипломатическом поприще, был посланником (с 1858 – в Саксонии, с 1860 – в Неаполе, с 1862 – в Испании). Его интерес к культуре, прежде всего итальянской, выразился в коллекционировании произведений искусства и написании книги «Рим и Италия средних и новейших времен, в историческом, нравственном и художественном отношениях»[42].

В космополитическом духе, с периодами длительного пребывания за границей, шло воспитание и Ольги Николаевны Смирновой (1834–1893), дочери известной красавицы Александры Осиповны Смирновой (урожденной Россет) (1809–1882), близко знавшей и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, и Тургенева, других российских литераторов. Воспитывавшаяся англичанкой Мэри Овербек Ольга Смирнова в 5 лет читала по-английски и «научилась писать по-итальянски ранее чем по-русски»[43], а затем освоила и испанский язык.

Знание итальянского могло потребоваться дворянину и особенно дворянской девушке, если они интересовались музыкой: самые популярные песни надо было исполнять по-итальянски, как они и были написаны, а наиболее посещаемыми оперными театрами в России длительное время были те, где выступала итальянская труппа, исполнявшая оперы итальянских композиторов. Если как домашние учителя итальянцы ценились слабо, и их квалификацию в итальянском языке не могли проверить даже в императорских университетах (за отсутствием и там специалистов по итальянскому языку), обязанных тестировать будущих домашних педагогов, то как учителя музыки и рисования итальянцы бы-

[40] См. подробнее: *Ноткина О.Ю.* Аббат Николь – первый директор Ришельевского лицея. Биобиблиографический указатель // Вестник Одесского национального университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 96–107.

[41] Записка аббата Николя о воспитании молодого князя А.Н. Волконского // Русский архив. 1895. Кн. 1. № 4. С. 486–493.

[42] *Волконский А.Н.* Рим и Италия средних и новейших времен, в историческом, нравственном и художественном отношениях // Соч. кн. А. Волконского, чл. Римск. Аркадск. акад. Ч. 1–2. М., 1845. 2 т.

[43] *Смирнова А.О.* Записки, дневники, воспоминания, письма / Под ред. М.А. Цявловского. М., 1929. С. 367.

ли вне конкуренции. Обычно выходцы из Средиземноморья были особенно музыкальны, и давали детям уроки музыки, используя песни своей родины и произведения итальянских композиторов. Прасковья Николаевна Татлина (1808–1899) с гордостью вспоминала, что ее дочь за особые способности взяли воспитывать в семью генерала – начальника ее мужа, и в этой семье гувернанткой трудилась приглашенная из Италии учительница пения. Дочь Татлиной благодаря этой гувернантке получила прекрасное музыкальное образование[44].

Образы живописных средиземноморских стран возникали на уроках рисования, когда дети пытались изобразить яркие южные пейзажи, столь отличные от более скромных образов российской природы. Увлекательные рассказы о прекрасных южных странах выглядели невероятным контрастом, выдумкой на фоне холодного русского климата. Даже гувернеры и гувернантки из других стран, но пожившие в Италии, остро тосковали в России по теплу, солнцу, ярким краскам Италии. А вдруг наступивший летний зной в России напоминал солнечную Италию, как и шум ветра за окном подмосковного имения – шум волн в итальянском Леричи. Так, Клер Клермонт (1798–1879), англичанка, сводная сестра Мери Шелли и бывшая любовница Байрона, в 1820-е годы трудившаяся в России гувернанткой, 16 мая 1825 г. сделала запись в своем дневнике: “No rough wind, the air was soft and balmy as in Italy. The weather was truly delightful”[45]. 21 мая последовала новая ностальгическая запись: “I sat at my window this morning, and listened with melancholy pleasure to the sound of the wind among the neighbouring trees – it recalled to my mind the breaking waves upon the shores of Lerici”[46]. Ту же тоску по Италии мы слышим и в письмах Клер: “and the few traces of beauty the trackless wilds, which are spread all over Russia, afford, send my soul, on the wings of a thousand desires, back to the rich, luxurious bosom of Italy”[47].

Оценивая степень иностранных влияний и пытаясь вычленить в них средиземноморскую компоненту, полезно прислушаться к мнению французского гувернера в семье генерал-аншефа Н.И. Салтыкова Ш. Массона (1762–1807), который писал, что русский дворянин «действительно обладает большими способностями сливаться во мнениях, нравах, манерах и языке с другими нациями. Он будет фриволен, как прежний французский петиметр, будет сходить с ума от музыки, как итальянец, будет рассудителен, как немец, своеобразен, как анг-

[44] Воспоминания Прасковьи Николаевны Татлиной (1812–1854) // Русский архив. 1899. Т. III. № 10. С. 200.

[45] *Stocking M.K.* (ed.) The Journals of Claire Clairmont. 1814–1827. Cambridge, 1968. P. 310.

[46] Ibid. P. 314.

[47] Letter of Claire Clairmont to Jane Williams. April 29th. 1825 // *Stoking M.K.* (ed.) The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin. Vol. 1. 1808–1834. Baltimore & L., 1995. P. 221.

личанин, низок, как раб, и горд, как республиканец. Вкусы и характер он будет менять так же легко, как моды, и, несомненно, эта физическая и умственная гибкость – его отличительная черта. <…> Русские вообще любят учиться и уважают иностранцев, которых ненавидят только необразованные да завистливо соперничающие с ними»[48]. Как видим, по мнению Массона именно музыкальность являлась характерной чертой итальянского влияния, и гувернантки, наравне с другими языками владевшие и итальянским языком, чаще других были прекрасными музыкантшами, как об этом говорилось в приведенных ранее примерах.

Итальянские и испанские гувернеры использовали идеи традиционных костюмов своей родины для детских маскарадов. Уже упоминавшаяся гувернантка Чичериных мадам Манзони, родом предположительно из басков, для бала придумала составить кадриль из двух пар детей, одетых басками: в черных курточках, в плотно облегающих коротких штанах телесного цвета, стянутых пряжками под коленом, один мальчик – в красных, другой – в голубых шелковых чулках, с таких же цветов жилетами и вязаными шапочками, оба в крошечных круглоносых башмачках с помпончиками. Гувернантка объявила и родителям, и их детям, что это чрезвычайно красиво [49]. И, конечно, ей было приятно увидеть учеников в национальных костюмах своей родины, которую она давно покинула, хотя бы на стадии примерки костюма и репетиции, поскольку маскарад в последний момент был отменен.

Средиземноморский регион мог быть целью заграничного путешествия, которое часто завершало образование молодого человека[50]. Одно из первых путешествий такого рода совершил юный граф Алексей Разумовский, сын последнего украинского гетмана Кириллы Разумовского – в 1760-е гг. он вместе с отцом поехал в Италию под надзором гувернеров, страсбургского профессора поэта Николаи и некоего француза Кронье[51]. Впоследствии граф А.К. Разумовский (1748–1822) стал министром народного просвещения, а Италия стала традиционной частью образовательного путешествия русского дворянина[52].

---

[48] *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М., 1996. С. 137.

[49] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. С. 137–138.

[50] См. подробнее: *Абрамова И.И.* Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 75–82; Grand Tour: путешествие как культурный феномен / Сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб., 2012.

[51] См.: *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских: В 5 т. Т. 2. СПб., 1880. С. 11–12.

[52] *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

Многие российские дворянские семьи значительную часть времени проводили за границей, а если дети были маленькими, то в такие поездки отправлялись вместе с гувернерами и гувернантками, как это делала княгиня Трубецкая, дочерей которой воспитывала M-lle Michel. Уроженка Меца M-lle Michel воспользовалась таким длительным пребыванием в Италии, чтобы выучить итальянский язык: любое дополнительное знание, как и опыт воспитательной деятельности и длительного пребывания за границей, повышали конкурентоспособность гувернантки / гувернера. О высоких профессиональных качествах M-lle Michel писала одна из ее учениц, Н.А. Тучкова: она «была далеко недюжинная натура: очень образованная и начитанная, она знала хорошо три языка и литературу, не говоря уже о французской, но и немецкую, и английскую. <…> Находясь часто в Италии с семейством княгини Трубецкой, она изучала и итальянский диалект»[53].

Мог быть и печальный вариант, когда гувернантка или гувернер сопровождали своего больного туберкулезом воспитанника на берега теплого Средиземного моря, подальше от холодных русских зим, в надежде на излечение. Довольно долго жила вера в целительную силу швейцарского винограда, теплого воздуха французских коровников и мягкого приморского воздуха Италии. Сколько юных русских дворян закончили свои дни во время таких поездок, так и не оздоровившись! Среди них, например, дочь поэта П.А. Вяземского княжна Прасковья Вяземская (1817–1835), умершая от чахотки в Риме. Она была похоронена на некатолическом кладбище в районе Тестаччо[54], специально открытом в 1821 г. из-за роста числа случаев смерти иностранцев-некатоликов, и могила П.П. Вяземской стала местом паломничества: ее посещали и княгиня З.А. Волконская, и Н.В. Гоголь[55]. Другим местом захоронения умерших русских дворян, скончавшихся во время заграничного путешествия, стало кладбище в Ливорно,

[53] *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. М., 1959. С. 384–385.

[54] Подробнее см.: Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений / Сост. В. Гасперович, М.Ю. Катин-Ярцев, М.Г. Талалай, А.А. Шумков. Сер.: «Российский некрополь». Вып. 6. СПб., 1999.

[55] Н.В. Гоголь 25 июня 1838 г. писал князю П.А. Вяземскому: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарисы растут; между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка. Я уважаю те цветы, которые вырастают сами собою на могиле. Мне все кажется, то это речи усопшего к нам, но мы глядим, силимся и не можем понять их. Потом я был еще один раз с одним москвичом, знающим вас – и вновь уверился, что эта могила не сирота: в Италии нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему. Дождемся ли мы вас под наше роскошное небо, хотя на несколько дней отогреть душу, без сомнения, уставшую от жестоких ласк севера, хотя и родственных?» – Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.], [1937–1952]. Т. 11. Письма, 1836–1841 / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Б. В. Томашевский. 1952. С. 156–157.

поскольку там находилась православная греческая церковь[56]. Однако самый известный умерший во время «целительного тура» – наследник российского престола великий князь Николай, сын императора Александра Второго, скончавшийся в Ницце в 1865 г. К умирающему сыну-цесаревичу приехала императрица со своими младшими детьми, а те были под надзором гувернанток – и прежде всего, известной британской няни Китти – Екатерины Струтон, через руки которой за 22 года прошли 6 императорских детей, начиная с Николая, которого его бывшая няня увидела в последний раз умирающим в Ницце (именно в таких выражениях после кончины Струтон в 1891 г. написал своему сыну Цесаревичу Николаю император Александр III: она прожила «в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых»[57]. «Нам всем братьям было очень грустно и мы проводили ее из Зимнего Дв<орца> в Английскую церковь, а потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили!»[58]).

Гувернантки могли сопровождать детей больной туберкулезом хозяйки в аналогичном «целебном туре». Так, умиравшая от чахотки Александра Андреевна Воейкова (урожденная Протасова, (1795–1829)) посетила практически все европейские курорты, специализировавшиеся на лечении именно этой болезни: она была и в Германии, и в Швейцарии, и в Италии[59]. Дети с гувернанткой Miss Parish[60] были рядом, сопровождая мать в ее перемещениях в поисках подходящей обстановки – сначала из одной климатической зоны в другую, потом из одного населенного пункта в другой, потом, в соответствии с новейшими медицинскими рекомендациями, к спальному месту в коровнике, теплый и влажный воздух которого должен был исцелить ее легкие… В прекрасных курортных городах, о которых Александра Воейкова мечтала в России, она сидела дома, не в силах выйти, а гувернантка ходила на танцы, заводила знакомства и рассказывала хозяйке о достопримечательностях. Город «знаю по рассказам Miss Parish»[61], – жаловалась Воейкова своему верному другу и по совместительству дяде известному российскому поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Почувствовав себя хозяйкой положения при больной госпоже, гувернантка пыталась

[56] См. подробнее: *Архимандрит Августин (Никитин)*. Ливорно // Нева. 2014. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/19a.html (дата обращения: 03.02.2017)

[57] Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. IX. М., 1999. С. 229.

[58] Там же.

[59] А.А. Воейкова была похоронена на греческом кладбище в Ливорно.

[60] *Соловьев Н.В*. История одной жизни (А.А. Воейкова – «Светлана») // Русский библиофил. 1915. № 3. С. 56–57.

[61] Письмо А.А. Воейковой В.А. Жуковскому 8 / 20 октября 1828 г. // Русский библиофил. 1915. № 5. С. 31.

играть роль «первой скрипки», заводя знакомства, приглашая гостей в дом и поучая больную Воейкову. Только в письмах Жуковскому Воейкова могла пожаловаться: «Я описала тебе наши танцклассы и описала тебе здешнего богача M-r Stull, бывшего английского портного, у которого теперь 700 тысяч годового дохода. Его племянник, и вероятно наследник, глупейший Schneidergesell (подмастерье портного – *О.С.*) какого я только видела, англичанин, повадился ходить танцовать, хотя ему лет 25. Miss Parish, которой он носит английские газеты, таяла как молодая свечка, тем более, что он с ней много разговаривал и любезничал. Она видела в нем курмахера, а может быть ..! чем черт не шутит. Miss Parish стала после танцев звать его ко мне чай пить, я решилась ей сказать, что это общество мне не нравится, что он тривиален и глуп. Тут вышла беда!!! Miss Parish упрекала что я его не люблю потому что он ея компатриот»[62]. Вот так на средиземноморском курорте происходила смена ролей: умирающая хозяйка отходила на задний план, а первой становилась гувернантка.

Заключение

Итак, гувернеры и гувернантки, выходцы из Средиземноморского региона, были крайне малочисленной группой в среде иностранных воспитателей, трудившихся в Российской империи, а отзывы об их профессионализме носят противоречивый характер. Итальянский язык, тем не менее, мог входить в круг предметов, которые знали и могли преподавать иностранные учителя (совершенно необязательно итальянцы по происхождению). Некоторое количество русских дворян изучало итальянский язык, но степень его распространенности несопоставима с французским, немецким и английским. При этом посещение Средиземноморья могло быть частью образовательного заграничного турне, осуществляемого под надзором гувернера. Теплые средиземноморские страны посещали и в рамках «целительного тура» – как больные дети под присмотром воспитателей, так и больные взрослые, сопровождаемые детьми с их иностранными наставниками. Таким образом, иностранные гувернеры и гувернантки являлись для русских дворян одним из каналов восприятия Средиземноморского региона, а само Средиземноморье то пейзажами, то музыкой отражалось в деятельности иностранцев, трудившихся домашними учителями в России.

Список литературы

1. *Абрамова И.И.* Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 75–82.

[62] Письмо А.А. Воейковой к В.А. Жуковскому 2 мая 1828 г. // Русский библиофил. 1915. № 4. С. 46.

2. *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Филологические науки. Вып. 9. 1944. С. 77–137.

3. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. 863 с.

4. *Архимандрит Августин (Никитин).* Ливорно // Нева. 2014. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/19a.html (дата обращения: 03.02.2017)

5. *Ефимова Е.Ш.* Положение гувернанток и учительниц в Великобритании последней трети XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 164–168.

6. *Жанэ Д.К.* Французский язык в России XVIII в. как общественное явление // Вестник Московского университета. 1978. Сер. IX: Филология. № 1. С. 62–70.

7. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М.: Археографический центр, 1997. 440 с.

8. *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.

9. *Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И.* М.М. Сперанский: краткий очерк жизни и деятельности // М.М. Сперанский: Жизнь, творчество, государственная деятельность: (Сборник статей). СПб.: Нестор, 2000. С. 3–66.

10. *Ноткина О.Ю.* Аббат Николь – первый директор Ришельевского лицея. Биобиблиографический указатель // Вестник Одесского национального университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 96–107.

11. *Ржеуцкий В.С.* Социальные сети во французском землячестве в России (вторая половина XVIII в.) // Франция и французы в Санкт-Петербурге, XVIII–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2005. С. 293–314.

12. *Ржеуцкий В.С.* Французские гувернеры в Академии художеств в 1760–1770 гг. // Восемнадцатый век как культурно-исторический феномен (Проблемы изучения). Сборник научных трудов / Науч. ред. Е.Б. Мозговая. СПб.: Российская Академия художеств, СПб академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 2002. С. 65–74.

13. *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки / Под ред. Л.И. Киселевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 285–300.

14. *Соловьев Н.В.* История одной жизни (А.А. Воейкова – «Светлана») // Русский библиофил. 1915. № 3. С. 7–68.

15. *Солодянкина О.Ю.* Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. 512 с.

16. *Солодянкина О.Ю.* Социальное положение иностранных наставников в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2008. № 2. С. 10–24.

17. *Солодянкина О.Ю.* Французские гувернеры и гувернантки в Московском и Петербургском учебных округах (1820-е – 1850-е гг.) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 127–149.

18. *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 28 с.

19. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений / Сост. В. Гасперович, М.Ю. Катин-Ярцев, М.Г. Талалай, А.А. Шумков. Сер.: Российский некрополь. Вып. 6. СПб.: ВИРД, 1999. 160 с.

20. *Тихонова А.В.* Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.

21. Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011. 470 с.

22. *Чудинов А.В.* Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 330–334.

23. Grand Tour: путешествие как культурный феномен / Сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб.: Алетейя, 2012. 302 с.

24. *Argent G., Offord D., Rjéoutski V.* The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1111/russ.10752

25. *Brandon R.* Other People's Daughters: The Life and Times of the Governess. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008. 336 p.

26. *Cross A.G.* “By the banks of the Neva”: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 474 p.

27. *Cross A.* Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions in Pre-Emancipation Russia // Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross. Oxford: Berg, 1993. P. 222–244.

28. *Cross A.* English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 57–68. DOI: 10.1111/russ.10756

29. *Dahmen K.* The Use, Functions, and Spread of German in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 20–40. DOI: 10.1111/russ.10754

30. *Gathorne-Hardy J.* The Rise and Fall of the British Nanny. L.; Sydney; Auckland; Toronto: Hodder and Stoughton, 1972. 350 p.

31. *Hardach-Pinke I.* Die Gouvernante: Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1997. 310 p.

32. *Holden K.* Nanny Knows Best: The History of the British Nanny. Stroud: The History Press, 2013. 256 p.

33. *Hughes K.* The Victorian governess. London ; Rio Grande, Ohio: Hambledon Press, 1993. 278 p.

34. Le précepteur francophone (en Europe XVIIe–XIXe siècles). Paris: L’Harmattan, 2013. 456 p.

35. *Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V. and Argent G.* (eds), French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 2 vols.

36. *Pitcher H.* When Miss Emmie was in Russia. English Governess Before, During and After the October Revolution. L.: Century Publ.; Toronto; Lester & Orpen Dennys, 1984. 241 p.

37. *Renton A.* Tyrant or Victim? A History of the British Governess. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. 192 p.

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-2
УДК 94 (475.5):61

Татьяна Юрьевна Шестова
доктор исторических наук, доцент
Пермский филиал РАНХиГС
Пермь, Россия
shestova-t@mail.ru

Развитие здравоохранения в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX – начале XX веков

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития здравоохранения в контексте деятельности земств Пермской и Вятской губернии. На значительном архивном материале, с привлечением отчетных материалов земств, рассмотрены вопросы материально-технической базы, кадрового обеспечения, процесса обучения медиков за счет земства. Показана подготовка узких специалистов для региона, что соответствует определенному этапу развития земской медицины; отражены вопросы участия земских медиков в общественной жизни России.

Ключевые слова: история здравоохранения, Пермская и Вятская губернии

Введение

Рубеж XIX – XX вв. был значительным этапом в изменении направлений деятельности земств, переходящих от противоэпидемической работы к постоянному контакту с населением. Земства, учрежденные на территории Пермской и Вятской губерний, относились к крупнейшим земствам России, проводившим долговременную политику создания системы медицинской помощи населению. Задачами данного исследования является изучение изменения видов медицинской помощи, анализ качественной динамики профессиональных навыков медиков, а также роль земств в решении проблем общественной и городской медицины.

Еще в первой половине XIX в. Пермская губерния была ведущим регионом в России, в котором развивалась заводская медицина. Госпитали и больницы входили в инфраструктуру заводских городов, поэтому современные исследования по истории и экономике уральских дворянских родов неизменно, хотя и кратко, рассматривают эту тематику[1]. Вписывание госпиталей в архитектурный облик городов-

[1] *Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А, Неклюдов Е.Г.* Род Строгановых. Екатеринбург, 2007; *Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б.* Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008; *Мосин А.Г.* Род Демидовых. Екатеринбург, 2012; *Чагин Г.Н.* Род

заводов исследовала Р.М. Лотарева[2]. Многие из этих больниц после отмены крепостного права были переданы их владельцами земствам. В краеведческих изданиях при обзоре общественных зданий особое внимание обращается на помещения больниц[3]. Источниковой основой исследования являются, в основном, журналы заседаний пермского и вятского губернских собраний, в которых отражены дискуссии по ряду текущих проблем, стоящих перед земской медициной уральских провинций. Некоторые факты публиковались в изданиях, сопряженных с текущими статистическими данными[4].

В начале XX века появились большие обзорные работы по истории земства, приуроченные к юбилейным датам. В качестве ведущего издания уместно назвать книгу Б. Веселовского «История земства за сорок лет»[5]. К трехсотлетию дома Романовых в России проводился массовый сбор статистических и исторических сведений о стране. По итогам санитарно-гигиенической выставки З.Г. Френкелем был подготовлен внушительный труд «Очерки земского врачебно-санитарного дела»[6]. Материал по Пермской губернии получил отражение в трудах местных историков и вновь был переиздан в конце XX века, что говорит о несомненной его ценности для исследователя[7].

В первые десятилетия существования советская историография ориентировалась на ленинскую оценку земства как «пятого колеса в телеге русского государственного управления», но к середине XX века негативное отношение к земству улеглось. История медицины изучалась во многих профильных вузах, проводились конференции по данной тематике[8]. При этом основное внимание было обращено на столичный регион, Петербургскую и Московскую губернии.

Шуваловых. Екатеринбург, 2013; *Микитюк В.Н., Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г.* Род Поклевских-Козелл. Екатеринбург, 2014.

[2] *Лотарева Р.М.* Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 2011.

[3] *Завьялова Е.Н.* Здравоохранение в Лысьвенском округе // XIII Смышляевские чтения. Пермь, 2013. С. 103–108; *Вшивков А.А., Дмитриева Е.В., Мелюхин Г.М.* По Коми-пермяцкому округу. Краткий путеводитель. Пермь, 2016.

[4] *Береснев Ф.И.* Краткий очерк народного здравия и постановки медицинского дела в Вятской губернии // Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 г. Вятка, 1900.

[5] *Веселовский Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1909.

[6] *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913.

[7] *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми. Пермь, 1998; *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994.

[8] *Заблудовский П.Е., Жук А.П.* Столетие общественной медицины в России // Очерки истории русской общественной медицины: Сборник статей. М., 1955; *Каневский Л.О., Лотова Е.И., Идельчик Х.И.* Основные черты развития медицины в России в период капитализма. М., 1956; *Страшун И.Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917. М., 1964.

Только в 1990-е гг. появились обобщающие работы В.Т. Селезневой и С.А. Куковякина, характеризующие ситуацию с медициной в Пермской и Вятской губерниях соответственно[9]. К сожалению, авторы являются докторами медицинских наук, что не позволило им использовать некоторые документы, доступные к прочтению историком.

Полезные сведения теоретико-методологического характера содержатся в работах зарубежных авторов, обращающихся к изучению проблем санитарии и общественной медицины как в европейских и американских городах[10], так и в позднеимперской России[11]. В целом литература, посвященная проблемам общественной медицины, весьма обширна, но в задачи данного исследования входит узкий сегмент, касающийся только Пермской и Вятской губерний.

Основная часть

После отмены крепостного права довольно сильно изменился кадровый состав уральских медиков: исчез большой слой лекарских учеников, а бывшие крепостные медики начали сдавать экзамены на должность врача за пределами Урала[12]. Лекарских учеников сменили фельдшера, а в 80-х гг. XIX века появляется институт сестер милосердия.

Земская и городская реформы обозначили развитие местного самоуправления и ориентацию на более широкие слои населения, ранее почти не обслуживавшиеся медиками: крестьян, женщин, детей. Многие уральские уроженцы стали получать образование за счет целевых стипендий в местных фельдшерских школах.

В системе управления здравоохранением главным органом была Врачебная управа, со второй половины XIX переименованная в отделение. Ее кадровый состав претерпел некоторые изменения. Если в первой половине XIX в. в нее входили опе-

[9] *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997; Куковякин С.А. Земская медицина в Вятской губернии. Киров, 1996.

[10] *Bernhardt C.* (ed.) Environmental Problems in European Cities in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Münster, 2011; *Schott D., Luckin B, Massard-Guibaud G.* (eds.) Resources of the City: Contributions to an Environmental History of Modern Europe. Aldershot, 2005; *Douglas I., Hodgson R., Lawson N.* Industry, environment and health through 200 years in Manchester // Ecological Economics. 2002. No. 41. Pp. 235–255.

[11] *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; *Friedgut Theodore H.* Iuzovka and Revolution. 2 vols. Princeton, 1989; *Hutchinson J.F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // Journal of the History of Medicine. 1985. Vol. 40. Pp. 420–439; *Henze C.E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L., 2011; *Mazanik A.* Sanitation, urban environment and the politics of public health in late imperial Moscow: a dissertation in History for the Degree of Doctor of Philosophy. Budapest, 2015.

[12] *Узунова Н.М.* Из истории формирования крепостной интеллигенции // Ежегодник Государственного исторического музея. М., 1960. С. 33.

ратор (хирург), инспектор и акушер, то в начале XX века – инспектор, помощник и фармацевт[13]. Обязанности земского врача также были весьма обширны. Он отвечал за найм и увольнение персонала, заведование участком, контроль за фельдшерами и повитухами, присутствие на совещаниях управы, подготовку всех видов отчетности и составление медико-топографических описаний[14].

В аптеках существовала довольно разветвленная структура. В государственной аптечной службе в первой половине XIX в. работали аптекари, аптекарские помощники (товарищи), аптекарские ученики, иногда материалисты и лаборанты для приготовления химических лекарств[15]. Аптекарские ученики сначала получали общее медицинское образование, а затем специализированное. Это делалось для того, чтобы при работе на отдаленных заводах или приисках человек мог совмещать должности лекарского и аптекарского ученика[16].

К концу XIX в. во Врачебном отделении работал фармацевт, а провизоры трудились непосредственно в аптеках. Иногда в отчетах губернаторов термины менялись местами, но всегда фармацевты противопоставлялись провизорам. Только к концу XIX в. женщинам разрешили работать в аптеках. Так, в 1897 г. пермское губернское земство направило в Казань аптекарскую ученицу Ю. К. Чеховскую для сдачи экзамена, что позволяет предположить, что она уже работала в аптеке и была знакома с фармакологией[17]. Кадры аптек отличались от больниц своей стабильностью: зачастую человек мог всю жизнь проработать на одном рабочем месте, в одной и той же аптеке.

К началу XX в. изменился подход к закупке специализированной литературы. От требования покупки литературы уездным или городским врачом земство перешло к формированию библиотек при больницах, где фондом могло пользоваться большее количество персонала. Стала шире выписываться медицинская периодика[18].

Для обращения к новым медицинским знаниям для медиков Пермской губернии большое значение имела специализированная медицинская библиотека в Казани. Научные командировки врачей в университетские города, инициируемые земством, позволяли им ознакомиться с новиками литературы.

---

[13] Устав врачебный // Полный свод законов Российской империи. Кн. 2. Т. 9–16. СПб., 1911. С. 3086.

[14] Журналы 9 очередного пермского уездного земского собрания 1878 г. с докладами пермской уездной земской управы. Пермь, 1879. С. 435–437.

[15] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 643. Оп. 1. Д. 1102. Л. 43.

[16] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 1. Д. 409. Л. 39; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 15.

[17] Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 44. Оп. 4. Д. 1. Л. 10.

[18] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л.162; ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 12. Л. 14.

В начале XX в. в Пермской и Вятской губерниях в кадровой политике земства особое внимание было обращено на подготовку женщин-медиков. С 1897 г. в Петербурге начал работу Женский медицинский институт, где готовили будущих врачей. Земства считали женщин-врачей резервом кадров для работы с крестьянским и женским населением в национальных районах[19], поскольку женщины слишком часто не обращались за помощью к врачам-мужчинам из чувства стыда и неловкости. Хотя родильные отделения функционировали при губернских больницах с момента их основания, реальная акушерская работа началась только на рубеже XIX–XX вв[20]. Органы местного самоуправления также использовали труд женщин-врачей при создании яслей. Заметим, что в центральных губерниях России ясли создавались для улучшения быта женщин-работниц, в других же губерниях страны при создании яслей ориентировались на крестьянок[21].

Если во второй половине XIX в. в пермской губернской больнице концентрировались лучшие кадры, то к началу XX в. было принято направлять врачей из губернской больницы в уездные. В самой же Пермской губернской Александровской больнице отмечается введение узких специалистов (общим числом до 5–6 специальностей). Новшеством стало использование труда экстернов[22].

До конца XIX в. перед земствами стояла проблема борьбы с «фельшеризмом», когда в сельских районах врачей целенаправленно заменяли на фельдшеров. В Пермской губернии земством были сокращены врачебные ставки в уездах: Пермском, Верхотурском, Екатеринбургском, Ирбитском, Красноуфимском, Чердынском, Шадринском[23]. На врачей возлагалась только противоэпидемическая работа. Оставшиеся врачи резко выступали против самостоятельной практики

[19] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 224. Оп. 1. Д. 1747. Л. 1.

[20] *Дашкевич Л.А.* Становление акушерско-гинекологической службы на Южном Урале // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы IX Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 окт. 2016, Смоленск: в 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. М., 2016. С. 217–219.

[21] *Северцева О.В.* Матери-работницы промышленных предприятий во второй половине XIX – начале XX веков // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 окт. 2016, Смоленск: в 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 2. М., 2016. С. 140–143; *Фролова И.В.* Сезонные ясли-приюты как форма призрения детей на территории Новгородской губернии в конце XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.). СПб., 2013. С. 40–45.

[22] Журналы пермского губернского земского собрания 28 чрезвычайной сессии с докладами управы и комиссией сему собранию. Пермь, 1896. С. 63; Журналы Пермского губернского земского собрания 37 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1907. С. 78; ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 18. Л. 20, 40.

[23] *Веселовский Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1909. С. 334.

фельдшеров, видя в них противодействующую силу, хотя причина заключалась в финансовой политике земства.

«Фельдшеризм» был связан с «разъездной системой». Основные функции обслуживания возлагались на фельдшеров, несколько раз в месяц для консультирования к ним приезжали врачи. Легкие случаи лечились на селе, тяжелые – в городе. Эта система позволяла земствам экономить на зарплатах врачей. Сами же врачи настойчиво требовали «стационарной» системы лечения, когда больница находилась в центре медицинского участка. Перейти на стационарную систему смогли только в начале XX века, заменяя по мере возможности фельдшерские пункты на врачебные[24]. Как отмечал Б. Веселовский, «практиковалась замена 3–4 пунктов одним врачом, и это почти не увеличивало земской сметы»[25].

В начале XX века взаимоотношения врачей и фельдшеров уже более спокойно оценивались современниками. Стало очевидно, что невозможно полностью обеспечить врачебной помощью все площадки; фельдшерам более доверялись женщины и дети, так как фельдшера были приближены территориально и равномернее распределены[26].

Земство принимало на работу больше врачей, увеличивающийся прием вел к привычке населения к обращениям к врачу, и медиков в Пермской губернии снова не хватало. Фельдшерский же персонал был более стабилен. Б. Веселовский отмечал, что в 1904 г. врачами Пермской губернии было принято только 63,9 % пациентов и называл это «замаскированным фельдшеризмом». Вятское губернское земство с 1909 г. предпочло готовить «фельдшеров и фельдшериц для занятия ими должностей на самостоятельных фельдшерских пунктах[27].

В Пермской губернии фельдшера на волне революционных событий 1917 г. потребовали предоставления им права «применять на практике свои знания и свой специальный или приобретенный опыт»[28]. Общество помощников врачей боролось за льготы фельдшерам при поступлении на медицинские факультеты[29].

В годы русско-японской войны пермское губернское земство предлагало сохранение рабочих мест за мобилизованными врачами[30]. В Первую Мировую войну (с 1915 г.) оно требовало от правительства возвращения с поля боя гражданских вра-

[24] Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 616. Оп. 6. Д. 136. Л. 49.

[25] *Веселовский Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1909. С. 338.

[26] *Береснев Ф.И.* Краткий очерк народного здравия и постановки медицинского дела в Вятской губернии // Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 г. Вятка, 1900. С. 261.

[27] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 200. Л. 34.

[28] ГАПК. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[29] ГАПК. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 7. Л. 5, 29.

[30] Журналы Пермского губернского земского собрания 35 чрезвычайной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1904. С. 20.

чей в губернию. В 1917 г. последовало обращение к Временному правительству о возвращении «из плена всего медицинского персонала, как лиц, принадлежащих к составу Красного Креста по постановлению Женевской конференции»[31].

К 1915 г. врачебный контингент Пермской губернии в два раза превышал состав аналогичной службы Вятской губернии и в четыре раза – Оренбургской губернии. При этом число фельдшеров в Вятской и Пермской губерниях было сопоставимо; обе земские губернии существенно опережали Оренбургскую губернию по количеству фельдшеров.

Причина такого различия заключалась в системе подготовки кадров. В Оренбургской губернии штат формировался при участии Распорядительного комитета, в Пермской и Вятской губерниях подготовку кадров на местах взяли на себя губернские и уездные земства. Существовало несколько способов подготовки. Фельдшеров готовили фельдшерские местные школы, врачей готовили в университетах по стипендиям для местных уроженцев, узкие специалисты готовились через систему экстернов. Любой земский врач мог повысить квалификацию через научные командировки, присутствие на врачебных съездах и выставках.

С самого начала существования пермского губернского земства действовала стипендиальная подготовка врачей. На короткий период в ней принимали участие и уездные земства, но к началу XX века все стипендии находились в ведении губернского земства[32].

Вятское губернское земство постоянно финансировало 11 стипендий (по числу уездов в губернии) для женщин-врачей в Женском Медицинском институте и на Бестужевских курсах; Пермское – готовило новых врачей по мере надобности[33].

Оба губернских земства часто сталкивались с отказом выпускников от отработки стипендий. В документах Вятского земства отмечалось, что «говорят крестьяне малосознательны, а вот вам получившие высшее образование хуже того»[34]. Студенты Пермского земства, в свою очередь, были недовольны, сравнивая плательщиков «с кассой ссуд, требующей уплаты денег по обязательствам, подписанным голодным студентом в такую минуту, когда студент этот мог подписать какое

[31] ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 704. Л. 15-19; Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

[32] Журналы 9 очередного пермского уездного земского собрания 1878 г. с докладами пермской уездной земской управы. Пермь, 1879. С. 411; Журналы пермского губернского земского собрания 19 очередной сессии с докладами комиссий. Пермь, 1889. С. 49–50.

[33] Журналы Пермского губернского земского собрания 35 чрезвычайной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1904. С. 156; Доклады Пермской земской управы губернскому земскому собранию 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 1; ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 133. Л. 1546.

[34] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 194. Л. 68.

угодно обязательство»[35]. Бывшим студентам при отказе от отработки предлагалось выплачивать затраченные средства в рассрочку, действенной мерой была публикация фамилий «отказников» в центральной прессе. К 1910 г. в Пермской губернии деньги возместили 58 человек (8 %). Добровольно начали платить 55 (48 %), через юрисконсульта – 9 %, совсем не платило 45 человек (35,4 %)[36].

Новшеством Пермской губернии в начале XX в. стало введение экстерната[37]. Уездным врачам предоставлялась возможность получить узкую специализацию через губернскую больницу, а губернская больница получала медика-ординатора с минимальной оплатой. Экстерну первого года обучения полагалось 600 р., второго года – 900 р., т.е. одна треть и половина от зарплаты врача соответственно[38]. Экстерны имели право не участвовать в противоэпидемической работе, главной их обязанностью была врачебная специализация. В 1902 г. пермское губернское земство попыталось трансформировать губернскую больницу в клинику, т.е. существенно сократить число коек. Этого удалось избежать именно благодаря экстернам. Их подготовка была названа делом всей губернии[39].

После пяти лет такой практики прием экстернов все-таки был остановлен. Пермское губернское земство планировало расширить контакты со столичными медицинскими факультетами посредством приглашения студентов на практику, но в 1908 г. по убедительным требованиям администрации губернской Александровской больницы экстернат был возвращен[40].

С большими трудностями пермское и вятское губернские земства реализовывали право врача на научную командировку. Претендовать на повышение квалификации в Вятской губернии можно было только при наличии не менее трех лет стажа в земской службе, а само повышение квалификации длилось не более полугода с частичной оплатой расходов. Сложнее было решить вопрос о перераспределении обязанностей между врачами на время отсутствия одного из медиков. Только в 1915 г. за данный вид переработки врачам стали доплачивать. Повышение квалификации шло в университетских городах и специализированных клиниках, что давало положительные результаты, ведь «современные представления в научных цен-

[35] Журналы Пермского губернского земского собрания 36 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1904. С. 260–261.

[36] Журналы Пермской земской управы губернскому земскому собранию 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 67.

[37] Журналы Пермского губернского земского собрания 30 очередной сессии. Пермь, 1900. С. 136.

[38] Журналы Пермского губернского земского собрания 32 очередной сессии. Пермь, 1902. С. 230.

[39] Там же. С. 221, 229.

[40] Журналы Пермского губернского земского собрания 32 очередной сессии. Пермь, 1902. С. 91; Журналы Пермского губернского земского собрания 38 очередной сессии и 39 чрезвычайной сессии. Пермь, 1908. С. 93.

трах непрерывно и очень быстро идут вперед», – сообщалось в отчетных документах[41].

В первом десятилетии XX века оба губернских земства определяли требования к минимальному стажу врача, срок и время поездки для повышения квалификации. Если уездные медики могли обучаться при губернской больнице, то за пределы Пермской губернии в первую очередь направлялись психиатры, а также санитарные и эпидемиологические врачи[42].

В Пермской губернии долго определяли стаж, позволяющий претендовать на командировку, но остановились на четырех годах с правом неоднократного выезда, причем допускалась стажировка за границей[43]. Так, разработчики вакцин и сывороток В.А. Хомяков и И.В. Белорусов несколько раз выезжали на обучение, врач пермской губернской больницы А.Ф. Цандер стажировался за рубежом. Женщины-врачи Е.П. Серебренникова и О.И. Скворцова после профильных стажировок стали заведующими глазного и родильного отделений соответственно[44].

Помимо земской медицины Великие реформы вызвали появление городской медицины, но ее роль была мала. На рубеже веков губернские земства тратили на борьбу с эпидемиями миллионы, а города – чуть более сорока тысяч рублей. В любом губернском городе находились и государственные, и земские, и вольнопрактикующие медики, т.е. большой город избегал трат на наем городских врачей, используя чужую лечебную базу. Противостояние губернского и уездного центрального земства было характерно и для Перми с Вяткой. Уезды наотрез отказывались открывать в губернских городах еще и уездные больницы. Общественные городовые врачи в Пермской губернии составляли 2–3 человека, исключением были 1903 и 1904 гг., когда работало 9 и 7 человек соответственно. В последующий период в отчетах губернаторов общественные городовые врачи не упоминаются[45].

---

[41] ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 240. Л. 53; Ф.616. Оп. 1. Д. 135. Л. 767.

[42] Журналы Пермского губернского земского собрания 32 очередной сессии. Пермь, 1902. С. 178; Журналы Пермского губернского земского собрания 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 117; ГАКО. Ф. 616. Оп. 6. Д. 106. Л. 103; Оп. 1. Д. 200. Л. 92.

[43] Журналы пермского губернского земского собрания 27 чрезвычайной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1895. С. 36; Журналы Пермского губернского земского собрания 30 очередной сессии. Пермь, 1900. С. 43; Журналы Пермского губернского земского собрания 36 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1904. С. 105; Журналы Пермского губернского земского собрания 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 116.

[44] Журналы пермского губернского земского собрания 27 чрезвычайной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1895. С. 36; *Трапезников В.П.* Летопись города Перми. Пермь, 1998. С. 54; *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 60.

[45] Обзоры Пермской губернии за 1893–1905 гг. Пермь, 1894–1906.

Тем не менее, города стали широко использовать форму амбулаторного приема. Пермь и Вятка имели амбулатории, хотя перед Первой Мировой войной ими располагало не более 50 % городов. Пермь вошла в десятку городов, создавших службу «скорой помощи»[46]. В медицинской службе городские управы обращали внимание не на лечение жителей, а на санитарное состояние территорий, особенно если на них находились ярмарки и рынки.

Общей площадкой для встречи врачей становились съезды. В Пермской и Вятской губерниях, к сожалению, первый опыт съездов был негативным. Повестку дня для съездов готовил санитарный врач, но врачи И.И. Моллесон в Пермской губернии и В.О. Португалов в Вятской губернии либо были арестованы, либо лишились работы из-за народнических взглядов. В результате в обеих губерниях подготовкой съезда занимался земско-медицинский совет[47]. Земства часто принимали мнения, сомнительные с правительственной точки зрения. Во время революции 1905 г. из Пермской губернии было выслано 13 из 53 членов уездных комитетов, снят с поста председатель губернского земства Л.В. Юмашев[48].

Съезды врачей носили совещательный характер. Основной их задачей становилось обсуждение расширения медицинской помощи. Присутствие деятелей земства без медицинского образования, но обладающих навыками бюджетных расчетов, способствовало более реалистичному взгляду на проблемы. С другой стороны, земцы солидаризировались с врачами, когда съезды подвергались давлению со стороны губернатора или врачебного инспектора. Дважды (1904 и 1915 гг.) в Пермской и Вятской губерниях съезды были отменены из-за военных действий[49].

К началу XX века в Российской империи были основаны многочисленные благотворительные общества и благотворительные учреждения. Тремя главенствующими из медицинских сообществ были Пироговский съезд врачей, Общество охранения народного здравия и Российское общество Красного Креста (РОКК). Если первые два общества пользовались всемерной поддержкой пермского и вятского губернских земств, то отношения с Красным Крестом были сложнее.

В губерниях традиционно местное отделение РОКК возглавлялось женой губернатора, но иногда земства отказывали в помощи Красному Кресту, игнорируя возможные конфликты. Так, вятское земство во время Русско-японской войны от-

[46] *Каневский Л.О., Лотова Е.И., Идельчик Х.И.* Основные черты развития медицины в России в период капитализма. М., 1956. С. 133; *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 150.

[47] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 229. Л. 250; Д. 398. Л. 193; Ф. 617. Оп. 2. Д. 639. Л. 12; Оп. 5. Д. 3941А. Л. 138, 141.

[48] *Невоструев Н.А.* Российское гражданское общество и власть в кризисных ситуациях в начале XX века (на примере Урала) // Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях. Пермь, 2013. С. 162.

[49] ГАКО. Ф. 617. Оп. 5. Д. 3941А. Л. 143; Ф. 616. Оп. 1. Д. 58. Л. 97.

казалось помочь с покупкой рентгеновского аппарата своему Красному Кресту, а пермское – отказало в финансировании, сославшись на то, что уже направило 25000 рублей пермскому отряду, командированному на Дальний Восток[50]. Небольшими суммами поддерживали земства и общества врачей, которые создавались в губерниях усилиями лучших врачей[51].

К 1913 г. были проведены сбор статистических данных по губерниям и ряд тематических выставок. В Петербурге широко анонсировалась санитарно-гигиеническая выставка. Пермское губернское земство не успело подготовить к ней экспонаты, и его место заняло пермское уездное земство. Вятская губерния в дорогостоящем проекте участия не принимала[52].

Различно выглядели траты земств и заводской администрации на строительство больниц и выплату заработной платы. Объекты заводской медицины были построены либо перестроены в камне в 30–40-х гг. XIX в., а земство усиленно наращивало количество больниц, поэтому земства больше тратили на материально-техническую часть, а заводы – на зарплату медикам. В общих цифрах зарплаты по заводской медицине и в пермской губернской больнице были максимально сближены[53]. В Пермском губернском земстве помнили опыт частных заводчиков, которые могли приглашать врачей только на повышенную заработную плату. С 70-х гг. XIX в. земство одним из первых в стране повысило зарплату с 1200 до 1500 р.[54]

Далее выплаты стали более адресными. В 1895 г. земство постановило увеличить «на 300 р. содержание одному из врачей, получающему жалование в размере 1500 р. в год, в целях удержания при Александровской больнице лучших медицинских сил». В первом десятилетии XX в. зарплата ординатора составляла 1800–2000 р., во втором – 2500 р. Старший врач губернской больницы, заведующий медико-статистическим бюро, работники бактериологической станции получали повышенные зарплаты до 3000 р., затем последовали доплаты по 600 р. наиболее заслуженным лицам[55].

---

[50] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 194. Л. 86; Журналы Пермского губернского земского собрания 35 чрезвычайной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1904. С. 16, 22.

[51] ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 105. Л. 4; Доклады Пермской земской управы губернскому земскому собранию 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 31.

[52] *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913. С. 2; Доклады Пермской земской управы губернскому земскому собранию 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 126.

[53] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 15. Л. 52.

[54] *Веселовский Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1909. С. 367.

[55] Журналы Пермского губернского земского собрания 32 очередной сессии. Пермь, 1902. С. 230; Журналы Пермского губернского земского собрания 38 очередной сессии и 39 чрезвычайной сессии. Пермь, 1908. С. 206, 251; Журналы Пермского губернского земско-

Во время Русско-японской войны пермское земство стало включать в земский стаж время, проведенное на поле военных действий, правда, в том случае, если врач не был добровольцем. Поощрять военные практики Пермское губернское земство не собиралось ни в русско-японскую, ни в Первую мировую войну[56].

В Вятском губернском земстве зарплаты врачей были на 300 р. ниже, чем в Пермском. Повышенные суммы выплачивались только психиатрам и медикам, совмещающим работу в губернской больнице с преподаванием в губернской фельдшерской школе. Уездные врачи, по понятным причинам, такой подработки иметь не могли, что вызывало нарекания с их стороны. В 1909 г. они потребовали увеличения зарплаты[57].

До Первой мировой войны в Вятской губернии ординаторы – мужчины и женщины – получали одинаковые зарплаты, но во время военных действия мужской состав был заменен на женский с привлечением студентов-медиков. Это привело к снижению зарплаты почти вдвое[58]. Подработкой для медиков становилась работа в противоэпидемических отрядах. Правда, выплаты за этот вид работы в Вятской губернии часто задерживались[59]. Дополнительный противоэпидемический персонал зачастую приглашался из других губерний и не был заинтересован в качественной работе. Уездные земства предложили в 1915 г. губернскому земству дополнительный персонал не приглашать, а платить своему за переработку. Уезды мотивировали это тем, что они «лучше знают, кому и сколько выдавать в зависимости от понесенного труда». Губернское земство согласилось, но сократило выплаты с 300 р. до 100 р. врачу и со 100 р. до 40 р. фельдшеру[60].

Материальное положение было связано и с жилищной проблемой. Частные горнозаводские округа при перестройке главных госпиталей в камень планировали и площади для проживания лекарских учеников[61]. Интересно, что сейчас это также является брендом в обслуживании – проживание медика при пункте медицинской помощи. Губернские земства были более стеснены в тратах на жилье, поэтому они использовали два способа решения проблемы. При строительстве новых больниц также проектировалось ведомственное жилье, чаще всего для необеспеченных фельдшеров. Второе решение состояло в выделении средств на наем квартиры

го собрания 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 86, 114, 135.

[56] Журналы Пермского губернского земского собрания 37 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1907. С. 124.

[57] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 133. Л. 733; Д. 200. Л. 92.

[58] ГАКО. Ф. 587. Оп. 19А. Д. 75. Л. 53.

[59] ГАКО. Ф. 616. Оп. 6. Д. 58. Л. 151.

[60] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 237. Л. 99.

[61] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1327. Л. 28, 77.

вблизи больницы, в основном для врачей. Эпидемические врачи обязывались земством снимать жилье рядом с местом эпидемии[62].

При наплыве больных персонал Вятской губернской больницы могли выселять из квартир для размещения больных; в уездных больницах жилье для фельдшеров было тесным, сырым и холодным. Яранский уезд стал первым строить жилье для медиков, что обеспечило ему стабильность кадров[63]. Пермское губернское земство видело проблему в том, что достойного жилья возле больницы не было, поэтому существенно доплачивало за съемное жилье, но только самым нужным специалистам[64].

К началу XX в. народнические взгляды о высоком уровне обслуживания населения, предоставлении помощи в любое время суток стали отходить на второй план. Участковая система обслуживания пациентов с совершенно различным уровнем дохода, установившаяся в земских губерниях, не предусматривала частной практики. Новое поколение врачей предполагало, что оно должно иметь возможность профессионального заработка и улучшения условий работы[65].

Только в 1908 г. «Журнал общества русских врачей» обозначил проблему работы земских врачей в деревне. Долгое время им были недоступны государственные льготы в виде пенсий, выслуги лет и полноценных отпусков. Одним из главных требований в охране труда медиков стало обоснование, что врач не должен вести круглосуточный прием по требованию. Только к 1917 г. медикам был установлен сокращенный рабочий день в шесть часов, используемый и сейчас[66].

Раздражал сельских врачей и выходной день, который не должен был приходиться на выходные дни для доступности помощи крестьянам. Выходной шел по скользящему графику. Полноценные выходные медики получили только после 1905 г.[67]

Врачи пермской губернской больницы требовали от земства точного определения отпуска, так как отпуска предполагалось использовать для научных командировок. Медики настаивали, что отлучки «имеют совершенно различные назначения»[68]. Обычно отпуск составлял месяц с возможным увеличением времени

[62] ГАКО. Ф. 587. Оп. 14. Д. 156. Л. 1, 4.

[63] Адрес-календарь Вятской губернии. 1892–1901 гг. Вятка, 1891-1901; ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 68.

[64] ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 14. Л. 34; Журналы Пермского губернского земского собрания 33 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1903. С. 161.

[65] *Заблудовский П.Е., Жук А.П.* Столетие общественной медицины в России // Очерки истории русской общественной медицины. Сборник статей. М., 1955. С. 1–13.

[66] *Страшун И.Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917. М., 1964. С. 59; ГАПК. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 7. Л. 20; РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 291. Л. 4.

[67] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 153. Л. 9; Ф. 587. Оп. 11. Д. 81. Л. 30; Оп. 10. Д. 240. Л. 6.

[68] ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 495. Л. 229.

до шести недель, если годом ранее врач в отпуске не был[69]. В уездах врач мог уйти в отпуск, только сам подобрав замену, поэтому были люди, по 15 лет не пользовавшиеся отпусками[70].

Конец XIX – начало XX вв. были отмечены крупными эпидемиями и пандемиями. Многие медики гибли при исполнении должностных обязанностей либо утрачивали трудоспособность; многие начали обращаться в губернские управы за назначением пособий[71]. Это вызвало дискуссию о страховании медиков, пострадавших на работе. Министерство внутренних дел приняло участие в разработке общих правил страхования медицинского персонала, которые были введены только в 1910 г.[72]

Пермское губернское земство определило выплату средств членам семей погибших медиков. За врача полагалось 5.000 рублей, за студента с 10 семестра – 4.000, студента с 8 семестра – 3.000, студентов 6–7 семестров, фельдшера, фельдшерицу-акушерку – 2.000, сестру милосердия и ротного фельдшера – 1.000, служителя и сиделку – 500 р. Заводские врачи страховались только при условии сотрудничества с земством. В Пермской губернии дополнительной страховки требовали и фельдшера[73].

С начала XX века ценным заболевшим сотрудникам пермское губернское земство стало выплачивать «лечебные» деньги для посещения курортов, а с 1908 г. земство купило в Алупке землю под строительства санатория для лечения и профилактики заболеваемости своего персонала[74].

Выводы

Таким образом, Великие реформы вызвали к жизни земскую и городскую медицины. Земская медицина в качестве объекта выбрала широкие крестьянские слои, городская – обращала повышенное внимание на санитарные условия жизни в городе. Довольно сложно складывались контакты между губернским и уездными земствами. В Вятской губернии отмечается хорошее взаимодействие земств через систему кредитования строительства больниц губернской струк-

[69] ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 25. Л. 44, 49.

[70] ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 183. Л. 282.

[71] ГАКО. Ф. 616. Оп. 6. Д. 62. Л. 115; Оп. 1. Д. 153. Л. 518.

[72] Доклад по медицинской части Пермской земской управы губернскому земскому собранию. Пермь, 1910. С. 51; Доклады Пермской земской управы губернскому земскому собранию 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 141.

[73] ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 740. Л. 1–2, 5, 7, 10, 18, 25; Ф. Р-79. Оп.1. Д. 5. Л. 3.

[74] Журналы Пермского губернского земского собрания 33 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1903. С. 86, 109, 184; Журналы Пермского губернского земского собрания 38 очередной сессии и 39 чрезвычайной сессии. Пермь, 1908. С. 33; Журналы Пермского губернского земского собрания 41 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1911. С. 35.

турой. В Пермской губернии эти связи были менее значимы и касались финансирования противоэпидемической работы.

Обе земские губернии прошли стадию «фельдшеризма» и перешли к стационарной системе обслуживания населения. В ходе этого эксперимента родилась уникальная участковая система обслуживания населения, когда врач работал с жителями любого материального достатка вне частной практики, получая заработную плату от земства. С трудом была выработана тарифная сетка оплаты врачей, система доплат за работу на эпидемиях, а затем страхования при утрате трудоспособности или смерти. Врачи долго добивались синхронизации выходного дня с другими слоями населения.

Оба земства имели хорошие налоговые поступления и большую территорию. Отличием Пермской губернии стало использование наследия заводской медицины первой половины XIX в. Приемлемое количество медицинских кадров обеспечивалось долгой работой земств по их подготовке из местных жителей через профильные школы, стипендии, научные стажировки в центральные города и за границу.

Список литературы

1. *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
2. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее: [Крат. ист.-стат. очерк / Вступ. ст. и примеч. Т.И. Быстрых]. Пермь: Пушка, 1994. 255 с.
3. *Веселовский Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 1. СПб.: О.Н. Попова, 1909. 724 с.
4. *Вшивков А.А., Дмитриева Е.В., Мелюхин Г.М.* По Коми-пермяцкому округу. Краткий путеводитель. Пермь: Компромисс, 2016. 48 с.
5. *Дашкевич Л.А.* Становление акушерско-гинекологической службы на Южном Урале // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы IX Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 окт. 2016, Смоленск: в 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 1. М.: СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. С. 217–219.
6. *Заблудовский П.Е., Жук А.П.* Столетие общественной медицины в России // Очерки истории русской общественной медицины: Сборник статей. М.: Медгиз, 1955. С. 7–29.
7. *Завьялова Е.Н.* Здравоохранение в Лысьвенском округе // XIII Смышляевские чтения. Пермь: Пермская государственная университетская библиотека им. А.М. Горького, 2013. С. 103–108.
8. *Каневский Л.О., Лотова Е.И., Идельчик Х.И.* Основные черты развития медицины в России в период капитализма (1861–1917). М.: Медгиз, 1956. 194 с.
9. *Куковякин С.А.* Земская медицина в Вятской губернии. Киров: Кировский медицинский институт, 1996. 99 с.
10. *Лотарева Р.М.* Города-заводы России, XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург: Сократ, 2011. 287 с.
11. *Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А, Неклюдов Е.Г.* Род Строгановых. Екатеринбург: Сократ, 2007. 254 с.
12. *Микитюк В.Н., Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г.* Род Поклевских–Козелл. Екатеринбург: Сократ, 2014. 367 с.

13. *Мосин А.Г.* Род Демидовых. Екатеринбург: Сократ, 2012. 529 с.

14. *Невоструев Н.А.* Российское гражданское общество и власть в кризисных ситуациях в начале XX века (на примере Урала) // Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях. Пермь: Типография Пермского государственного национального исследовательского университета, 2013. С. 160–168.

15. *Нувахов Б.Ш.* История милосердия и благотворительности в отечественной медицине XVIII–XX вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1993. 42 с.

16. *Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б.* Род Турчаниновых. Екатеринбург: Сократ, 2008. 351 с.

17. *Северцева О.В.* Матери-работницы промышленных предприятий во второй половины XIX – начале XX веков // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы IX Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 окт. 2016, Смоленск: в 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Т. 2. М.: СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. С. 140–143.

18. *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь: Пермская государственная медицинская академия, 1997. 124 с.

19. *Страшун И.Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917. М.: Медицина, 1964. 206 с.

20. *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми: К 275-летию основания. Пермь: Государственный архив Пермской области, 1998. 272 с.

21. *Узунова Н.М.* Из истории формирования крепостной интеллигенции // Ежегодник Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 1960. С. 72–84.

22. *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела (По данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок). СПб.: Слово, 1913. 228 с.

23. *Фролова И.В.* Сезонные ясли-приюты как форма призрения детей на территории Новгородской губернии в конце XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): Материалы международной научной конференции 14–16 марта 2013 г. / Отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 40–45.

24. *Чагин Г.Н.* Род Шуваловых. Екатеринбург: Сократ, 2013. 213 с.

25. *Bernhardt C.* (ed.) Environmental Problems in European Cities in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Münster: Waxmann, 2011. 232 p.

26. *Schott D., Luckin B, Massard-Guibaud G.* (eds.) Resources of the City: Contributions to an Environmental History of Modern Europe. Aldershot: Ashgate, 2005. 285 p.

27. *Douglas I., Hodgson R., Lawson N.* Industry, environment and health through 200 years in Manchester // Ecological Economics. 2002. No. 41. Pp. 235–255.

28. *Friedgut Theodore H.* Iuzovka and Revolution. 2 vols. Princeton: Princeton univ. press, 1989.

29. *Hutchinson J.F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // Journal of the History of Medicine. 1985. Vol. 40. Pp. 420–439.

30. *Henze C.E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L.: Routledge, 2011. 227 p.

31. *Mazanik A.* Sanitation, urban environment and the politics of public health in late imperial Moscow: a dissertation in History for the Degree of Doctor of Philosophy. Budapest, 2015. 262 p.

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-3
УДК 80/81; 94(497.1)

Глеб Петрович Пилипенко
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской академии наук
Москва, Россия
glebpilipenko@mail.ru

Культурная и историческая память венгров Нови-Сада в районе Телеп

Аннотация. В статье анализируются нарративы информантов о Телепе, районе г. Нови-Сад, который в прошлом был населен преимущественно венграми. Собеседники напрямую связывают урбанизацию с изменением их уклада жизни, а также с ослаблением позиций венгерского языка. В то же время функционирование венгерского языка неразрывно ассоциируется именно с районом Телеп, как с самым венгерским местом на карте Нови-Сада.

Ключевые слова: Нови-Сад, нарративы, культурная память, историческая память, венгры, венгерский язык, сербы, город

Введение

Венгры являются самым многочисленным национальным меньшинством в автономном крае Воеводина, входящем в состав Республики Сербия. По переписи 2011 года венгры составляют 13 % жителей региона из общего населения примерно 2.000.000 человек[1]. Сам край отличается чрезвычайно пестрым этническим составом, здесь также проживают румыны, хорваты, буневцы, русины, македонцы, украинцы, словаки. Национальным меньшинствам гарантированы все права (осуществляется образование на родном языке, существуют СМИ), венгерский, словацкий, румынский, русинский и хорватский языки признаны официальными языками края наряду с сербским языком, а в населенных пунктах, где доля меньшинства превышает 15 %, устанавливаются двуязычные надписи на дорожных указателях и административных учреждениях.

В основном венгерская община проживает на севере края вдоль границы с Венгрией, а также в Потисье. Однако небольшие группы венгров есть и на юге Воеводины, так, в Банате в селах Скореновац, Иваново проживают венгры-секеи, переселенцы из Буковины. В исторической области Срем венгры живут

[1] *Попис становништва, домаћинстава и станова 2011. у Републици Србији. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима*. Београд, 2013. С. 20.

в Марадике, Шатринцах, Добродоле, Ириге, Никулинцах, Плитичеве. Эти банатские и сремские населенные пункты являются самыми южными на венгерской этнической карте края. В столице Воеводины, в городе Нови-Сад, венгры составляют 3,88 % (9735 чел.). Венгерское население концентрируется в основном в районе Телеп, который изначально был основан как венгерское поселение, а также в сопредельных городских районах – Лимани, Адамовичево населе, в центре города. Характер поселения венгров как в упомянутых банатских и сремских селах, так и в самом Нови-Саде – островной: венгры не образуют в южной Воеводине сплошного массива расселения. В таких условиях языковая ассимиляция происходит ускоренными темпами, к тому же сказывается влияние и городской среды, способствующей большей вовлеченности национальных общин в общественную и культурную жизнь. В городе есть несколько школ с венгерским языком обучения, а в университете действует кафедра хунгарологии, где образование можно также получить на венгерском языке.

Основная часть

С целью изучения лингвистических особенностей двуязычия венгерской общины, а также изучения народной традиции национальных меньшинств края, с 2012 г. ведется планомерная полевая работа в населенных пунктах Воеводины. Исследования проводятся в рамках совместного проекта между Институтом славяноведения РАН и Институтом балканистики Сербской академии наук и искусств. В 2012 г. были обследованы села южного Баната (Скореновац, Войловица), в 2013 проведено исследование среди венгерской общины Нови-Сад, в 2014 г. удалось посетить венгров в потисском регионе (Ада, Адорьян), в 2015 г. полевое исследование проводилось в центральном Банате (Зренянин, Михайлово, Бело Блато), в 2016 г. – в селах исторической области Срем (Марадик, Шатринци, Добродол), а также в Ириге и Руме[2]. С информантами ведутся беседы на социолингвистические и этнолингвистические темы, используется

[2] Подробнее о результатах экспедиции в Воеводину, а также в другие контактные венгерско-славянские регионы можно посмотреть здесь: *Пилипенко Г.П.* Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект // Українсько-угорські міжновні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene. Ужгород, 2014. С. 246–265; *Пилипенко Г.П.* Некоторые аспекты изучения словенской речи прекмурских венгров // Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М., 2012. С. 251–257; *Пилипенко Г.П.* Контактные особенности в языке венгров города Нови-Сад // Материалы 44 Международной филологической научной конференции 11–16 марта 2014 г. Уралистика / Под ред. доц. Н.Н. Колпаковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 76–82; *Pilipenko G.* Russian language among Hungarians in Transcarpathian Region (Ukraine): Sociolinguistic Features // Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century, Vol. 1. (Ed.): A. Biagini, G. Motta. Cambridge, 2014. Pp. 169–181.

метод полуструктурного интервью. Основной задачей является получение нарративов с целью дальнейшего внутриструктурного лингвистического, лингвопрагматического, этнолингвистического анализа. Однако в процессе бесед возникают темы, которые не укладываются в парадигму лингвистического исследования. Одной из таких тем оказывается история самой общины, ее место на этнокультурной карте края. В настоящей статье будет рассмотрена культурная и историческая память информантов венгерского района Телеп в городе Нови-Сад.

Индивидуальная память является результатом связей индивида внутри социальной группы, начиная с семьи и заканчивая религиозными и национальными группами; она индивидуальна в том смысле, что она всегда уникальна[3]. Отношение между коммуникативной и культурной памятью может быть выстроено как различие между повседневным и праздничным, светским и религиозным, эфемерным и прочным, частным и общим, подвижным и фиксированным[4]. Поскольку основным источником анализа являются нарративы информантов, необходимо дать им определение. Так, нарративы можно понимать как истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика[5]. Под нарративом понимается также повествовательная структура, которую характеризует определенное устройство во времени, как и ряд точно определенных структурных частей[6]. Самые важные лингвистические средства проявления коллективной памяти – это коллективные нарративы об общем прошлом, которые повторяются большинством[7]. М. Илич полагает, что нарративы из личного опыта продуцируются индивидами или группой индивидов, в то время как коллективный нарратив повторяется большинством или значительной группой членов общины; нарративы из личного опыта составляют коммуникативную память, тогда как коллективные нарративы относятся к культурной памяти[8]. Т. Петрович утверждает, что через анализ индивидуальных высказываний мы можем распознать более широкий контекст событий,

[3] *Assmann J.* Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge et al., 2011. P. 22.

[4] Ibid. Pp. 5–6.

[5] *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009. С. 172.

[6] *Ћирковић С.* Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије. Београд, 2012. С. 88.

[7] *Ilić M.* Discourse and Ethnic Identity. The Case of the Serbs from Hungary. Berlin-Munich, 2014. P. 243.

[8] Ibid. P. 289.

вписать его в социальный контекст, благодаря самой социальной природе высказывания[9].

Интервью используется многими гуманитарными науками как средство получения эксплицитной и имплицитной информации. Нас интересовали культурные практики прошлого и опыт информантов при их социализации, а также факты современной лингвистической реальности. Во время интервью, когда целью служит выяснение биографии информанта, «опрашиваемые должны сами структурировать свой рассказ как “эксперты своей жизни и опыта”»[10], через воспоминания они реконструируют события, действия, переживания. У. Вольф-Кнутс говорит следующее о процессе воспоминания, главном в дискурсе наших информантов:

«Когда мы вспоминаем и рассказываем другим о нашем жизненном выборе, мы восстанавливаем события в нашей психике, мы устанавливаем контакт с самим собой как с другим человеком, решения и поступки которого мы рассматриваем «извне». Мы оцениваем этот жизненный выбор и ведем переговоры с самим собой в процессе оценки»[11].

Для наших целей было важным выяснить, как происходит оценка отдаленных по времени событий, а также то, какие вербальные и невербальные средства для этого используются. Благодаря воспоминаниям наших информантов мы можем узнать, какими были в прошлом те населенные пункты, районы, места, в которых проходили экспедиции. При применении ретроспекции возникает близкий каждому человеку образ, связанный с его детскими, юношескими годами, молодостью. Информанты делятся знаниями об облике тех мест, их инфраструктуре, архитектуре зданий, планировке, что воссоздает атмосферу самого места и одновременно позволяет собрать сведения о языковой ситуации.

Далее мы приведем фрагменты бесед с информантами о Телепе, районе г. Нови-Сад, в прошлом населенном преимущественно венграми, каким он запомнился информантам на временной дистанции с конца 40-х и, примерно, до начала 70-х гг. XX века. Приводятся фрагменты интервью от информантов-венгров на сербском и венгерском языках, от старожилов-сербов на сербском языке, и от информанта украинской национальности на украинском языке.

---

[9] *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2009. P. 179.

[10] *Vavti Š.* Lebenswestliche Rahmenbedingungen und ihr Einflus auf die Selbstpräsentation in biografischen Erzälungen: Fallstudie Katja // Razprave in gradivo, Revija za narodnostna vprašanja, 67, April, Ljubljana, 2012. P. 58.

[11] *Wolf-Knuts U.* Would I have been Better Off There? Comparision, Need and Conduciveness in Finnish Emigrant's Account // Journal of Ethnology and Folkloristics. Vol. 8. No. 1. 2014. P. 3.

Сам Телеп был основан в окрестностях г. Нови-Сад в конце XIX века по плану министра сельского хозяйства Венгрии Игнаца Дорани (*Ignác Darányi*). По фамилии министра и называли это поселение (*Dorányi telep – поселение Дорани*). Поселенцам предоставлялась земля для посадки виноградников и для строительства дома. Александр Адамович, торговец вином, предоставил для разведения виноградники (в его честь назван соседний с Телепом район *Adamovićevo naselje*)[12]. На Телепе поселились венгры[13], которые стали заниматься сельским хозяйством, выращивали виноград:

[1] *Telep az úgy keletkezett hogy azt a részt fölszabdalták, és akkor kaptak egy szőlőt az emberek, és egy házhelyet, nem tudom, hány ezer család kapott így, az első világ háború előtt … szőlőművések, sokkal jártak át csónakkal, a Fruska Gorára, ott volt szőlőjük, és akkor itt is volt, nagyon* ***sokan szőlősgazdák voltak*** (Телеп возник так, что эту часть нарезали, и люди получили виноградники, и место для дома, не знаю, сколько тысяч семей так получили, до первой мировой войны … виноградари, они много ездили на лодках, на Фрушку Гору, там были их виноградники, и потом тут тоже были, очень **многие были виноградарями**) (НС)[14].

Другой информант рассказывает о своих детских впечатлениях (50-е гг.). В рассказе он воссоздает атмосферу провинциального, практически сельского быта, когда улицы еще не были асфальтированы, что позволяло детям больше времени проводить вне дома со сверстниками, а родителям не бояться за их безопасность из-за движения автомобилей. Образ бабушки информанта, сидящей перед домом и беседующей с соседями, призван усилить впечатление о сельском характере Телепа того времени. Жители Телепа выращивали овощи в своих огородах, что сейчас трудно себе представить в условиях современного города из-за возросшей урбанизации и сноса старых домов в частном секторе. Информант с ностальгией вспоминает то время:

---

[12] *Dragin A*. Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. P. 17.

[13] Венгерское население было также в самом Нови-Саде, однако в урбанной среде венгры не преобладали. Так, в XVIII веке в городе существовал только один профессиональный венгерский цех, цех сапожников (Érdujhelyi M. *Újvidék története, 1894*, Újvidék, 2002, 228 o.), тогда как другими цехами владели немцы и сербы. О мультиконфессиональном характере Нови-Сада в конце XIX века свидетельствуют данные переписей: в 1891 году католиков насчитывалось 9581, православных (в основном сербы) 8908, евангелистов (в основном немцы и словаки) 2449, реформатов (в основном венгры) 1928, иудеев 1507 [Ibid 168 o., 172 o., 188 o., 189 o., 192 o].

[14] При передаче отражались индивидуальные особенности речи информантов. После каждого примера приводится место записи.

[2] ***Telep je naravno nije izgledao ovako urbano**, ulice nisu sve bile asfaltirane, ali po meni je to bilo jako lepo, zato što su se deca igrala na ulici, nije bilo tolko saobraćaja, više se družilo, znam, da i roditelji su se više družili, moja baka je onako još sedela ispred kuće sa komšinicama i pričala tako da ovaj, mislim, dobro, to su bila takva vremena, autobusom smo išli do grada, nije bilo tolko automobila, bile su velike bašte, svi su oko svoje **okućnice**, imali ono osnovno povrće, voće, meni je bilo jako lepo u ono vreme* (**Телеп, конечно, не выглядел так по-городскому**, не все улицы были асфальтированы, но, по-моему, это было очень хорошо, потому что дети играли на улице, не было такого движения, больше общались, я знаю, что и родители больше общались, моя бабушка вот так еще сидела перед домом с соседками и разговаривала, так что, я думаю, хорошо, это были такие времена, на автобусе мы ехали до города, не было столько автомобилей, были большие огороды, все около своего **огорода**, были основные овощи, фрукты, мне было очень хорошо в то время) (НС).

В третьем фрагменте [3] описан уже другой период, детство информанта, пришедшееся на 60-е гг. Мы видим, что дети могли спокойно кататься на санках, оставаясь на улице до темноты:

[3] *Szóval mi történik a Telepen? **amikor én gyerek voltam**, nem éreztem semmit, mentünk szánkózni, téli szünet volt, együtt mentünk az egész utca, nem volt hogy vártuk azt a hét órát este hogy leessen a sötét, az egész utca, gyerekek* (Словом, что происходит на Телепе? Какая там жизнь? **Когда я была ребенком**, я не чувствовала ничего, мы шли кататься на санках, были зимние каникулы, мы вместе шли по улице, не было, чтобы мы ждали семи вечера, что стемнеет, вся улица, дети) (НС).

Однако в последнее время Телеп меняется. Изменение городского ландшафта отмечено в четвертом фрагменте [4]: земли сельскохозяйственного назначения застраиваются, город расширяется. Информант говорит о том, что их старый дом снесли, а затем дали квартиру в новостройке:

[4] *P. Most nincs, mert **lebontották a házakat**, építették azt a ...*
G. Ez új?
P. Persze, ez most lett felépítve, mennyi? egy éve hogy behozták az embereket, itt volt nekünk a házunk, szóval itt volt a szomszédnak a háza, itt voltunk mink, és a ház névébe kaptam eztet ahol dolgozok.

П. Сейчас нет, потому что **дома снесли**, построили этот…
Г. Новый?

П. Конечно, это сейчас построили, сколько? Один год, как заселили людей, здесь был наш дом, словом, здесь был соседский дом, здесь были мы, и за свой дом я получила это [помещение], где я работаю (НС).

О сельском характере окрестного ландшафта говорит информант украинской национальности, проживающий на севере от района Телеп. Ниже приводятся свидетельства, относящиеся к послевоенному времени:

[5] *Град, Но́ві-Сад, кад смо прии́хали сюди́ тут було́,* ***све би́ли хати́****, дома́, нє були́ оци́ такі́ двоета́жні, о́вай, нє є було́, було́ хати́, по́сля, сад два ро́ка, як зробили оци́ хати́ там, оті́ дома́, ета́жні,* ***све би́ли поля́****, там, Хфу́тошки, Хфу́тошка доро́уа, та́мо све були́ хати́ и поля́, све су лю́ди сі́яли жи́то, пшени́цю, све су та́мо сі́яли лю́ди,* ***ні́є є було́ та́ко*** (Город, Нови-Сад, когда мы приехали сюда, тут было, **все были дома**, не были такие двухэтажные, это, не было, были дома, сейчас два года, как сделали эти дома там, эти дома, многоэтажные, **все были поля**, там, Футошки, Футошки пут, там все были дома и поля, люди сеяли пшеницу, все люди сеяли, **не было так**) (НС).

В контексте нашего исследования важно, что изменение архитектурного ландшафта и урбанизация влекут за собой и изменение в этническом составе населения и, как следствие, в языковой ситуации. Под языковой ситуацией мы понимаем «языковое обеспечение коммуникации в социуме»[15]. В самом районе Телеп еще сохранились частные дома с типичной застройкой, однако постепенно практика сноса старых домов и замена их многоквартирными современными комплексами проникает и сюда. Сегодня район Телеп считается одним из престижных в Нови-Саде[16]. До появления в окрестностях Телепа промышленных предприятий, в этой части Нови-Сада еще сохранялась «венгерская среда», позже сюда начинают переезжать сербы. По данным статистики, на 2005 год в районе проживало 17000 жителей, большинство составляли сербы[17]. А. Драгин пишет, что многие сербы переселились в эту часть города в последние два десятилетия[18]. Тем не менее, Телеп продолжает оставаться центром венгерской культурной жизни, здесь функционирует культурное обществом им. Шандора Петефи, две восьмилетние школы, в которых открыты венгерские

[15] *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003. С. 15.

[16] *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. S. 17.

[17] *Úri F.* Telep // Enciklopedija Novog Sada. Knjiga 28. Novi Sad, 2007. S. 63.

[18] *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. S. 18.

классы (в последнее время численность учащихся в них снизилась) – школа им. Аттилы Йожефа и школа им. Николы Теслы.

Телеп считался тем местом, где заканчивается город и начинается село. До окраин города ходил трамвай. Жители Телепа помнят, как было непросто добраться до центра Нови-Сада. На ощущение социальной и национальной обособленности накладывалось еще чувство географической изолированности жителей Телепа, сформированное из-за его труднодоступности и удаленности. Регулярное сообщение с центром Нови-Сада было установлено только в 1958 году[19]. Ниже приведем свидетельства информантов о транспортной доступности Телепа:

[6] *Cara Dusana, igen,* ***kétharmada akkor magyar****, de akkor még családi házak voltak, most már alig van belőlük négy, öt* (*Cara Dusana* (бульвар Царя Душана), да, **две трети были тогда венграми**, но тогда были частные дома, а сейчас едва наберется четыре-пять [частных домов]) (НС).

[7] *K. Ezen a nagy sugárúton valamikor is ment a vasút, ez vasút volt, és ment a postáig, egy kis posta, piac, Limáni piac, ott van egy kis posta, az volt a vasútállomás, s akkor erre ment a vasút, még részei megvannak, arra vége felé … itt volt a városnak a vége, a villamos, tramvaj, az itt fordult meg, ezen a sarkon, és itt volt a korház, ez akkor a városnak a széle volt,* ***Telep az már ilyen falunak számított****.*

G. Tehát nem volt a város része?

K. Igazán nem, különállónak tekintették, olyan külváros, amit hát külön tekintettek.

К. На этом большом проспекте когда-то была железная дорога, это была железная дорога, она шла до почты, небольшое здание почты, рынок, лиманский рынок, там есть небольшое здание почты, когда-то это была станция, и до туда шла железная дорога, ее части и сегодня есть, туда до конца… там был конец города, трамвай тут разворачивался, на этом углу, и тут была больница, и это была окраина города, **Телеп уже считался селом**.

Г. То есть он не был частью города?

К. На самом деле нет, его считали отдельной частью, такое предместье, которое, ну, можно считать отдельным (НС).

[8] *Nem,* ***Telepen nagyon nehéz volt a közlekedés****, amikor én idekerültem, akkor is nehéz volt, kellett erre busszal és utána mentél valahova, Telepről bussz* (Нет, **на**

[19] *Dragin A*. Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. S. 17.

Телепе было очень трудно с транспортом, когда я попал сюда, и тогда было трудно, до этого места нужно было ехать на автобусе, а потом ты шел куда-то, с Телепа автобус) (НС).

Прошлое ассоциируется с преобладанием венгерского населения в районе Телеп, с большей ролью венгерского языка в локальном сообществе[20]. Символической границей этого периода являются индустриализация, урбанизация и приток сербского населения. Смену эпох информант из 9 фрагмента [9] характеризует фазовым глаголом (*utána már kezdődött* – и потом уже началось). С. Чиркович, анализируя временные маркеры в речи косовских беженцев, также отмечает частое использование глагола «начаться» в нарративах (*počelo je*), который «символизирует начало войны [война в Косово] как временную границу, по отношению к которой собеседники лоцируют события, о которых говорят»[21].

[9] ***Telepen java rész magyarok voltak**, akkor a mestereim magyarok voltak, java részt, mondjuk rá, huszonöt, harminc évig, **utána már kezdődött**, nagyobb vállalat, több szerb jött, akkor már nem, sokkal többet beszéltünk akkó így a néppel, mert **sokkal több magyar volt**, az üzletekbe is még a környezetbe, szomszédok, a gyerekkorban még a legénykorban mint már ma* (**На Телепе большей частью были венгры**, тогда моими мастерами были венгры, большая часть, скажем, двадцать пять, тридцать лет, **потом уже началось**, большие предприятия, приехало много сербов, тогда нет, мы гораздо больше разговаривали с людьми, потому что **было гораздо больше венгров**, в магазинах и в окружении, соседи, в моем детстве и юношестве, чем сейчас) (НС).

Об особой среде, где все друг друга знали и, благодаря этому, было чувство большей безопасности, свидетельствует информант в 10 фрагменте [10]. Эти воспоминания являются контрастом для современной ситуации, когда потеряна связь с окружающими из-за миграций и смены поколений:

[20] О венгерском характере Телепа в прошлом упоминает информант в исследовании А. Драгин: *Mađarska. Mađarska deca, uglavnom su Mađari bili na Telepu. Na Telepu je... je, je retko ko bio... a da nije bio Mađar. Mađarska, mađarska, ceo Telep je bio mađarski* (Венгерские. Венгерские дети, в основном венгры были на Телепе. На Телепе…, редко кто был, не венгр. Венгерские, венгерские, весь Телеп был венгерским): Dragin A. Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. S. 87.

[21] *Ћирковић С. Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије*, Београд, 2012. С. 88.

[10] *Jako dugačka ulica, ona ide skroz do Futoga, moji su negde tu na polovini,* ***ja sam nekad znala u svakoj kući ko stanuje*** (Очень длинная улица, она идет до Футога, мои где-то там на середине, **я когда-то знала, кто живет в каждом доме**) (НС).

Заключение

Таким образом, Телеп и районы Нови-Сада, непосредственно примыкающие к нему (Детелинара, Адамовичево населе, Грбавица), сегодня подвергаются форсированной урбанизации[22]. На смену сельскому укладу, который еще застали информанты, приходит большой город с его закономерностями развития. Постепенно вымывается старая среда, ощущение географической обособленности, чувство того, что Телеп находится на окраине Нови-Сада (и в какой-то степени даже ему не принадлежит). Ср., например, мнение информанта об изменениях в районе Грбавица:

[11] *Az úgy nevezett* ***Grbávicának nevezik****, ez a Limán mellett, szóval, nem tudom megmagyarázni, a Limáni piac mögotti része,* ***ahol földszintes házak voltak****, tíz évvel ezelőtt és most kezdődött a földszintes családi házak lebontása* (Так называемая, **называется Грбавица**, это рядом с Лиманом, я не могу объяснить, район за лиманским рынком, **где были одноэтажные дома**, десять лет назад, и начался снос частных домов) (НС).

Как результат, трансформируется и языковая ситуация: вместе с патриархальностью, сельским бытом уходит и замкнутый венгерский мир; промышленные предприятия и жилые объекты как бы накладываются на венгерскую основу, которую все труднее разглядеть в городском ландшафте, и о которой визуально свидетельствуют лишь топонимика (в том числе и названия улиц[23]: *Kiš Ernea*, *Senteleki Kornela*, *Petefi Šandora*, *Adi Endrea*, *Karas Pala*, *Đorđa Mikeša* и др.), культурные учреждения (культурное общество им. Шандора Петефи) и конфессиональные объекты (католическая и реформатская церкви). Собеседники напрямую связывают урбанизацию и изменение их уклада жизни, а также ослабление позиций венгерского языка в повседневной жизни Телепа. В то же время функционирование венгерского языка неразрывно ассоциирует-

[22] *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad, 2015. S. 18.

[23] Следует отметить, что в сербской топонимике, а также в названиях учреждений (библиотеки, школы) на сербском языке, венгерские имена и фамилии передаются в соответствии с порядком слов в венгерском языке, когда фамилия предшествует имени (венг. *Ady Endre*, рус. *Эндре Ади*, серб. *Adi Endre*), тогда как собственно сербские имена и фамилии пишутся в ином порядке (ср. *ulica Jovana Popovića*).

ся именно с районом Телеп, как с самым венгерским местом на карте Нови-Сада.

Рис. 1. Нови-Сад. Венгерский театр

Рис. 2. Район Телеп

Список литературы

1. *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М.: Наука, 2003. 279 с.
2. *Пилипенко Г.П.* Некоторые аспекты изучения словенской речи прекмурских венгров // Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 251–257.

3. *Пилипенко Г.П.* Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект // Українсько-угорські міжновні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2014. С. 246–265.

4. *Пилипенко Г.П.* Контактные особенности в языке венгров города Нови-Сад // Материалы 44 Международной филологической научной конференции 11–16 марта 2014 г. Уралистика / Под. ред. доц. Н.Н. Колпаковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 76–82.

5. Попис становништва, домаћинстава и станова 2011. у Републици Србији. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима. Београд, 2013. URL: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/Popis2011/Nacionalna %20pripadnost-Ethnicity.pdf (Дата обращения: 2017-16-02)

6. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

7. *Ћирковић С.* Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. 222 с.

8. *Assmann J.* Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2011. 334 p.

9. *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa Novi Sad: Magyar Szo, 2015. 170 p.

10. *Érdujhelyi M.* Újvidék története, 1894. Újvidék: Agapé, 2002. 346 p.

11. *Ilić M.* Discourse and Ethnic Identity. The Case of the Serbs from Hungary. Berlin-Munich: Otto Sagner Verlag, 2014. 344 p.

12. *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd: Balkanološki Institut, 2009. 229 p.

13. *Pilipenko G.* Russian language among Hungarians in Transcarpathian Region (Ukraine): Sociolinguistic Features // Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century, Volume 1. (Ed.): A. Biagini, G. Motta. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 169–181.

14. *Úri F.* Telep // Enciklopedija Novog Sada, knjiga 28, Novi Sad, 2007. 336 p.

15. *Vavti Š.* Lebenswestliche Rahmenbedingungen und ihr Einflus auf die Selbstpräsentation in biografischen Erzälungen: Fallstudie Katja // Razprave in gradivo, Revija za narodnostna vprašanja, 67, April, Ljubljana, 2012. P. 52–73.

16. *Wolf-Knuts U.* Would I have been Better Off There? Comparision, Need and Conduciveness in Finnish Emigrant's Account // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8. № 1. P. 3–22.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА»

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-4
УДК 94(47)

Марьятта Рахикайнен
доктор, доцент социальной истории
университет Хельсинки, Финляндия
marjatta.rahikainen@helsinki.fi

Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга

Аннотация. В данной работе рассматриваются три аспекта сходства между Хельсинки и Санкт-Петербургом. Во-первых, центр Хельсинки начала XIX века стал напоминать Санкт-Петербург в миниатюре, поскольку архитектор города – К.Л. Энгель – испытывал восхищение перед неоклассической архитектурой Санкт-Петербурга. Во-вторых, Хельсинки (на шведском Гельсингфорс) подходил на роль, которую дал ему А. Белый в романе «Петербург» (1916), поскольку имел название, знакомое читателю и в 1905 г. более современное, чем Санкт-Петербург. В-третьих, кинофильмы периода холодной войны, где Хельсинки выступает в роли Петрограда/Ленинграда и Москвы, демонстрируют, что грань между фактическим и вымышленным может размываться.

Ключевые слова: Карл Энгель, Яков Грот, Фаддей Булгарин, Элизабет Ригби, Ксавье Мармье, Луи Леузон-Ледюк, Андрей Белый, стиль ампир, распланированные города, роман-путешествие

Введение

Названия городов – это больше, чем просто названия: они вызывают воспоминания, затрагивают эмоции и служат символами; для кого-то название города может звучать запретным, для кого-то – притягательным. Что представлял собой имперский Санкт-Петербург? На протяжении двух веков для многих людей на большой территории он означал возможности. Однако, это стало меняться к концу XIX века, когда на эту роль стала претендовать Москва.

К тому времени, как Андрей Белый написал «Петербург» (1913), сам город стал для него символом застывшего старого порядка, по крайней мере, как я это поняла, когда читала «Петербург» первый раз. Меня также поразило, что маленький Хельсинки, или Гельсингфорс[1], играл в этом вспомогательную роль. Я

[1] Все современные писатели, цитируемые здесь, включая А. Белого, использовали для обозначения Хельсинки шведское название «Гельсингфорс» (Helsingfors). В Финляндии в

не знаю, бывал ли когда-нибудь Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) в Хельсинки / Гельсингфорсе по дороге из России в Западную Европу и обратно, как делали многие из его российских современников. Мне также неизвестно, знал ли Белый тот факт, что гости города в XIX в. отмечали, что Хельсинки / Гельсингфорс по своему виду был похож на Санкт-Петербург. Более того, во второй половине XX века, во времена холодной войны, Хельсинки играл роль мнимого Петрограда / Ленинграда и Москвы в ряде американских кинофильмов. Сам факт того, что небольшой Хельсинки / Гельсингфорс ассоциируется с величественным Санкт-Петербургом в таком определенном контексте, побудил меня написать это эссе.

Основная часть

Начнем с представления Финляндии как части Российской Империи с 1809 г. по 1917 г. и роли в этом Санкт-Петербурга. Затем рассмотрим причины, по которым скромный Хельсинки / Гельсингфорс напоминает имперский Санкт-Петербург. Следом зададимся вопросом, из-за чего Хельсинки / Гельсингфорс мог подходить для той роли, которую ему отвел А. Белый в романе «Петербург». В качестве эпилога ставится вопрос, вызываемый американскими кинофильмами, в которых современный Хельсинки играет роль Петрограда / Ленинграда и Москвы, возможно ли будет отделить фактическое от вымышленного в будущем?

Финляндия и дореволюционный Санкт-Петербург

В 1703 г., во время Северной войны, царь Петр I основал Санкт-Петербург в устье р. Невы для защиты завоеванной, в большей степени говорящей на финском языке, провинции Ингрия (Ингерманландия) от Шведского королевства. В отличие от своего шведского предшественника Ниеншанца (Nyenskans), новому городу Петра предстояло превратиться в мегаполис. В течение XVIII века Санкт-Петербург унаследовал в северной Балтике роль Стокгольма, который испытывал период застоя[2].

В 1809 г., в период наполеоновских войн, Швеции пришлось уступить все свои финские провинции России, и в том же году император Александр I объединил их в новое политическое образование – Великое княжество Финляндское. В 1812 г. император превратил Хельсинки / Гельсингфорс, небольшой

XIX веке языком правительства был шведский, на нем также в значительной мере говорили в Хельсинки; сегодня он является родным языком этнического меньшинства.

[2] *Söderberg J., Jonsson Ulf & Persson C.* A Stagnating Metropolis: The Economy and Demography of Stockholm, 1750–1850. Cambridge, 1991; *Sven-Erik Åström* From Stockholm to St. Petersburg: Commercial Factors in the Political Relations between England and Sweden 1675–1700. Helsinki, 1962. Pp. 109–119.

морской порт[3], в новую столицу Великого княжества. Морская крепость Свеаборг в непосредственной близости от города повлияла на его выбор. Смена монарха прошла относительно гладко, поскольку существующие (шведские) законы оставались в силе, а управленческий аппарат и Лютеранская церковь – в неприкосновенности. Отношения между российскими императорами и их финскими подданными также оставались более или менее беспроблемными большую часть XIX века, до начала царствования Николая II[4].

Лояльность элиты Финляндии поощрялась в числе других привилегий тем, что сыновьям знати было доступно бесплатное военное образование в Финском кадетском корпусе в Хамине / Фридрисхгаме (Hamina / Fredrikshamn), а также в менее престижной Юнкерской школе в Гельсингфорсе. Благодаря обучению в Кадетском корпусе становилось возможным сделать карьеру офицера в Русской императорской армии[5]. Также дочерям финской знати была пожалована императрицей Марией Федоровной квота на бесплатные места в Смольном институте в Санкт-Петербурге. Эта привилегия, по-видимому, высоко ценилась, поскольку четырнадцать бесплатных мест всегда были заполнены[6]. Кроме того, императорский двор Санкт-Петербурга стал альтернативой королевскому двору в Стокгольме. Дочери виднейших дворян Финляндии могли рассчитывать на то, что они будут отобраны в качестве фрейлин императрицы. В целом, лояльность финских гражданских и военных чиновников императорам способствовала перспективам замужества их дочерей[7].

Элита Финляндии начала XIX века была расположена к тому, чтобы сохранять социальную иерархию, как и элиты российских Остзейских провинций и

---

[3] Хельсинки / Гельсингфорс был основан в устье реки Вантаа / Ванда, но в 1640 был перенесен на его нынешнее место. В 1810 г. население города составляло около 3500 жителей (без учета многочисленных военных).

[4] *Kirby D.* A Concise History of Finland, Cambridge, 2006. Pp. 71–149; *Schweitzer R.* Government in Finland: Russia's Borderland Policy and Variants of Autonomy // Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study / eds. Michael Branch, Janet M. Hartley and Antoni Mączak. London, 1995. Pp. 91–109; *Каллейнен К.* Священные узы бюрократии – высшее чиновничество Финляндии и Россия 1809–1898 гг. // Два лика России. Сборник статей / Под ред. проф. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007. С. 27–45.

[5] *Screen J.E.O.* The Military Relationship between Finland and Russia, 1809–1917 // Finland and Poland in the Russian Empire. Pp. 259–270; *Screen J.E.O.* The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army. Studia Historica 22. Helsinki, 1986. Pp. 11–34; *Engman M.* Officers and Artisans: Finns in Russia // Finland and Poland in the Russian Empire. Pp. 241–258.

[6] *Löfving E.* Finländska flickor i jungfrustiftet Smolna i Petersburg // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1988. Vol. 63. Ss. 277–306.

[7] *Ilmakunnas J.* Career at Court: Noblewomen in Service of Swedish and Russian Royals, c. 1750–1850 // Women's History Magazine. 2013. Vol. 72. № 2. Pp. 4–11; *Rahikainen M.* The fading of the ancien régime mentality: Young upper-class women in imperial St Petersburg and Helsinki (Helsingfors) // Scandinavian Journal of History. 2015. Vol. 40. No. 1. Pp. 25–47.

самой России. Однако, в Финляндии (и Швеции) дворянство уже давно утратило свою монополию на землю. Исходя из этого, статус финского дворянства основывался не на владении землей, а, скорее, на высокой гражданской или военной должности. Следовательно, в первую очередь оценивался официальный чин (rang) мужчины и его сословная принадлежность (stånd). Положение в обществе женщины определялось рангом и социальным положением ее отца или мужа[8]. В 1722 г. Петр I перенес в Россию формулу шведской Табели о рангах,[9] таким образом, Табель о рангах, применявшаяся в XIX веке в Финляндии, представляла собой сочетание шведского и российского порядков. У каждого ранга была своя отличительная форма. В 1830-х гг., во время царствования Николая I, как отмечал немецкий дворянин И.Г. Коль, половина населения Санкт-Петербурга носила те или иные мундиры, и мужчины в статской одежде всегда уступали мужчинам в форме. Это же было справедливо и для Гельсингфорса[10].

Миграция из Финляндии в Санкт-Петербург была распространена. По отзывам современников, все предметы роскоши и все новые товары доставлялись в Финляндию из Санкт-Петербурга. Элиту привлекала близость высшего общества к императорскому двору; ремесленников, владельцев кафе и ресторатоpов – возможность приобретения опыта на престижном рынке товаров и услуг, деревенских девушек – спрос на домашнюю прислугу, а финских нищих – традиция православных россиян подавать милостыню. Трудовая миграция из Финляндии в Россию затрагивала людей разных классов, включая детей. Финские граждане были юридически свободными (в Швеции и Финляндии никогда не было крепостного права); таким образом, те, у кого не было права владеть крепостными, могли нанять их. Более того, тысячи финнов поселились в Санкт-Петербурге в качестве владельцев магазинов и квартир[11]. Многонациональный характер населения способствовал смешанным бракам между представителями

[8] *Upton A.* Epilogue // Finland and Poland in the Russian Empire. Pp. 283–287; *Wirilander K.* Herrskapsfolk: Ståndspersoner i Finland 1721–1870. Stockholm, 1982. Ss. 18–22, 98–99, 108–113, 140–162.

[9] *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. Pp. 106–113.

[10] *Kohl J.G.* Russia and Russians in 1842. Vol. I. Petersburg. London, 1842. Pp. 70–73; *Léouzon Le Duc L.* La Finlande: Son Histoire primitive, sa Mythologie, sa Poésie épique, II. Paris, 1845. Pp. 441–442.

[11] *Engman M.* Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century // Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. Pp. 155–177; *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге / пер. со швед. А. И. Рупасова. СПб., 2008. С. 61–69, 96–117, 136–285; *Katajala K.* Eastern Finland and St. Petersburg 1809–1917: Restructuring of Infrastructure and Rural Economy in the Concentric Circles around a Metropolis // The East-West Interface in the European North / eds. M. Dahlström, H. Eskelinen & U. Wiberg, Uppsala, 1995. Pp. 11–27. О торговле детьми см.: *Rahikainen M.* Historical and present-day child labour: Is there a gap or a bridge between them? // Continuity and Change. 2001. Vol. 16. No. 1. Pp. 137–156; *Ransel D.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. Pp. 219–230.

разных религий и говорящими на разных языках, но не между представителями разных сословий. Экзогамные браки были относительно привычны среди населения, говорящего на немецком, шведском и финском языках. Финны, говорящие на шведском, в Санкт-Петербурге были, в среднем, выше по социальной иерархии, чем финны, говорящие на финском, и это отражалось на брачных предложениях.[12]

Несмотря на некоторое количество параллелей, со временем различия между финским и российским обществом становились все более и более очевидными. В Финляндии старая элита высокопоставленных знатных чиновников долгое время близко сотрудничала с богатыми купцами и промышленниками по поводу выгодных вложений в торговлю и промышленность. Посредством такого делового сотрудничества финская знать постепенно перенимала менталитет и образ жизни образованных буржуазных высших классов. За пятнадцатилетний период, начиная с 1860-х гг., финский *Lantdag* (Ассамблея сословий) полностью пересмотрел экономическую политику и создал институциональные предпосылки для капитализма свободной конкуренции. Таким образом, конфликтующие интересы четырех сословий[13] *Лантдага* не исключали их общей заинтересованности в целях экономической модернизации[14]. Правящие классы в Финляндии и дворянство в Остзейских губерниях адаптировались к надвигающемуся мировому капитализму более целесообразно, чем дворянство в самой России; при этом ни одна из элит, владеющих землей, не избежала кровопролития, когда были разрушены остатки старого порядка[15].

Хельсинки / Гельсингфорс XIX века как Санкт-Петербург в миниатюре

В июле 1838 г. Фаддей Венедиктович Булгарин – русский писатель и редактор журнала «Северная пчела» – прибыл в Таллинн / Ревель на борту небольшого парохода "Storfursten" («Великий Князь»), который курсировал между Санкт-Петербургом – Таллинном / Ревелем – Гельсингфорсом – Турку / Або-Стокгольмом. После того, как корабль обогнул морскую крепость Свеаборг,

[12] *Busch M.* Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Düsseldorf, 1995. Ss. 26–28; *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. С. 294–303.

[13] Четыре сословия – дворянство, духовенство, горожане и крестьяне (Bonde).

[14] *Heikkinen S.* Labour and the Market: Workers, Wages and Living Standards in Finland, 1850–1913. Helsinki, 1997; *Peltonen M.* A bourgeois bureaucracy? The new mentality of the Finnish aristocracy at the beginning of the period of autonomy // State, Culture and the Bourgeoisie / ed. M. Peltonen. Jyväskylä, 1989. Pp. 33–53; *Rahikainen M.* The fading of the ancien régime mentality.

[15] *Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley, 1988; *Seymour B.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Dekalb, 1985; *Blum J.* Russia // European Landed Elites in the Nineteenth Century / ed. David Spring. Baltimore & London, 1977. Pp. 68–97; *Whelan Heide W.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln, Weimar & Wien, 1999.

показался центр Гельсингфорса. Булгарин был удивлен: мог ли этот город находиться в Финляндии? Это же часть Петербурга!

«Узкимъ проходомъ, подъ пушками Свеаборга, на разстоянии полувыстрела пистолетнаго, вошли мы въ Гельсингфорский заливъ, и тутъ снова неожиданная, прелестная картина открылась передъ нами. Ужели это городъ Финляндии, которую мы привыкли называть *бедною?* Да это уголокъ Петербурга! .... Только высокая скала, на правой стороне пристани (полуостровъ Скатуденъ), усеянная хижинами, остатками стариннаго Гельсингфорса, припоминаетъ мне, что я въ Фипляндии. Вотъ мы уже въ гавани!»[16]

Примерно в это же время русский филолог Яков Карлович Грот[17] впервые побывал в Гельсингфорсе, в котором он впоследствии прожил более десяти лет. Его первые впечатления были схожи с впечатлениями Булгарина. Эрудированным читателям российского журнала «Современник» Грот описывал Хельсинки / Гельсингфорс как полудикую красоту:

«Гельсингфорс красавецъ и въ томъ и въ другомъ отношении, но красавецъ еще развивающийся, полудикий, исполненный противоположностей и странно поражающий путешественника, особенно Петербургскаго жителя, вокругъ котораго все такъ правильно, стройно, гладко. Напротивъ въ Гельсингфорсе, рядомъ съ приветливымъ искусствомъ, видишь природу мрачную и грозную. На серыхъ, чудовищныхъ массахъ гранита высятся тамъ величавыя, яркия зданья и башни; прибывъ съ береговъ Невы, невольно припоминаешь ихъ, думаешь на мгновенье, что не разлучался съ ними; но внезапно уронивъ взоръ на рядъ дикихъ скаль, убеждаешься, что перенесся въ какое-то новое царство».[18]

Вовсе неслучайно архитектура Гельсингфорса казалась довольно похожей на архитектуру Санкт-Петербурга. Архитектор новых зданий городского центра Карл Людвиг Энгель (Carl Ludwig Engel, 1778–1840) испытывал восхищение перед неоклассической ампирной архитектурой Санкт-Петербурга, который он посетил в 1813 г. Энгель родился и получил профессиональное образование в Берлине, но в 1809 г. переехал в Ревель, поскольку из-за наполеоновских войн в строительной индустрии Берлина царил упадок. Однако, сходный упадок по

[16] *Булгаринъ Ф.* Летняя прогулка по Финляндіи Швеціи, в 1838 году. Часть I. СПб., 1839. С. 87–88. Роман-путешествие Булгарина. URL: http://urn.fi/URN:NBN:fi-fd2010-00003163.

[17] О Гроте см.: Философский век. Альманах. Вып. 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.; Хельсинки, 2012. 355 с.

[18] *Гротъ Я.* «Гельсингфорс» // Современник. 1840. № 2. С. 5–82. Примечание 6. URL: http://urn.fi/URN:NBN:fi-fd2010-00002319.

той же причине в конечном счете проявился и в Ревеле, поэтому в 1814 г. Энгель уехал в Финляндию и сначала работал архитектором в Турку / Або. Он познакомился с важными деятелями Финляндии, среди которых Юхан Альберт Эренстрем (Johan Albert Ehrenström, 1762–1847), который в 1812 г. был назначен императором Александром I ответственным за перестройку Гельсингфорса после пожара 1808 г. В 1816 г. Энгель был назначен Александром I архитектором строящихся новых зданий[19].

Точно также как Петр I и Екатерина II в предыдущем веке лично участвовали в планировке Санкт-Петербурга, так и Александр I и Николай I в первой половине XIX века лично участвовали не только в работе над планами Санкт-Петербурга, но также и Гельсингфорса, в котором они бывали неоднократно. Планы нового города как новой столицы представляли на одобрение императору. Планы Гельсингфорса, выполненные Эренстремом, являлись смелой переработкой городского плана XVII века, предполагающей осовременивание барокко в традициях нового стиля, ампир; и теперь они также включали из соображений противопожарной безопасности широкие, прямые улицы и аллеи широколиственных деревьев. Проекты новых официальных зданий вокруг Сенатской площади, такие как здание (финского) Сената, главное здание Университета[20] и Университетской библиотеки, были представлены Энгелем императору, который принимал решение в пользу того или иного проекта. Оба императора, Александр I и Николай I, предпочитали стиль ампир «по-петербургски», поэтому центр вновь отстроенного Хельсинки со светло-желтыми официальными зданиями напоминал Санкт-Петербург в миниатюре.[21]

Будучи молодыми городами по застройке, в середине XIX века как Санкт-Петербург, так и Хельсинки / Гельсингфорс выглядели в глазах людей той эпохи современными; и, аналогичным образом, довольно отличающимися от старых европейских городов. В отличие от нынешних туристов, которых привлекают старые кварталы с петляющими улочками, узкими переулками и живописными маленькими домами, два века назад на гостей Санкт-Петербурга и Гельсингфорса производило впечатление все новое: здания в неоклассическом стиле, большие площади и длинные перспективы, образованные широкими и

[19] *Lindberg C., Rein G.* Stadsplanering och byggnadsverksamhet // Helsingfors stads historia III delen, första bandet. Helsingfors, 1950. Ss. 19–85 (Finnish edition: Helsingin kaupungin historia III:1); *Åström S.-E.* Samhällsplanering och regionsbildning i kejsartidens Helsingfors. Helsingfors, 1957. Ss. 42–68; Воспоминание о Гельсингфорсе: историко-литературный очерк, гл. ред. и сост. общ. текста: Людмила Коль [et al.]. Espoo, 2011. Pp. 21–27.

[20] После большого пожара в Турку / Або в 1827 г. Университет был перенесен в новую столицу и переименован в Императорский Александровский Университет. Булгарин считал, что главное здание Университета было более великолепным и величественным, чем здание Сената (Булгарин. Летняя прогулка по Финляндіи и Швеціи. P. 99.)

[21] *Lindberg & Rein*. Stadsplanering och byggnadsverksamhet. Ss. 9–156.

прямыми улицами. Многим западным гостям Санкт-Петербург начала XIX века казался просторным, красивым, удобным и рациональным[22].

Три западных путешественника посетили как Санкт-Петербург, так и Гельсингфорс в районе 1840 г. и описали впечатления в своих путевых заметках. Осенью 1838 г.[23] англичанка Элизабет Ригби (Elizabeth Rigby) прибыла в Санкт-Петербург на пароходе. Ее первые впечатления о городе были, главным образом, обусловлены великолепными видами не только Невского проспекта, но также прекрасных дворцов, церквей и других вызывающих восхищение зданий. Однако, она также отметила, что многие из восхитительных зданий никогда не ремонтировались, поэтому они являют собой "mixture of shabbiness and grandeur"[24]. Из Санкт-Петербурга она уехала в Эстляндию, а летом 1840 г. совершила путешествие для отдыха и приобретения покупок на борту корабля "Furst Menschikoff" из Ревеля в финскую столицу в компании местных друзей. Из-за пароходного сообщения и новой городской водолечебницы такие путешествия стали пользоваться популярностью среди российской элиты в Санкт-Петербурге и немецкой элиты в Ревеле. Как и в случае с Санкт-Петербургом, первые впечатления Элизабет Ригби при виде Гельсингфорса были очень благоприятными, но при более близком рассмотрении подверглись корректировке:

«Helsingforst[25] is approached through islands of rocks, some of them only tenanted by fishermen, others massively fortified – especially that called Sweaborg, which is the Cronstadt of this Finnish capital. Nor does the likeliness end here, for the town itself, clean and handsomely built, recalls Petersburg upon the first aspect. …

Helsingforst … bears no remains of any former splendour[26]; its oldest houses being shabby erections of wood, which contrast most disadvantageously with those of stone which have started up since … the peace of Friedricksham [Fredrikshamn], in 1809».[27]

Летом 1842 г. французский писатель Ксавье Мармье (Xavier Marmier) побывал в Стокгольме, Або, Гельсингфорсе и Санкт-Петербурге. В российской столице он отзывается с похвалой о «больших и великолепных улицах» и впечат-

[22] *Kohl.* Russia and Russians. 1842. Pp. 1–8; *May J.-B.* Saint-Pétersbourg et la Russie en 1829. Paris, 1830. Pp. 351–352; *Tarnow F.* Briefe auf einer Reise nach Petersburg an Freunde geschrieben. Berlin, 1819. Ss. 22–23, 36– 43.

[23] В ее романе-путешествии не указаны годы, поэтому здесь они даются как наше предположение.

[24] *Rigby E.* [Lady Eastlake] Letters from the Shores of the Baltic. Vol. I. London, 1842. P. 62.

[25] Ригби систематически использовала неправильное написание названия города.

[26] Никогда не существовало «Былого величия»; дома в центре Хельсинки / Гельсингфорса, которые были разрушены пожаром 1808 г., были низкими и деревянными. Было лишь несколько каменных зданий, которые уцелели во время пожара.

[27] *Rigby E.* [Lady Eastlake] Letters from the Shores of the Baltic. Vol. II. London, 1842. Pp. 71, 74–73.

ляющем облике города, но критикует архитектуру: “La plupart des edifices publics de Pétersbourg sont bâtis dans le plus mauvais goût”[28]. В финской столице некоторые из старых деревянных зданий, которые англичанка посчитала неприглядными, уже были заменены новыми каменными зданиями, и Мармье это понравилось. Столица Финляндии была городом

“qui a vu, dans l’espace de quelques années, des centaines d’habitations surgir comme par enchantement dans son enceinte, et des édifices splendides s’élever sur un sol naguère encore aride et nu. Ses rues sont larges, longues et tirées au cordeau, ses places publiques dessinées carrément, et, d’un de ses extrémités à l’autre, Helsingfors a la symétrie des cites construites d’un seul coup par l’autorité d’un souverain … Les enseignes des marchands et des artisans son peintes comme à Pétersbourg … les soldats russes paradent sur la place, au son des clairons et des trompettes.” [29]

При этом, у Гельсингфорса не было вида совсем уж русского города в той мере, как это было у Выборга, который Швеция уступила Российской империи по Ништадтскому мирному договору в 1721 г. Такое впечатление Выборг производил из-за многочисленных бараков в городе и присутствия солдат и офицеров императорской армии на улицах города[30].

Третьим западным путешественником, написавшим об обоих городах, был француз Луи Леузон-Ледюк (Louis Léouzon Le Duc). Впервые он посетил Санкт-Петербург осенью 1840 г., и на него большое впечатление произвел облик города: “Quel ensemble de merveilles! Palais de pierre ou de marbre là où naguère s’entassait la boue, vaste cite … Et tout celà est l’œuvre d’un seul siècle”[31]. В сентябре 1842 г. он впервые приехал в Гельсингфорс, и его впечатления были схожи с впечатлениями Элизабет Ригби:

“Vu du côté de la mer, Helsingfors offre un aspect superbe. … Une vaste place le domine, bordée de maisons neuves et blanches et prolongée par une esplanade ombragée d'une riche verdure. …Quand on pénètre dans l'intérieur de la ville, le charme qu'on avait éprouvé en la contemplant de loin s'évanouit peu à peu. Les rues sont larges, tirées au cordeau, mais le plus souvent âpres, montueuses, et pavées, comme dans toutes les villes du Nord, de petits cailloux aigu……”[32]

---

[28] *Marmier X.* Lettres sur la Russie, la Finlande et la Polonie. Paris, 1851. Pp. 151–153.
[29] Ibid. Pp. 24–25.
[30] Ibid. P. 124.
[31] *Léouzon Le Duc L.* La Russie contemporaine, seconde edition. Paris, 1854. Pp. 1–3, 17; *Léouzon Le Duc L.* L’Ours du nord: Russie – Esthonie – Hogland: Vingt-neuf ans sous l‘Étoile polaire: Première série. Paris, 1879. Pp. 1–5, 213.
[32] *Léouzon Le Duc L.* La Baltique. Paris, 1855. Pp. 447–448.

В Гельсингфорсе на Леузона-Ледюка произвели впечатление морская крепость Свеаборг, здание Сената и главное здание Университета. Он даже знал, что Александр I ввел традицию, по которой Царевич формально являлся канцлером Университета. Однако, хотя город и был красивым, но он не был очень оживленным, кроме как летом, благодаря иностранным гостям, которые помимо русских посещали водолечебницу. Сходство в облике двух городов привело его к заключению о том, что жители как Гельсингфорса, так и Санкт-Петербурга, любят классическую греческую архитектуру[33].

В начале XIX века Санкт-Петербург и Хельсинки представляли собой самодержавную застройку города. Ее эпоха подошла к концу в обоих городах примерно в одно и то же время, в середине XIX века, когда они начали превращаться в центры торговли и промышленности. Около 1850-х гг. оба города страдали от застоя в строительстве, но во второй половине века его сменил резкий подъем. В Санкт-Петербурге на это указывали многочисленные многоэтажные доходные дома[34]. В Гельсингфорсе самые красивые улицы городского центра были обрамлены новыми престижными многоэтажными жилыми зданиями, чьи фасады создавали городской пейзаж, который напоминал обрамленные дворцами улицы Санкт-Петербурга. В 1868 г. большой православный Успенский собор в русском стиле, с позолоченными куполами, был воздвигнут на полуострове Катаянокка / Скатудден (Katajanokka/Skatudden). В округе все постепенно было застроено многоквартирными домами в стиле модерн (югендстиль) для верхних слоев среднего класса.[35] Около 1900 г. городской пейзаж обеих столиц значительно отличался от облика 1850 г.

Необходимо отметить, что новые группы людей, которые превратили маленький город в многонациональный, также добавили сходства облику Гельсингфорса XIX века с Санкт-Петербургом. Эти новые группы включали офицеров, моряков и солдат Российской императорской армии, которая заменила шведскую армию. Вслед за армией в городе вскоре появились первые татарские и еврейские жители. В 1866 г. Полина Венгерова, жена русского офицера в Свеаборге, жаловалась, что еврейское население в городе составляла «только одна маленькая община старых солдат, получивших еще от Николая Первого

[33] *Léouzon Le Duc L.* La Finlande II. Paris, 1845. Pp. 247–251, 338–339, 387–388, 394–395, 421–426; *Léouzon Le Duc L.* Le Renne: Finlande – Laponie – Iles d'Åland. Paris, 1880. Pp. 3–4, 136.

[34] *Bater J.H.* St Petersburg: Industrialization and Change. London, 1976. Pp. 17–40; *Buckler Julia A.* Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityscape. Princeton & Oxford, 2005. Pp. 31–60.

[35] *Brunila B. & af Schultén M.* Stadsplan och byggnadskonst // Helsingfors stads historia, IV delen, första bandet (Финское издание: Helsingin kaupungin historia IV:1). Ss. 9–99; *Åström S.-E.* Stadssamhällets omdaning // Helsingfors stads historia, IV delen, andra bandet (Финское издание: Helsingin kaupungin historia IV:2). Ss. 9–57, 113–147.

привилегию поселиться в этой местности»[36]. Однако, к концу периода империи, многие татарские и еврейские купцы утвердились в качестве респектабельных городских жителей среднего класса[37]. Естественно, жизнь города также оживилась благодаря многим русским и прибалтийским немцам из Санкт-Петербурга, которые поселились в Гельсингфорсе[38]. Более того, благодаря расположению на пути между Стокгольмом и Санкт-Петербургом, небольшой Гельсингфорс посещали зарубежные художники, театральные труппы, ученые и другие путешественники, которые останавливались здесь, путешествуя между двумя большими городами.

Гельсингфорс в романе А. Белого «Петербург»

Даже в период максимального роста доля финских подданных в населении Санкт-Петербурга была незначительной[39]. Тем не менее, «финны» в самом широко понимаемом современном значении должны были быть заметны на улицах Санкт-Петербурга и в пригородах вокруг него, поскольку они образовывали стереотипный литературный образ. Бедный «финский рыболов, печальный пасынок природы» А.С. Пушкина в поэме «Медный всадник» был знаком многим русским. В литературе, как и в реальной жизни, крестьяне, рабочие и уличные торговки, которые говорили на некоем варианте финского или эстонского, могли называться финнами или пренебрежительно «чухня». В «Невском проспекте» Николай Гоголь обыгрывал это отличие: петербургский художник был художником «в стране финнов», но финская женщина, голову которой он рисо-

[36] *Венгерова П.* Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев России в XIX веке. М.; Иерусалим, 2003. С. 260. В оригинале: «Hier in Helsingfors lebten wir fern von allem Jüdischen. In diesem Lande bestand nur eine kleine Gemeinde alter Soldaten, die noch seit der Zeit Nikolaus I. das Privilegium, hier zu wohnen, besaßen» *Wengeroff Pauline* Memoiren einer Grossmutter: Bilder aus der Kulturgeschicte der Juden Russlands in 19. Jahrhundert, Band II. Berlin, 1910. Ss. 155.

[37] *Ekholm L.-K.* Boundaries of an Urban Minority: The Helsinki Jewish Community from the End of Imperial Russia until the 1970s. Publications of the Department of Political and Economic Studies 11, Helsinki, 2013. Pp. 30–31; *Grönfors M.* Minorities and the common culture // Austerity and Prosperity: Perspectives on Finnish Society / ed. Marjatta Rahikainen. Helsinki, 1993. Pp. 159–176.

[38] *Baschmakoff N. and Leinonen M.* Russian Life in Finland: A local and oral history. Studia Slavica Finlandensia tom. XVIII. Helsinki, 2001. Pp. 20–25.

[39] В 1816 г. пятью самыми большими языковыми меньшинствами в Санкт-Петербурге были немцы, французы, финны, шведы и латыши; в 1848 – немцы, поляки, финны, шведы и эстонцы; в 1869 – немцы, финны, поляки, евреи и шведы и в 1910 – поляки, немцы, эстонцы, евреи и финны. Engman,'Officers and Artisans', Table 6; Энгман Финляндцы в Петербурге. С. 140–143.

вал, и финские нимфы на Мещанской улице были «голова чухонки» и «чухонские нимфы».[40]

Около середины XIX века читающая публика Санкт-Петербурга была осведомлена о финском обществе и о том, что происходило в его столице. Я.К. Грот, который в то время жил в Гельсингфорсе[41], написал несколько статей о Финляндии и ее столице в «Современнике», журнале, где редактором был его друг Петр Александрович Плетнев. О Гельсингфорсе и финской культуре в издаваемых ею журналах «Звездочка» и «Лучи» написала Александра Осиповна Ишимова[42]. Фаддей Венедиктович Булгарин уделил финским вопросам внимание в своем периодическом издании «Северная пчела»[43]. Грот и Плетнев считали Булгарина посредственным писателем[44], и, вполне вероятно, они также знали, что он является осведомителем полиции[45]. В любом случае, «Северную пчелу» активно читали в Санкт-Петербурге; Николай Гоголь упоминает этот факт в своих «Петербургских повестях».[46] Иными словами, в Санкт-Петербурге многие русские имели представление о реальном Гельсингфорсе. Полстолетия спустя, ко времени написания А. Белым романа «Петербург», оно могло стать достаточно размытым для его целей.

Таким образом, интересно заметить, что в романе А. Белого «Петербург»[47] нет, в действительности, ничего вымышленного о Гельсингфорсе, чего бы ни

[40] The Collected Tales of Nikolai Gogol. Translated and Annotated by Richard Pevear & Larissa Volokhonsky. London, 2003. P. 252, 261, 269; Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1984. С. 12, 22, 30, 320.

[41] Грот жил в Гельсингфорсе с 1840 по 1853 гг. Он был профессором русского языка, истории и литературы в Императорском Александровском университете (Университете Хельсинки). См. Воспоминание о Гельсингфорсе. С. 36–42.

[42] *Nathanaëlle M.-T.* An Imperial Idyll: Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 199. Helsingfors, 2016. Pp. 175–176; *Приймак Нинель И.* Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников // Гельсингфорс – Санкт-Петербург: Страницы истории: вторая половина XIX – начало XX века / под ред. Т. Вихавайнена & С.Г. Кащенко. СПб., 2012. С. 55–68.

[43] Северная пчела. 1840. № 160, 161, 166, 167.

[44] Переписка Я.К. Грота съ П.А. Плетневымъ / под ред. К. Я. Грота. С.-Петербургъ, 1896.

[45] См. *Schleifman N.* A Russian Daily Newspaper and Its Readership: Severnaja pchela, 1825–1840 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1987. Vol. 28. Pp. 127–144.

[46] В «Невском проспекте», «Записках сумасшедшего» и «Носе» подозрительные персонажи Гоголя либо читают «Пчелу» Булгарина, либо предлагают небольшую статью в нее. The Collected Tales of Nikolai Gogol, 268, 277, 282, 313, 432 n7; *Гоголь Н.В.* Собр. соч. С. 28, 38, 52, 167, 320.

[47] Я использовала следующие издания и соответствующие редакторские и переводческие комментарии: *Bely A.* Petersburg. Translated, annotated, and introduced by Robert A. Maguire and John E. Malmstad, Hassocks. Harvester Press, 1978 (transl. from the Berlin 1922 edition); *Bely A.* Petersburg: A Novel in Eight Chapters with a Prologue and an Epilogue, translated

существовало около 1905 г. в реальном Хельсинки / Гельсингфорсе. Это же справедливо в отношении всех деталей, в которых «Петербург» имеет отношение к Финляндии и финскому. Санкт-Петербург мог показать «Так из финских болот город тебе покажет место своей безумной оседлости красным, красным пятном…», как об этом утверждается в издании 1916 г., и Медный Всадник по-прежнему стоит на финском[48] граните[49]. Сенатор Аполлон Аполлонович из романа Белого однажды подумал, что, когда он выйдет в отставку, хорошо бы поселиться на даче в Финляндии[50]. В реальной жизни зажиточные петербуржцы имели изысканные деревянные дачи на Карельском перешейке, по обе стороны границы, с хорошим железнодорожным сообщением между Санкт-Петербургом – Выборгом – Гельсингфорсом. [51] Более того, финский нож, известный у русских как «финка», который Александр Иванович хотел купить в целях убийства[52], был обычным инструментом в среде финских крестьян и рабочих.

«Вы помните Гельсингфорс и катанье на лодках…», – Зоя Захаровна спрашивает Александра Ивановича в романе Белого «Петербург»[53]. В настоящем Гельсингфорсе такие прогулки на небольших лодках были довольно популярны среди рабочего класса и людей скромного происхождения. Они жили к северу

---

by David McDuff., London: Penguin Books, 1995 (переведено с московского издания 1981 г. и петроградского 1916 г.). Русские издания: *Белый А.* Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом – Petersburg: A Novel by Andrei Bely. Introduction by Georgette Donchin, Letchworth, 1967 (петроградское издание 1916 г.); *Белый А.* Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. СПб., 1999 (переведено с московского издания 1981 г. и петроградского 1916 г.); Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. М., 2007; Петербург: [Роман в восьми главах с прологом и эпилогом]. М., 2011.

[48] В действительности, гранит был доставлен из Карелии (которая не являлась частью Финляндии во времена Екатерины II), как правильно замечено в немецком путеводителе. *Bædeker K.* St. Petersburg und Umgebungen: Handbuch für Reisende. Leipzig, 1901. Ss. 23–24.

[49] *Bely* 1978/1922, p. 64; *Bely* 1995/1981/1916, pp. 55, 126; *Белый/Bely* 1967/1916. Pp. 47, 224; *Белый* 1999/1981/1916, pp. 110–111, 200; *Белый* 2007. P. 55; *Белый* 2011. P. 52.

[50] *Bely* 1978/1922. Pp. 139, 290, 354; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 268, 573; *Белый/Bely* 1967/1916. P. 224; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 376, 755; *Белый* 2007. P. 251, *Белый* 2011. P. 227.

[51] *Baschmakoff and Leinonen* Russian Life in Finland. Pp. 25–31; *Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca & London, 2003. Pp. 58–71, 112; *Ловелл С.* Дачники: история летнего жилья в России 1710–2000. СПб., 2008. С. 70–85, 132; *Hellberg-Hirn E.* Дачный альбом Чукоккала как игра в культуру // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / eds. N. Baschmakoff and M. Ristolainen, A. Series. 3/2009, Helsinki, 2009. Pp. 99–108.

[52] *Bely* 1978/1922. P. 216; *Bely* 1995/1981/1916. P. 424; *Белый/Bely* 1967/1916. P. 354; *Белый* 1999/1981/1916. P. 567; *Белый* 2007. P. 393; *Белый* 2011. P. 355.

[53] *Белый/Bely* 1967/1916. P. 310; *Белый* 1999/1981/1916. P. 503; *Белый* 2007. P. 344; *Белый* 2011. P. 312. Английские переводы (*Bely* 1978/1922. P. 190; *Bely* 1995/1981/1916. P. 372) скорее предлагают туристические экскурсии по архипелагу. См.: *Bædeker K.* Russland: Handbuch für Reisende. Leipzig, 1901. P. 197.

от «длинного моста», который отделял людей более знатного происхождения от рабочих и прислуги так же, как это делали и мосты в Петербурге. В этом рабочем районе были параллельные улицы, называемые «линиями». [54] В небольшом Гельсингфорсе линий было всего пять, в то время как в Петербурге Александр Иванович жил на Семнадцатой линии Васильевского острова[55].

В вымышленном Санкт-Петербурге А. Белого подозрительная личность (Шишнарев), который утверждает, что живет в Гельсингфорсе, напоминает Александру Ивановичу, что они встречались там в кофейне[56]. В реальном Гельсингфорсе подобные персонажи с внешностью более или менее среднего класса могли посещать кофейни в центре города. Там к самым лучшим кофейням относился «Фазер» (Fazer)[57], чьим владельцем являлся Карл Фазер – сын швейцарского иммигранта, который учился на кондитера в Санкт-Петербурге (также как и его конкуренты). На его шоколадной фабрике в Гельсингфорсе трудились русские рабочие, как до, так и после Октябрьской революции 1917 г., в то время как его брат Эдвард Фазер был организатором первого парижского турне Русского Балета в 1908 г.[58]

В Гельсингфорсе Александр Иванович встретил ‘некую особу’:

В Гельсингфорсе был Александр Иванович после бегства своего из мест не столь отдаленных: с Гельсингфорсом у него не было никаких особенных связей: там он встретился лишь с некой особой.

Так почему же именно Гельсингфорс?[59]

В самом деле, почему Гельсингфорс? «Финская тема»[60] в «Петербурге» Белого не волновала редакторов. Тем не менее, Л.К. Долгополов и его последователь – Дэвид МакДафф – предлагают сведения о реальной жизни относительно галлюцинаций Александра Ивановича, которые начались в Гельсингфорсе. В своем письме Александру Блоку 26 ноября 1911 г. Белый пишет в связи с мен-

[54] *Åström* Stadssamhällets omvandling. Pp. 99, 217–218.

[55] *Bely* 1978/1922. P. 12; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 17–18; *Белый* 1999/1981/1916. P. 64.

[56] *Bely* 1978/1922. Pp. 203–207; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 398–408; *Белый/Bely* 1967/1916. Pp. 331–340; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 534–547; *Белый* 2007. Pp. 368–378, *Белый* 2011. Pp. 331–342.

[57] *Bædeker K.* Russland: Handbuch für Reisende. Leipzig, 1901. P. 191.

[58] Карл Фазер обучался у кондитера Ж. Бернена в Санкт-Петербурге, где также жили его сестры. На шоколадной фабрике Фазера мастера шоколада и мармелада были русскими; в 1905 г. lве трети работников имели русские имена. *Hoving V.* Karl Fazer 1891–1951. Helsingfors, 1951. Pp. 19–42; *Baschmakoff N. and Leinonen M.* Russian Life in Finland: A local and oral history. Studia Slavica Finlandensia tom. XVIII. Helsinki, 2001. Pp. 102–119.

[59] Цит. из: *Bely* 1978/1922. P. 60; cf. Bely 1995/1981/1916. Pp. 112, 116–117; *Белый/Bely* 1967/1916. Pp. 95, 98–99; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 183, 189; *Белый* 2007. Pp. 108, 112–113, *Белый* 2011. Pp. 99, 102–103.

[60] Фраза из: *Bely* 1978/1922. P. 348.

тальной болезнью их друга, что «уже названы некоторые (...) символы ... названы Азеф и Гельсингфорс» [61].

В действительности, реальный Хельсинки / Гельсингфорс не был особо революционным или конспиративным, скорее, наоборот. Революция 1905 г. в Санкт-Петербурге, важность которой подчеркивалась Белым в нескольких упоминаниях о 1905 г.[62], быстро дошла до финской столицы, но это было, скорее, исключение. Главная причина, по которой в реальной жизни русские революционеры, провокаторы и конспираторы встречались в Гельсингфорсе или каких-то других финских городах (большевики особенно любили Тампере / Таммерфорс) заключалась в том, что российская тайная полиция не была действенной в Финляндии. Белый, должно быть, знал об этом, поскольку Александр Иванович, который бежал с места своей ссылки, открыто проповедует в кофейне в Гельсингфорсе о необходимости разрушить культуру, несмотря на то, что агент российской полиции сидит за соседним столиком[63].

Можно предположить, что Гельсингфорс служил целям А. Белого, поскольку данное название было знакомо всем его читателям, но реальный город не был хорошо известен, что давало ему свободу действий. Однако, поскольку его вымышленный Гельсингфорс оказался настолько реальным, возможно, именно поэтому его галлюцинаторные персонажи вращаются в здравомыслящем городе. Это неверно в отношении его вымышленного Санкт-Петербурга.

Роберт Магуайр и Джон Малмстад – редакторы английского перевода издания «Петербурга» 1922 г. – считают Санкт-Петербург А. Белого образом современного мегаполиса. Они обосновывают это следующим образом:

Bely manages to convey a sense of the actual physical presence of the city, making it so vivid and “real” that sometimes we almost think we are reading a gloss on Baedeker. (At the same time, we understand that Petersburg represents the modern city generally)[64].

В нашем прочтении, в «Петербурге» Белого персонажи действуют в нереальном, сумеречном городе. Его символы были теми, что есть у Бедекера в «Путеводителе путешественника», поскольку такими они, более или менее, и были. Как Белый написал Блоку, «В Петербурге я турист, наблюдатель, не жи-

[61] *Долгополов Л.К.* в: *Белый* 1999/1981/1916. С. 837; См. Также: *МакДафф Д.* в: *Bely* 1995/1981/1916. С. 595, примечание 12.

[62] *Bely* 1978/1922. Pp. 32, 37, 52, 76, 150, 241; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 58, 67, 96, 146, 292, 481; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 114, 125, 161, 224, 404, 636.

[63] См. сноску 56.

[64] Предисловие переводчиков в: *Bely* 1978/1922. Pp. Xiii–xiv

тель...» [65]. Белый не был петербуржцем, в отличие от многих своих читателей. Он создал Санкт-Петербург, подобный тени, поскольку он подходил его целям, но также и потому, что у него не было выбора.

Насколько мы понимаем, вымышленный Санкт-Петербург Белого представляет старый порядок, а не современный город, таким, каким его понимали в 1905 г. Провокаторы жили на старой Петроградской стороне Санкт-Петербурга, как много раз Белый напоминал читателям, в то время как сенатор и его сын жили в частном дворце неопределенного имперского стиля, и им служил лакей с позолоченным галуном. В вымышленном Санкт-Петербурге Белого отдаленные звуки автомобилей, электрический свет и кофейни на Невском проспекте – по-видимому, единственные признаки современного городского мира. В издании «Петербурга»1916 г. Белый даже посмеялся над этим: сначала он упоминает «желто-красный трамвай», но потом исправляет описку: «в это время трамвай еще не бегал по городу: это был тысяча девятьсот пятый год»[66]. В Санкт-Петербурге первые электрические трамваи появились только в 1907 г.[67], в то время как в Гельсингфорсе все трамвайные линии были электрическими в 1901 г. В то время, когда Белый писал «Петербург», небольшая финская столица, возможно, была более современной, чем крупная российская столица. Может быть, именно поэтому Белый решил отобразить Гельсингфорс в зеркале Санкт-Петербурга.

Эпилог: Хельсинки периода холодной войны как декорация Петрограда / Ленинграда и Москвы

Сфера развлечений – это серьезное дело, а в нестабильные времена – политически деликатное. Это было известно композиторам и либреттистам, которые писали оперы в старые времена, а также кинематографистам XX века. Не далее как в 1919 г., российские кинематографисты, которые эмигрировали после Октябрьской революции 1917 г., сняли в Хельсинки / Гельсингфорсе и с финской стороны Карельского перешейка кинофильм под названием «Под игом большевизма»[68], который вышел в финской столице в октябре 1919 г.[69]

После Второй мировой войны кинофильмы превратились в серьезный бизнес. Однако, во время холодной войны многие фильмы были политически ан-

[65] Цит. по: *Долгополов ...* // *Белый* 1999/1981/1916. P. 790.
[66] *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 12–13, 14; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 58, 60.
[67] От конки до трамвая: из истории петербургского транспорта / Ред. Е. Шапилов [et al.]. Спб.; М., 1994. P. 39.
[68] Мой перевод финского названия кинофильма.
[69] *Heiskanen O.* Tehtävä Suomessa: Kotimaamme ulkomaisissa elokuvissa. Helsinki, 2008. Pp. 23, 24.

гажированными[70]. Некоторым кинематографистам в Соединенных Штатах нужны были сцены из России / Советского Союза, но их не приглашали туда. Поэтому они ехали в Финляндию, поскольку та была в хороших отношениях с восточным соседом. Оути Хейсканен подсчитал, что в период между 1964 и 1997 гг. более десятка американских фильмов были частично сняты в Финляндии. Далее обратимся только к тем, которые представляют определенный интерес[71].

В «Кремлевском письме» (1970, режиссер Джон Хьюстон) зимний Хельсинки играет роль Москвы, а также немного Ленинграда. Фильм включает довольно много сцен Хельсинки, снятых, например, на улицах, примыкающих к Сенатской площади и Художественному музею Атенеум. На Катаянокке / Скатуддене настоящая тюрьма играла роль российской, а настоящий русский ресторан – роль мастерской по изготовлению стекла и зеркал; на остановке трамвая и фасаде здания банка появились тексты на кириллице, а торцевую стену здания украшал портрет Ленина. В морской крепости Свеаборг (ныне называемой Суоменлинна) была построена русская рыночная площадь с самоварами на продажу. Аэропорт Хельсинки играл роль аэропорта Москвы, поэтому большая вывеска «Москва» с серпом и молотом приветствовала тех, кто приземлялся во время съемок фильма.

Подобное происходило и в более поздних фильмах. В «Телефоне» (1977, режиссер Дон Сигел) Хельсинки вновь изображал Москву и Ленинград. Мы видим мельком морскую крепость, улицы Катаянокки, Успенский собор в русском стиле и кварталы XIX века вокруг Сенатской площади. Дом (неблагородных) сословий, построенный в 1890 г., играл роль главного здания КГБ, и кинематографисты построили поблизости декорацию в виде телефонной будки с надписью ТЕЛЕФОН. В «Красных» (1981, режиссер Уоррен Битти) Хельсинки играет роль революционного Петрограда: на Сенатской площади снималась сцена Октябрьской революции, а революционеры брали штурмом «Зимний дворец», который в реальности был зданием Сената, спроектированным Энгелем. В «Парке Горького» (1983, режиссер Майкл Эптед) Хельсинки изображает Москву; башня Финского национального музея, с большой красной звездой наверху, играла роль кремлевской башни.

В «Белых ночах» (1985, режиссер Тэйлор Хэкфорд) американские кинематографисты использовали новый трюк. До этого сцены, снимаемые в Хельсин-

[70] *Kozovoi A.* 'This film is harmful': Resizing America for the Soviet Screen // Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered / eds. Sari Autio-Sarasmo and Brendan Humphreys. Aleksanteri Cold War Series 1/2010, Helsinki, 2010. Pp. 137–153.

[71] *Heiskanen* Tehtävä Suomessa. Pp. 77–187. Факты ниже приведены из ее работы и из списка (на финском, прочитан 28 декабря 2016), составленном Национальным Аудиовизуальным Институтом в Хельсинки, Финляндия.

ки, имели вынужденно ограниченную перспективу, в то время как Ленинград и Москва были огромными городами. Тэйлор Хэкфорд в Стокгольме узнал о финских документалистах, которые направлялись в Ленинград. Он договорился с ними об использовании их материалов. Поэтому в финале сцены, снятые в Хельсинки, плавно переходили в сцены, снятые в Ленинграде. С помощью качественно выполненной постановки и монтажа, трюк был настолько умело выполнен, что только лишь потому, что мы *знаем*, что это трюк, мы можем различить действительное и вымышленное. Смогут ли историки в будущем, если таковые будут, увидеть, где действительное перетекает в вымышленное?

Список литературы

1. *Каллейнен К.* Священные узы бюрократии – высшее чиновничество Финляндии и Россия 1809–1898 гг. // Два лика России. Сборник статей / Под ред. проф. Тимо Вихавайнена. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге Европейский Дом, 2007. С. 27–45.

2. *Ловелл С.* Дачники: история летнего жилья в России 1710–2000. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 346 с.

3. ОТ КОНКИ до трамвая: Из истории петербургского транспорта / Авт.-сост. Е. Шапилов и др. СПб.; М.: Лики России Джулия, 1994. 239 с.

4. *Приймак Н.И.* Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников // Гельсингфорс – Санкт-Петербург : Страницы истории: вторая половина XIX – начало XX века / под ред. Т. Вихавайнена & С.Г. Кащенко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 55–68.

5. Философский век. Альманах. Вып. 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.–Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. 355 с.

6. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге / Пер. со шв. А.И. Рупасова. СПб.: Европейский Дом, 2008. 469 с.

7. *Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley: University of California Press, 1988. 315 p.

8. *Åström S-E.* Samhällsplanering och regionsbildning i kejsartidens Helsingfors. Helsingfors, 1957. 375 s.

9. *Åström S-E.* From Stockholm to St.-Petersburg: Commercial Factors in the Political Relations between England and Sweden 1675–1700. Helsinki: Finnish Historical Society, 1962. 146 p.

10. *Baschmakoff N. and Leinonen M.* Russian Life in Finland: A local and oral history. Studia Slavica Finlandensia tom. XVIII. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. 485 p.

11. *Bater J.H.* St Petersburg: Industrialization and Change. London: Edward Arnold, 1976. 469 p.

12. *Becker S.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1985. 259 p.

13. *Blum J.* Russia // European Landed Elites in the Nineteenth Century, ed. D. Spring. Baltimore & London: Johns Hopkins University Press, 1977. Pp. 68–97.

14. *Buckler J.A.* Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityscape. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2005. 384 p.

15. *Busch M.* Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Düsseldorf: Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, 1995. 288 s.

16. *Ekholm L.K.* Boundaries of an Urban Minority: The Helsinki Jewish Community from the End of Imperial Russia until the 1970s. Publications of the Department of Political and Economic Studies 11. Helsinki: University of Helsinki, 2013. 115 p.

17. *Engman M.* Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century'. Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. Pp. 155–177.

18. *Engman M.* Officers and Artisans: Finns in Russia, in Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study, eds. M. Branch, J.M. Hartley and A. Mączak. London: School of Slavonic and East European Studies. 1995. Pp. 241–258.

19. *Grönfors M.* Minorities and the common culture // Austerity and Prosperity: Perspectives on Finnish Society, ed. M. Rahikainen. Helsinki: University of Helsinki, Lahti Research and Training Centre. 1993. Pp. 159–176.

20. *Heikkinen S.* Labour and the Market: Workers, Wages and Living Standards in Finland, 1850–1913. Helsinki: Finnish Society of Sciences and Letters, 1997. 269 p.

21. *Hellberg-Hirn E.* Дачный альбом Чукоккала как игра в культуру // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area, eds. N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series 3/2009. Helsinki: Aleksanterin instituutti, 2009. Pp. 99–108.

22. *Hoving V.* Karl Fazer 1891–1951. Helsingfors, 1951. Pp. 19–42

23. *Ilmakunnas J.* Career at Court: Noblewomen in Service of Swedish and Russian Royals, c. 1750–1850 // Women's History Magazine. 2013. Vol. 72. № 2. Pp. 4–11.

24. *Katajala K.* Eastern Finland and St. Petersburg 1809–1917: Restructuring of Infrastructure and Rural Economy in the Concentric Circles around a Metropolis' // The East-West Interface in the European North, eds. M. Dahlström, H. Eskelinen and U. Wiberg. Uppsala: Nordisk Samhällsgeografisk Tidskrift, 1995. Pp. 11–27.

25. *Kirby D.* A Concise History of Finland. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 364 p.

26. *Kozovoi A.* 'This film is harmful': Resizing America for the Soviet Screen // Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered, eds. S. Autio-Sarasmo and B. Humphreys. Aleksanteri Cold War Series 1/2010. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2010. Pp. 137–153.

27. *Löfving E.* Finländska flickor i jungfrustiftet Smolna i Petersburg, in Historiska och litteraturhistoriska studier. 1988. Vol. 63. Ss. 277–306.

28. *Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca & London: Cornell University Press, 2003. 260 p.

29. *Minard-Törmänen N.* An Imperial Idyll: Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 199. Helsingfors: Societas Scientarium Fennica, 2016. 350 p.

30. *Peltonen M.* A bourgeois bureaucracy? The new mentality of the Finnish aristocracy at the beginning of the period of autonomy // State, Culture and the Bourgeoisie, ed. M. Peltonen. Jyväskylä: University of Jyväskylä. 1989. Pp. 33–53.

31. *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm: Nordiska bokhandeln, 1979. 448 p.

32. *Rahikainen M.* The fading of the ancien régime mentality: Young upper-class women in imperial St Petersburg and Helsinki (Helsingfors)' // Scandinavian Journal of History. 2015. Vol. 40. № 1. Pp. 25–47.

33. *Rahikainen M.* Historical and present-day child labour: Is there a gap or a bridge between them? // Continuity and Change. 2001. Vol. 16. № 1. Pp. 137–156.

34. *Ransel D.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988. 344 p.

35. *Schweitzer R.* Government in Finland: Russia's Borderland Policy and Variants of Autonomy // Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study, eds. M. Branch, J.M. Hartley and A. Mączak. London: School of Slavonic and East European Studies, London, 1995. Pp. 91–109.

36. *Schleifman N.* A Russian Daily Newspaper and Its Readership: Severnaja pchela, 1825–1840 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1987. Vol. 28. Pp. 127–144.

37. *Schoolfield G.C.* Helsinki of the Czars: Finland's Capital: 1808–1918. Drawer, Columbia, SC: Camden House, 1996. 485 p.

38. *Screen J.E.O.* The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army. Studia Historica 22. Helsinki: SHS, 1986. 320 p.

39. *Screen J.E.O.* The Military Relationship between Finland and Russia, 1809–1917 // Finland and Poland in the Russian Empire in the Russian Empire: A Comparative Study, eds. M. Branch, J.M. Hartley and A. Mączak. London: School of Slavonic and East European Studies, London, 1995. Pp. 259–270.

40. *Söderberg J., Jonsson U. and Persson C.* A Stagnating Metropolis: The Economy and Demography of Stockholm, 1750–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 234 p.

41. *Upton A.* Epilogue // Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study, eds. M. Branch J.M. Hartley and A. Mączak. London: School of Slavonic and East European Studies, London, 1995. Pp. 283–287.

42. *Whelan H.W.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln, Weimar & Wien: Böhlau Verlag, 1999. 387 p.

43. *Wirilander K.* Herrskapsfolk: Ståndspersoner i Finland 1721–1870. Stockholm: Nordiska museet, 1982. 465 s.

СЛОВО МОЛОДОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-5
УДК 94(476)

Александр Леонидович Даркович
научный сотрудник, научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь
Брест, Белорусь
alexdarkovich@mail.ru

Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы санитарного состояния западнобелорусских городов на протяжении межвоенного периода, а также усилия органов городского самоуправления и государственной администрации по поднятию их уровня благоустройства. На основе архивных материалов проанализированы основные факторы, не позволившие преодолеть критически низкий уровень гигиены и санитарии: финансовые трудности местных органов власти, недооценка вопросов санитарии муниципальными служащими, пренебрежение нормами гигиены со стороны жителей.

Ключевые слова: санитария, благоустройство, городское самоуправление, западнобелорусский регион

Введение

Белорусские земли, доставшиеся Российской империи в конце XVIII века в результате разделов Речи Посполитой, в период Первой мировой и последовавшей за ней польско-советской войны стали ареной масштабных военно-политических потрясений. В 1915 г. их западная часть до линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск была оккупирована германскими войсками. После окончания Первой мировой войны и вывода германских войск дальнейшая судьба белорусских земель решалась в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг., по итогам которой их западная часть до линии р. Западная Двина – Молодечно – Столбцы – Несвиж – р. Случь отошла к Польше. Западнобелорусский регион оставался в пределах Польского государства до 1939 г., когда после начала Второй мировой войны он был включен в состав БССР.

Белорусские земли в составе межвоенной Польши, так же как и ранее в пределах Российской империи, являлись отсталой сельскохозяйственной окраиной с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности. Более того, военные разрушения в период немецкой оккупации 1915–1918 гг., а затем польско-советской войны опустошили край, усугубив сложившуюся в предыдущие периоды общую хозяйственную отсталость. За эти годы промышленность почти полностью перестала существовать, упадок сельского хозяйства в период военных действий между Польшей и Россией привел к голоду в городах. Критическое положение городов региона, а именно: запущенное санитарное состояние, низкий уровень благоустройства, многочисленные проблемы в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения, отсталое коммунальное хозяйство, – ставили перед местными органами власти непростые задачи.

Настоящая статья посвящена изучению санитарного состояния и благоустройства в западнобелорусских городах на протяжении межвоенного времени. Данная тема является малоизученной и в историографии фактически не затрагивалась, хотя существует определенная традиция изучения санитарного состояния европейских[1], американских[2] и российских[3] городов в Новое время. Данные работы были полезны, прежде всего, в методологическом отношении.

---

[1] *Barles S.* Urban metabolism and river systems: an historical perspective – Paris and the Seine, 1790–1970 // Hydrology and Earth System Sciences. 2007. № 11. Pp. 1757–1769; *Brimblecombe P., Bowler C.* Air Pollution in York 1850–1900 // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 182–195; *Brimblecombe P., Bowler C.* The Difficulties of Abating Smoke in late Victorian York // Atmospheric Environment. 1990. Vol. 24B. № 1. Pp. 49–55; *Bruggemeier F.-J.* The Ruhr Basin 1850–1980: A Case of Large-Scale Environmental Pollution // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 210–230; *Diederiks H., Jeurgens C.* Environmental Policy in 19th-Century Leyden // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 167–181; *Douglas I., Hodgson R., Lawson N.* Industry, environment and health through 200 years in Manchester // Ecological Economics. 2002. № 41. Pp. 235–255; Environmental Problems in European Cities in the Nineteenth and Twentieth Centuries / ed. by C. Bernhardt. Münster, 2001; Resources of the City: Contributions to an Environmental History of Modern Europe / ed. by D. Schott, B. Luckin, G. Massard-Guilbaud**.** Aldershot, 2005; *Schramm E.* Experts in the Smelter Smoke Debate // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 196–209.

[2] *Cronon W.* Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. NY, London, 1991; *Melosi M.V.* The Place of the City in Environmental History // Environmental History Review. 1993. Vol. 17. № 1. Pp. 1–23; *Melosi M.V.* The Urban Physical Environment and the Historian: Prospects for Research, Teaching and Public Policy // Journal of American Culture. 1980. Vol. 3. № 3. P. 526–540; *Melosi M.V.* Garbage in the Cities: Refuse, Reform, and the Environment. Pittsburgh, 2005; *Tarr J.A.* The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh // Journal of Urban History. 2002. Vol. 28. № 5. Pp. 511–545.

[3] *Friedgut Theodore H.* Iuzovka and revolution. Vol. 1: Life and work in Russia's Donbass, 1869–1924. Princeton, 1989; *Friedgut Theodore H.* Iuzovka and revolution. Vol. 2: Politics and Revolution in Russia's Donbass, 1869–1924. Princeton, 1989.

Основная часть

Основная часть обязанностей по благоустройству городов и поддержанию санитарии лежала на органах городского самоуправления, которые были образованы в 1919 г. сразу же после оккупации западнобелорусских земель польскими войсками. В частности, к их компетенции относилось мощение улиц и содержание их в чистоте, строительство общественных колодцев, туалетов, мусорных урн, организация ассенизационных служб и др. Одновременно многие задачи в этой сфере были закреплены за самими жителями, которые были обязаны не только содержать в чистоте собственные дома и дворы, но и своими силами вести строительство тротуаров на прилегающих улицах, подметать их, безвозмездно участвовать в мощении дорог методом шарварка (натуральная дорожная повинность) и др.

В западнобелорусских городах специальных санитарных служб за редким исключением не было. Обычно контроль за исполнением гигиенических норм возлагался на поветовых врачей, состоявших на балансе поветового самоуправления либо государственной администрации, и органы полиции. Городских врачей и санитарных контролеров содержали лишь несколько крупных городов региона.

В 1921 г. Союзом польских городов было проведено анкетирование на предмет выяснения санитарного состояния городов. В нем приняли участие 256 городов Польши, в том числе 13 городов Новогрудского и Полесского воеводств[4]. Как отмечал организатор этого исследования Ю. Поляк, оно отразило значительную разницу между регионами Польши, до Первой мировой войны входившими в состав различных государств, тогда как санитарное состояние городов в пределах отдельных регионов отличалось поразительным сходством. На фоне слабого развития благоустроенности городов Польши в целом проявилось серьезное отставание западнобелорусских городов практически по всем позициям. В 4 из них (31 %) замощенных улиц не было вообще, в 7 (54 %) качество дорожных покрытий Поляк определил как «плохое», в 2 (15 %) – как «среднее», мощение по улучшенным технологиям здесь не велось. В целом по Польше соответствующие цифры составляли 6, 44, 34 и 16 %. Под «средним» уровнем понималась ситуация, когда в городе имелись деревянные тротуары и все или большая часть улиц были выложены полевым камнем, что уже в то время считалось отсталой технологией; «плохой» уровень означал, что таким

[4] Под западнобелорусскими землями понимаются территории современной Республики Беларусь, которые в 1920–1930-е гг. входили в состав Польского государства. В административно-территориальном отношении они охватывали Новогрудское воеводство, большую часть Полесского воеводства (с центром в г. Бресте), а также 6 поветов Виленского воеводства (Браславский, Вилейский, Дисненский, Молодечненский, Ошмянский и Поставский) и 2 повета Белостокского (Гродненский и Волковысский).

образом была вымощена лишь часть улиц. Водоснабжение во всех западнобелоруссих городах было обозначено как «плохое», что означало отсутствие здесь не только водопроводов, но и трубчатых колодцев, вода в имевшихся шахтных колодцах часто была не пригодна для питья. Всего в Польше 58 % городов также имели «плохое» снабжение водой, в 24 % были трубчатые колодцы, в 18 % водопроводы. Примитивно организованные городские ассенизационные службы действовали только в более крупных городах западнобелорусского региона: нечистоты сливались в специальные бочки и на телегах вывозились за пределы города. В небольших городах служб ассенизации не было. Городских служб вывоза мусора не было ни в одном западнобелорусском городе. В восьми городах (62 %) уличного освещения либо не было вовсе, либо оно представляло собой редкую сеть керосиновых ламп, в пяти (38 %) имелось электрическое освещение, «крайне скудное», по мнению Поляка. Газового освещения не было ни в одном городе. Соответствующие средние цифры по Польше составляли 46, 39 и 15 %. Общественные бани действовали лишь в двух западнобелорусских городах (16 % по сравнению с 40 % в среднем по Польше). По свидетельству Поляка, города восточных воеводств были полностью лишены озеленения. Больницы действовали в менее, чем в третей части городов, ни в одном из них не было отвечавших санитарно-гигиеническим требованиям школьных помещений, скотобоен[5].

Несмотря на многочисленные неотложные нужды, эффективные меры по поднятию санитарного положения в большинстве западнобелорусских городов стали предприниматься далеко не сразу. При этом финансовые затруднения муниципальных органов в первой половине 1920-х гг. были не единственной причиной, по которой запаздывали реальные действия городских сообществ по улучшению собственных условий жизни. Среди многочисленных препятствий в результативной работе местных властей на первое место часто выходил низкий уровень бытовой, гигиенической культуры городских жителей, отсутствие среди них понимания необходимости следования санитарно-гигиеническим предписаниям. Недооценка значения вопросов благоустройства и санитарии во многих случаях была характерна и для муниципальных деятелей. Их безответственность и некомпетентность на фоне межпартийных и межнациональных противостояний внутри городских органов нередко становились основной причиной полного бездействия городского самоуправления в этой сфере.

В целом на протяжении первой половины – середины 1920-х гг. ситуация оставалась без значимых изменений. Например, отчеты поветовых врачей о са-

[5] *Polak J.* Stan hygieniczny miast polskich // Samorząd miejski. 1924. T. 3. Pp. 78–86.

нитарном состоянии поветов Полесского воеводства[6] за 1926 г. повсеместно рисуют мрачную картину неблагоустроенности городов. Потребность в воде обеспечивалась с помощью деревянных шахтных колодцев или прилегающих водоемов, трубчатые колодцы в городах исчислялись единицами. Использовавшаяся жителями вода, как правило, была непригодна для питья, что чаще всего было связано с загрязнением нечистотами, проникавшими через землю. Города, застройка которых носила преимущественно сельский характер, не содержались в чистоте. То же касалось частных домов и приусадебных участков. Из-за отсутствия урн мусор обычно скапливался во дворах или хозяйственных постройках. Канализации не было ни в одном городе, частные туалеты во дворах были только в Бресте. Жители, как правило, довольствовались выгребными ямами, стены и дно которых ничем не были выложены, а их содержимое не вывозилось и не дезинфицировалось, что вело к загрязнению почвы нечистотами. Столинский поветовый староста в отчете за 1926 г. отмечал: «Борьбу с антисанитарным состоянием дворов в городах затрудняет всеобщая нечистоплотность населения, особенно еврейского. Составление протокола чаще всего не помогает из-за низкого административного штрафа – 1–3 злотых. Владелец двора считает более удобным для себя иногда заплатить пару злотых штрафа, чем постоянно содержать двор в чистоте. Санитарные комиссии на территории всего повета были созданы, но редко проявляли свою деятельность, что объясняется пренебрежением санитарными делами со стороны органов самоуправления»[7]. В большинстве городов в общественных местах, в первую очередь рынках, не было туалетов и урн, что вело к загрязнению близлежащих частных владений. Большая часть городских дорог оставалась немощеной, из-за отсутствия или непригодности сточных канав на многих участках улиц образовывались большие лужи с грязной водой, куда жители прилегающих домов сливали отходы и нечистоты.

Многие горожане занимались скотоводством, что также отражалось на гигиене улиц. К примеру, как следует из годового отчета поветового коммунального союза Коссовского повета за 1926 г., центральные улицы в Коссово и Ружанах в теплое время года были постоянно загрязнены навозом от ежедневно перегоняемого через них скота[8]. Отмечалось недостаточное количество бань, в основном не отвечавших санитарным требованиям. Большинство из них пред-

[6] В административном отношении территория Польши делилась на воеводства, воеводства состояли из поветов, поветы из гмин. Во главе государственной администрации воеводского уровня стоял воевода, поветовую администрацию возглавлял староста. Гмины – административно-территориальные единицы первичного уровня – делились на городские и сельские.

[7] Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 67. Л. 36.

[8] ГАБО. Оп. 4. Д. 155. Л. 8–9.

ставляли собой миквы – еврейские ритуальные бани, практически не посещавшиеся христианским населением.

В соответствии с отчетом начальника отдела здравоохранения НВУ З. Доманского о санитарном состоянии городов Новогрудского воеводства, представленном в 1927 г., состояние бань и микв было «настолько плачевно, что без… страха заразиться педикулезом обычному жителю трудно решиться воспользоваться их услугами». Не лучше дела обстояли в сфере ассенизации, жители в соответствии с привычным для них способом продолжали закапывать экскременты в землю в пределах своих владений. При этом городские власти не считали нужным нести какие бы то ни было расходы на организацию санитарного надзора. По свидетельству Доманского, потребовалось приложить много усилий для того, чтобы убедить коммунальных служащих в необходимости приступить к организации ассенизационных служб, благодаря давлению воеводской администрации городские власти в Барановичах и Новогрудке начали строительство новых бань, остальные города дожидались получения соответствующих кредитов[9]. По оценке гродненских властей, в конце 1920-х гг. службами ассенизации вывозилось за пределы города не более 25 % нечистот, остальное оставалось в городской черте, приводя к загрязнению почвы и воздуха[10].

Неблагоустроенность городов создавала прямую опасность для их жителей. В Березе полное отсутствие уличного освещения и плохое состояние тротуаров стали причиной падения бургомистра Довнара в 1928 г., приведшего к перелому руки, падение другого заметного общественного деятеля города – Кухарского – закончилось переломом ноги[11].

В таких условиях инициатива в деле упорядочения городов нередко исходила от государственной администрации. Вскоре после государственного переворота Ю. Пилсудского 1926 г. министром внутренних дел был назначен генерал Ф. Славой-Складковский, врач по образованию, ранее возглавлявший санитарную службу в польской армии. Придавая огромное значение вопросам гигиены, новый министр предпринял энергичные действия в направлении улучшения санитарного состояния населенных пунктов Польши. Были изданы предписания, обязавшие местные органы государственной администрации и территориального самоуправления в сжатые сроки обеспечить чистоту на улицах, рынках и частных дворах, организовать подметание улиц, их упорядочение

[9] Государственный архив Гродненской области. Ф. 564. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
[10] Kanalizacja miasta Grodno // Kronika m. Grodno. Z. 2 / pod red. R. Sawickiego. Grodno, 1928. Pp. 23–24.
[11] Express Poleski. 27.12.1928. № 358. P. 4.

и озеленение, обеспечить наличие в каждом частном имении сельских туалетов[12] и накрытых урн.

Инициатива центральных властей совпала по времени с улучшением хозяйственной конъюнктуры во второй половине 1920-х гг., окрепшие финансы давали самоуправлению возможность предпринять более активные действия. Но давление центральных и воеводских властей и улучшение финансовой ситуации были благоприятными, но не решающими факторами для повышения уровня благоустроенности городов, дальнейшие изменения, прежде всего, зависели от личных качеств ответственных за это людей на местах. Там, где находились компетентные и исполнительные люди, как в городском самоуправлении, так и местной государственной администрации, которые подхватывали инициативу сверху, из одинаковых исходных позиций удавалось достичь немалого. В других случаях муниципальные власти, несмотря на давление сверху, не желали предпринимать активные действия, из-за их пассивности санитарная ситуация оставалась крайне неблагоприятной.

Характерная ситуация сложилась в Бресте. Критический уровень антисанитарии и неблагоустроенности в центре воеводства стал темой освещения в центральной польской прессе («Иллюстрированный ежедневный курьер», «Варшавская газета», «Утренний экспресс»), в связи с чем полесскому воеводе Я. Крахельскому в июне 1929 г. пришлось отчитываться о сложившейся ситуации министру внутренних дел. Воевода подтвердил запущенное состояние Бреста: «Замощена только незначительная часть улиц, тротуары были разрушены в такой степени, что по ним невозможно было ходить, дома не ремонтировались с довоенного времени или с момента их восстановления после войны, из-за чего штукатурка и карнизы отвалились, балконы грозили обвалиться, лестничные клетки были разрушены, кроме того, торчащие с военного времени руины домов грозили обрушиться, в их подвалах гнездились криминальные элементы, они служили местом вывоза всяких нечистот». По свидетельству Крахельского, планомерная акция по упорядочению города началась в 1928 г., ее проведение он поручил городским властям. Но из-за межпартийных конфликтов работа городских совета и магистрата[13] была бесплодной, несмотря на давление со стороны воеводы, городское хозяйство оставалось в полном упадке. Это привело к роспуску Брестского совета, но вновь избранные советники также проявили

[12] В соответствии с требованиями, они должны были представлять собой деревянную будку над выложенной досками, кирпичами или зацементированной выгребной ямой; в народе получили название «славойки» по имени министра внутренних дел, не брезговавшего лично контролировать выполнение данных предписаний во время многочисленных поездок по стране.

[13] Муниципальные органы были представлены городскими советом и магистратом. Совет являлся распорядительным и контролирующим органом, магистрат (в 1933 г. был переименован в управление) – исполнительным органом.

полное бездействие. В итоге Крахельский возложил ответственность за санитарное состояние города на брестского поветового старосту Ф. Барана[14]. Для начала староста созвал в марте 1929 г. совещание с участием начальника отдела здравоохранения ПВУ Зароского, представителей магистрата, полиции и общества владельцев недвижимости в Бресте, на котором потребовал в течение трех месяцев добиться кардинального улучшения благоустроенности города. Брестский магистрат издал соответствующие указания, но жители их привычно проигнорировали, а городские власти по-прежнему не собирались ничего предпринимать. Тогда Баран, как следует из его записки, направленной полесскому воеводе в августе 1929 г., решил лично заняться благоустройством Бреста при помощи персонала староства и органов полиции. Он разделил город на 4 района, в одном из которых сам проводил инспекции домов и участков на предмет выполнения санитарных предписаний, ответственными за остальные районы были определены его заместитель Усаевич, поветовый врач Ромецкий и начальник уголовного отдела староства Палюшкевич. При этом представитель магистрата Пашковский принимал участие в инспекциях лишь в течение первых нескольких дней. Многократные инспекции каждого владения, а также репрессивные шаги в виде денежных штрафов и наказаний арестом убедили горожан в серьезности намерений старосты[15]. По свидетельству воеводы, уже к июню 1929 г. работа по благоустройству Бреста была выполнена на 80 %, его внешний вид серьезно изменился: в каждом владении были поставлены туалеты и урны, практически все дома отремонтированы, участки огорожены, руины домов были разобраны и т.д. При этом Крахельский утверждал, что требования старосты за небольшим исключением встречали понимание среди жителей, а карательные действия с его стороны были умеренными: из примерно 4 тыс. владельцев недвижимости за отказ заняться благоустройством своих имений 6 человек были заключены под стражу на срок до двух недель, 19 получили незначительные штрафы. Существенные штрафы в размере 100 или 200 злотых были наложены на 57 зажиточных жителей, среди которых многие являлись членами городского совета, демонстративно отказывавшимися следовать санитарным нормам[16]. Но со стороны ситуация выглядела иначе. Врач В. Борковский, инспектируя в мае 1929 г. учреждения здравоохранения Бреста и Пинска, стал свидетелем того, как в Бресте на праздник православной пасхи многие жители, гонимые страхом на фоне арестов за невыполнение в срок указаний по благоустройству, спешно красили заборы. При этом Борковский признал успехи в наведении порядка в городе[17].

[14] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 214.
[15] Там же. Л. 203.
[16] Там же. Л. 215.
[17] Там же. Оп. 4. Д. 1207. Л. 48.

Заметим, что для значительного улучшения благоустроенности одного из крупнейших городов региона оказалось достаточно решимости старосты, при помощи его мобилизационных методов результат был достигнут без каких-либо значительных финансовых затрат со стороны государственной или муниципальной казны. Но Брест, где местной государственной администрации в стремлении повысить благоустроенность города фактически пришлось преодолевать сопротивление городских властей, был исключением. Ситуация в большинстве случаев все же зависела от позиции муниципальных органов, их ответственности и исполнительности. В отличие от брестских магистрата и совета, в ряде западнобелорусских городов предписания государственных властей, касавшиеся вопросов санитарии и благоустройства, послушно выполнялись муниципальными органами, их усилия давали свои плоды.

Судя по рапортам местных и воеводских властей, к началу 1930-х гг. разительно улучшилось санитарное состояние городов Пружаны и Береза Пружанского повета. В соответствии с отчетом пружанского поветового врача Францишека Имелка за 1931 г., в Пружанах были замощены все дороги, в Березе – половина дорог. При всех домах были установлены туалеты и урны, дома и приусадебные участки были упорядочены и отремонтированы. Пружаны отличались интенсивным озеленением, уличные деревья ежегодно подстригались и белились. Пружанский магистрат в 1930 г. построил 9 шахтных колодцев с насосами[18]. В отчете пружанского староства за первое полугодие 1931 г. указывалось, что «вид городов (Пружан и Березы. – *А.Д.*) в целом хороший, везде видны усилия по озеленению, улицы и городские площади хорошо и вовремя подметаются и чистятся»[19]. Поветовый староста Р. Валевский улучшение санитарного состояния повета в первую очередь приписывал «исключительной старательности и ответственности» Имелка, которого в 1929 г. представил к серебряному кресту за заслуги. Также Валевский предложил полесскому воеводе выразить письменную благодарность бургомистру Березы Яну Довнару, под руководством которого за короткое время на всех улицах города были выложены тротуары и построены за коммунальные средства крытые ларьки на городском рынке, а также начальникам местных постов полиции[20]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в отчетах старост и поветовых врачей отмечалось удовлетворительное санитарное состояние городов Лунинецкого и Коссовского поветов.

Но нередко муниципальные власти по-прежнему не проявляли заинтересованность в санитарных делах, жители не спешили изменять своим привычкам, а энергичных и целеустремленных старост, как в Бресте, не хватало на все горо-

[18] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 90. Л. 113–114.
[19] Там же. Оп. 4. Д. 1217. Л. 34.
[20] Там же. Оп. 5. Д. 33. Л. 114.

да. Например, в годовом отчете за 1931 г. столинский поветовый врач писал, что «привычка жить в грязи, [вера в] знахарство играют не последнюю роль, с одной стороны, в расширении заразных заболеваний, с другой, в сохранении антисанитарного состояния. Несмотря ни на постоянные напоминания, ни на наказания, налагаемые на отдельных жителей, до сих пор при домах не устроены туалеты, не все колодцы соответствуют гигиене. Вера в знахарство в высокой степени затрудняет борьбу с заразными болезнями, так как благодаря ей просто невозможна регистрация повсеместно распространенных заболеваний». В Столине были замощены лишь две улицы, в Давид-Городке – ни одной[21]. Вину за неблагоустроенность поветовый врач возложил на бургомистров и магистраты, а также посты государственной полиции, не предпринимавшие действенных мер для наведения порядка в городах[22]. В конце 1929 г. местные власти сообщали о достигнутых в Пинске и Логишине успехах в области санитарии: количество отремонтированных домов здесь за два года увеличилось с 1100 до 2700, накрытых урн было соответственно 1800 и 3900, туалетов, построенных в соответствии с санитарными требованиями, – 1950 и 4000[23]. Однако воеводская инспекция коммунальных органов Пинска в октябре 1930 г. отразила совсем другую картину: городское хозяйство находилось в упадке, «задания гмины по профилактике болезней, поддержанию соответствующего санитарного состояния… были полностью запущены». Например, за период с 1927 г. муниципальные власти построили лишь один колодец, работы по мощению улиц продвинулись вперед лишь в предшествовавшие инспекции несколько месяцев, что в значительной мере объяснялось утверждением МВД решения городского совета о переносе стоимости содержания улиц на владельцев прилегающих домов[24].

Таким образом, если в начале 1920-х гг. уровень санитарии и благоустроенности во всех городах региона был критически низким, то к концу 1920-х – началу 1930-х гг. между ними сложились заметные различия, что зависело, в первую очередь, от эффективности действий местных органов власти. В целом, достигнутые результаты в большинстве случаев были ограниченными и не означали качественных перемен.

Г. Рудинский, врач из Вильно, председатель воеводской секции Виленского врачебного товарищества, впоследствии возглавивший отдел здравоохранения Виленской воеводской управы, в 1932 г. опубликовал обширную статью на тему состояния здравоохранения в Виленском воеводстве. По его мнению, проводимая с 1927 г. «энергичная акция принудительного упорядочения страны в целом дала очень заметные результаты». Усилиями государственных властей и

[21] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 90. Л. 111.
[22] Там же. Оп. 4. Д. 1217. Л. 156.
[23] Там же. Оп. 5. Д. 33. Л. 104.
[24] Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 14, 16–17, 22.

органов самоуправления общий вид и благоустроенность населенных пунктов воеводства изменились до неузнаваемости: частные имения были упорядочены, улицы в городах вымощены и высажены деревьями, жители начали соблюдать гигиенические предписания относительно содержания колодцев, устранения нечистот и др. В то же время Рудинский уточнял, что из городов воеводства, не считая Вильно, высоким уровнем благоустроенности отличались поветовые центры Вилейка и Поставы. Остальные же города представляли собой преимущественно тесные, неправильно застроенные поселения с недостаточным озеленением. «В своем теперешнем виде они не имеют никаких условий для того, чтобы их можно было привести в соответствующее санитарное состояние», – свидетельствовал автор, противореча собственной общей позитивной оценке. В качестве примера он привел Глубокое, насчитывавшее 6 тыс. жителей, зажатое между двумя озерами, с узкими улицами и грязными дворами. Жители сливали нечистоты в озера, которые одновременно служили им основным источником воды, из-за чего в городе постоянно свирепствовала эпидемия брюшного тифа[25]. Для решения проблемы требовалось строительство водопровода, на что у властей Глубокого не было денег. В связи с масштабом эпидемии департаментом службы здоровья МВД с конца 1920-х гг. обсуждалась возможность финансирования строительства водопровода из собственных средств – при условии, что магистрат за городские деньги подготовит соответствующий план. Но даже выполнение этого условия превышало финансовые возможности города[26].

Оптимизм Рудинского совершенно не разделял Д. Кезевич, санитарный врач в Барановичах, который в 1931 г. на съезде представителей городов Виленского и Новогрудского воеводств выступил с содержательным докладом на тему их санитарных проблем. Этот доклад был высоко оценен редакцией журнала «Городское самоуправление», центрального органа Союза польских городов, и опубликован в нем. «Более половины городских улиц не вымощены. Озеленение слабое. Исследования колодцев показывают значительное загрязнение; очень высокая смертность детей до года; туберкулез ежегодно собирает богатый урожай», – свидетельствовал Кезевич. Немощеные улицы часто представляли собой болота, делавшие невозможным проезд, куда жители сливали отходы и выкидывали мусор. Высаженные в городах деревья обычно уничтожались детьми, не осознававшими их значение. Многочисленные предписания городских властей и санитарные инспекции частных владений и предприятий позволяли улучшить положение дел только в определенной степени. По мнению Кезевича, упорядочению городов препятствовали два фактора: «первое –

[25] *Rudziński H.* Zdrowotność publiczna na Wileńszczyźnie // Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. 1932. № 4–5. Pp. 228, 269, 277.

[26] ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 284. Л. 22.

психология населения, его воспитание и привычки, второе – тяжелое материальное положение жителей. Население под давлением администрации и санитарного контроля устанавливает требуемые санитарные сооружения (туалеты и урны. – *А.Д.*), но достаточно часто не пользуется ими, а иногда даже предохраняет от загрязнения… Жители избегают расходов на ассенизацию и любыми способами делают скрытые выгребные ямы, подкопы, разные другие запрещенные санитарным надзором приспособления и операции, вплоть до стоков во владения своего податливого соседа». Кезевич справедливо считал, что в этой ситуации эффект могло принести только гигиеническое просвещение посредством школы: «Это долгий, но надежный путь»[27].

Действительно, улучшения, достигнутые под давлением государственных властей, часто были недолговечными. Выполнение обязанностей в сфере санитарии и благоустройства было обременительным для горожан, которые, во многих случаях живя в крайней бедности и не придавая большого значения вопросам гигиены, готовы были следовать соответствующим предписаниям только под принуждением. Но любое ослабление контроля быстро вело к утрате достижений. Так произошло в 1930 г. после начала экономического кризиса, резко ограничившего и без того небольшие возможности местных сообществ по улучшению собственных условий жизни. Согласно письму Крахельского, направленному старостам в августе 1930 г., проведенные инспекции показали, что «во многих случаях интенсивность акции по благоустройству в сравнении с предыдущими годами значительно ослабла. Частные дворы как в городах, так и местечках и деревнях содержатся грязно, улицы не подметаются или подметаются очень редко и неаккуратно, в мясных лавках, продовольственных магазинах и ресторанах – грязь и неряшество… ремонт домов и упорядочение владений с прошлого года практически не ведется». Судя по всему, пример с брестским старостой Ф. Бараном впечатлил воеводу, поручая лично контролировать санитарные дела, Крахельский утверждал: «В тех поветах, где староста проявляет личную заинтересованность в деле упорядочения населенных пунктов, результат всегда успешный»[28].

В 1930-е гг. финансовые трудности толкали городские власти при проведении благоустроительных работ все более активно использовать шарварк, в рамках которого каждый трудоспособный житель ежегодно должен был безвозмездно отработать определенное количество дней на коммунальных работах. По своему желанию жители могли заменить натуральную отработку выплатой установленных денежных сумм. На фоне критического состояния финансов са-

[27] *Kieziewicz D.* Zagadnienie sanitarne miast wschodnich // Samorząd miejski. 1931. № 16–17. Pp. 904, 906–907, 909.
[28] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 55. Л. 5.

моуправления шарварок для большинства мелких городов стал основным средством, позволявшим муниципальным властям при минимальных расходах со стороны городских бюджетов силами самих жителей вести какие бы то ни было работы. С другой стороны, он означал дополнительное бремя для горожан, возложение на них все больших обязанностей по благоустройству было одним из свидетельств низкой эффективности работы муниципальных органов. В крупных городах региона в середине – второй половине 1930-х гг. проблемы в сфере благоустройства в значительной степени решались с помощью общественных работ для безработных, организованных за счет кредитов и государственных дотаций.

Основное внимание уделялось мощению улиц. Так, за межвоенные годы в городах Пружанского повета было вымощено 12,5 км дорог, стоимость этих работ равнялась почти 270 тыс. злотых. 21,5 тыс. злотых из данной суммы составили государственные дотации, остальное пришлось на собственные средства самоуправления. Другие работы по благоустройству включали строительство городского рынка в Березе за 2 тыс. злотых, в Пружанах на обустройство рынка, общественных туалетов и 28 трубчатых колодцев, обеспечивших город достаточным количеством чистой воды, муниципальные власти израсходовали примерно 22 тыс. злотых[29].

Как явствует из отчета коммунальных властей Бреста за 20-летний период своей деятельности, к 1939 г. ими было вымощено 24 км дорог, или 29 % от их общей длины. Для сравнения, 30 км дорог были вымощены до Первой мировой войны, примерно столько же оставались немощеными. За межвоенный период бетонной плиткой было выложено 42 тыс. кв. м. тротуаров. Для контроля за качеством продуктов питания в 1932 г. городские власти открыли пищевую лабораторию с бактериологическим отделом, услугами которой пользовались все города Полесского воеводства. Кроме того, к концу 1930-х гг. во всех владениях города были установлены туалеты и урны[30]. Продолжалась работа по озеленению. Например, в 1936 г. управление Бреста провело конкурс среди жителей на лучшее украшение цветочными растениями окон, балконов и садов, победители которого получили денежные вознаграждения. Тогда же было принято решение объявить благодарность городскому садовнику за содержание на высоком художественном уровне двух городских парков, обустроенных в 1920-е гг.[31] За межвоенные годы в городе было высажено более 15 тыс. деревьев[32].

[29] ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 16, 23.
[30] Там же. Д. 1022. Л. 32, 33, 39.
[31] Samorząd miejski. 1936. № 16–17. P. 1101.
[32] ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 33.

Как и прежде, результативность усилий городских органов зависела, прежде всего, от возглавлявших их людей, способности последних эффективно организовать натуральные отработки жителей и использовать скудные городские средства. Там, где назначенные в 1930-е гг. воеводами и старостами бургомистры оказывались умелыми руководителями, удавалось заметно улучшить состояние дел. Одним из примеров служит деятельность Грациана Лапчинского, ротмистра в отставке, назначенного в начале 1930-х гг. бургомистром Высоко-Литовска. По сообщению официальной брестской газеты «Express Poleski», его энергия и организаторские способности привели к заметным успехам в повышении уровня благоустроенности города: впервые за межвоенный период были замощены практически все улицы, выложены тротуары, разбиты скверы, открыты спортивная площадка, пляж, отремонтированы частные дома и т.д. Все это было сделано с помощью шарварка без каких-либо существенных расходов со стороны городского бюджета[33]. Информация газеты подтверждается рапортом брестского старосты, направленным полесскому воеводе в 1934 г., где также указано, что благодаря Лапчинскому кардинально изменилось санитарное состояние и внешний вид Высокого. Это, по мнению старосты, в значительной степени способствовало поднятию авторитета польской власти среди жителей города[34].

Однако в большинстве западнобелорусских городов власти не смогли добиться значительных результатов в поднятии уровня благоустроенности и санитарии, свидетельства 1930-х гг. в целом рисуют неблагополучную картину. К примеру, в Пинске к концу 1930-х гг. было вымощено 37 % городских улиц, насчитывался 41 общественный артезианский колодец, из них 24 были построены в межвоенное 20-летие[35]. В Лиде в конце 1930-х гг. были вымощены 36 % дорог, из почти 1000 колодцев трубчатыми были 17[36]. В Столине в середине 1930-х гг. была лишь одна вымощенная улица, в Давид-Городке – ни одной[37].

Судя по отчету брестского староства за 1935 г., в Бресте примитивные и переполненные нечистотами и мусором туалеты и урны в частных владениях часто не соответствовали своему предназначению. Служба ассенизации была отдана частным предпринимателям, которые отказывались вывозить нечистоты на отведенные для этого отдаленные поля и, несмотря на штрафы, выливали их в пределах города на территории бесхозных владений и городского парка. К середине 1930-х гг. в Бресте не было общественной бани, действовала лишь одна

[33] Express Poleski. 1933. № 264. p. 4; Ibid. 1934. 22 sierpnia. P. 4.
[34] ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3505. Л. 13.
[35] Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 6, 9.
[36] *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды ў 1920–1930-я гады // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. / рэдкал.: Я.А. Роўба і інш. Гродна, 2010. С. 181–188.
[37] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 151. Л. 31.

небольшая еврейская миква и большинство жителей воеводского центра были лишены возможности поддерживать личную гигиену[38]. Разведение жителями лошадей и крупного рогатого скота в своих владениях даже в центральной части города делало затруднительным поддержание чистоты на улицах[39]. По свидетельству брестского поветового врача О. Ансельма, предпринятые в 1929 г. усилия по улучшению санитарного состояния Бреста были продолжены городскими властями, но из-за ненадлежащего исполнения и нехватки санитарного персонала им вновь не удалось добиться значимых результатов. В 1932 г. государственной администрации в очередной раз пришлось взять под свой контроль вопросы санитарии в городе, определив из числа служащих староства и магистрата «санитарных опекунов», призванных совместно с представителями полиции совершать инспекции частных владений, заставляя горожан выполнять соответствующие предписания[40]. В 1935 г. заместитель брестского старосты Ф. Усаевич предлагал перепоручить назад городским властям в Бресте законодательно закрепленные за ними обязанности по контролю над санитарным состоянием города[41].

Отмеченные выше значительные успехи в благоустройстве Пружан и Березы, о которых рапортовали местные власти, были очевидны далеко не всем. Инспекции, проведенные в 1933 г. пружанским старостой Лисовским в Березе и воеводским инспектором коммунальных органов Хмелевским в Пружанах, выявили запущенное состояние улиц, «большую грязь и непорядок»[42]. В прилагавшемся к протоколу инспекции сообщении анонимного информатора указывалось, что жители Пружан, в первую очередь христиане, возмущены несправедливым распределением шарварка, который «…указывают отрабатывать на улицах, прилегающих к рынку, где живут евреи, тогда как улицы, где живут христиане, залиты водой, экскрементами и грязью. Например, ул. Домбровского … перейти абсолютно невозможно и дети из-за большой грязи не ходят в школу, но, несмотря на частое упоминание об этом местному бургомистру, уже третий год проходит, а люди как тонули, так и дальше тонут, и как гнили коты, псы и другая падаль в канавах, так и дальше гниют, но… бургомистр пренебрегает здоровьем местного населения, что можно сделать хозяйственным способом без каких-либо расходов…»[43]. В это же время один из жителей Березы направил обращение в адрес МВД, в котором жаловался на засилье евреев в городских органах. В соответствии с этим свидетельством, заместитель бургоми-

[38] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 60. Л. 2, 4.
[39] Там же. Оп. 4. Д. 1205. Л. 10.
[40] Там же. Оп. 5. Д. 151. Л. 2–3.
[41] Там же. Д. 60. Л. 2.
[42] Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 43, 93–94.
[43] Там же. Л. 110.

стра Н. Закхайм, «местный царь и бог», при всякой возможности притеснял христиан, в частности, замощенные улицы располагались преимущественно в еврейской части города, а «на остальных улицах можно было топить собак». Недовольство действиями органов самоуправления вылилось в просьбу заменить их комиссаром, который «держал бы всю власть в своих руках, и тогда был бы порядок в нашем городе»[44]. Хотя анонимным свидетельствам безоговорочно верить нельзя, но они отражали, по крайней мере, настроение части городских жителей.

По мнению начальника отдела самоуправления Новогрудской воеводской управы Ц. Галасевича, за период польской власти в городах Новогрудского воеводства в направлении улучшения санитарии и благоустройства было сделано многое, но еще больше оставалось сделать. По-прежнему было недостаточным снабжение чистой водой, остро чувствовалась нехватка бань и купален, «грязь и нечистоплотность безраздельно господствуют в большом количестве наших городов и местечек». Более важным по сравнению с капиталовложениями в развитие городов со стороны государства и самоуправления Галасевич считал просвещение жителей, призванное вырвать их «из пассивности и апатии, побудить частную инициативу и возбудить желание жить в культурных условиях»[45].

На самом деле, за антисанитарным состоянием западнобелорусских городов по-прежнему стояло неосознание местными жителями необходимости следовать санитарно-эпидемиологическим требованиям. Например, в 1937 г. в годовом отчете брестского поветового староства объяснялось, почему строительство на Полесье бетонных колодцев взамен деревянных не вело к улучшению качества воды. Дело в том, что в силу своих привычек и предубеждений местные жители не верили доводам о том, что очищенная более глубокими слоями земли вода попадет в колодец через его дно, и поэтому оставляли отступы между бетонными кольцами, что не предохраняло от загрязнения и делало подобное строительство бесполезным[46]. Запланированные в 1930 г. в Пружанах две публичные лекции раздельно для христианского и еврейского населения на тему санитарного просвещения не состоялись, поскольку среди горожан не нашлось желающих их послушать[47].

[44] ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 37. Л. 196–197.

[45] *Gałasiewicz C.* Potrzeby inwestycyjne miast i miasteczek ziemi Nowogródzkiej // Samorząd miejski. 1936. №16–17, pp. 1027–1028; Ibid. Ziemia nowogródzka. Najpilnejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936. Pp. 38, 48–49.

[46] ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. Л. 2.

[47] Там же. Д. 43. Л. 73.

Заключение

Таким образом, уровень благоустройства и санитарное состояние западнобелорусских городов на протяжении 1920–1930-х гг. оставались критически низкими, а улучшению положения дел в этой сфере препятствовал целый спектр факторов: финансовые трудности местных органов власти, недооценка вопросов санитарии муниципальными служащими, пренебрежение нормами гигиены со стороны жителей.

Список литературы

1. *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды ў 1920–1930-я гады // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. / рэдкал.: Я.А. Роўба і інш. Гродна, 2010. С. 181–188.
2. *Gałasiewicz C.* Potrzeby inwestycyjne miast i miasteczek ziemi Nowogródzkiej // Samorząd miejski. 1936. №16–17. Pp. 1027–1028.
3. *Gałasiewicz C.* Ziemia nowogródzka. Najpilnejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936. 389 c.
4. *Kieziewicz D.* Zagadnienie sanitarne miast wschodnich // Samorząd miejski. 1931. №16–17. Pp. 904–909.
5. *Polak J.* Stan hygieniczny miast polskich // Samorząd miejski. 1924. T. 3. Pp. 78–86.
6. *Rudziński H.* Zdrowotność publiczna na Wileńszczyźnie // Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. 1932. №4–5. Pp. 217–280.
7. *Barles S.* Urban metabolism and river systems: an historical perspective – Paris and the Seine, 1790–1970 // Hydrology and Earth System Sciences. 2007. № 11. Pp. 1757–1769.
8. *Brimblecombe P., Bowler C.* Air Pollution in York 1850-1900 // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 182–195.
9. *Brimblecombe P., Bowler C.* The Difficulties of Abating Smoke in late Victorian York // Atmospheric Environment. 1990. Vol. 24B. № 1. P. 49–55.
10. *Bruggemeier F.-J.* The Ruhr Basin 1850-1980: A Case of Large-Scale Environmental Pollution // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 210–230.
11. *Cronon W.* Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. NY, London: W.W. Norton & Company, 1991. 530 p.
12. *Diederiks H., Jeurgens C.* Environmental Policy in 19th-Century Leyden // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 167–181.
13. *Douglas I., Hodgson R., Lawson N.* Industry, environment and health through 200 years in Manchester // Ecological Economics. 2002. №41. Pp. 235–255.
14. Environmental Problems in European Cities in the Nineteenth and Twentieth Centuries / *ed. by* C. Bernhardt. Münster: Waxmann, 2001. 232 p.
15. *Friedgut Theodore H.* Iuzovka and revolution. Princeton: Princeton univ. press, 1989. Vol. 1–2.
16. *Melosi M.V.* Garbage in the Cities: Refuse, Reform, and the Environment. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2005. 320 p.

17. *Melosi M.V.* The Place of the City in Environmental History // Environmental History Review. 1993. Vol. 17. No. 1. Pp. 1–23.

18. *Melosi M.V.* The Urban Physical Environment and the Historian: Prospects for Research, Teaching and Public Policy // Journal of American Culture. 1980. Vol. 3. № 3. Pp. 526–540.

19. Resources of the City: Contributions to an Environmental History of Modern Europe / ed. by D. Schott, B. Luckin, G. Massard-Guilbaud. Aldershot: Ashgate, 2005. 285 p.

20. *Schramm E.* Experts in the Smelter Smoke Debate // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 196–209.

21. *Tarr J.A.* The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh // Journal of Urban History. 2002. Vol. 28. №5. Pp. 511–545.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-6
УДК 94(560)

Андрей Александрович Михайлов
научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-западного региона РФ)
научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии генерального штаба ВС РФ
Санкт-Петербург, Россия
dragun66@mail.ru

Рецензия на кн.: Саргис Торосян «От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии»

Аннотация. В рецензии дается оценка значения выхода в свет воспоминаний турецкого офицера армянского происхождения о событиях Первой мировой войны на различных ее фронтах, а также об уничтожении в Османской империи армян. Уникальность опыта С. Торосяна проливает свет на многие моменты, вызывающие споры историков и политиков прошлого и настоящего.

Ключевые слова. Первая мировая война, геноцид армян 1915 года, Османская империя, младотурецкое движение, Галлиполийская операция 1915 года, Армянский легион

Введение

В 2014 г. Музей-институт геноцида армян Национальной академии наук Республики Армения (Ереван) опубликовал на русском языке воспоминания Саргиса Торосяна (1891– 1954) «От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии». Их автор – человек очень непростой судьбы. Будучи этническим армянином, он служил в армии Османской империи, в ее составе участвовал в нескольких сражениях Первой мировой войны, потерял родных и близких во время развернутых турками против армян гонений, затем боролся против сторонников Мустафы Кемаля Ататюрка в рядах Армянского легиона, содействовал антитурецким выступлениям среди арабов.

Директор Музея-института геноцида армян, д-р ист. наук Г.А. Демоян в кратком предисловии к русскоязычному изданию назвал мемуары Торосяна «беспрецедентной и исключительной по своему содержанию книгой», повест-

вующей о жизни, в которой «переплелись геройство и самоотверженность, предательство и происки недоброжелателей, любовь и боль утраты» [1, с. 3].

Первое изданием мемуаров С. Торосяна увидело свет в 1947 г., в США, на английском языке [2] с предисловием Джона Арчибальда Мак-Каллума (1892–1973), видного австралийского политического деятеля и педагога, которому в 1916–1917 гг., в составе британской армии, участвовать в боях с турками в Египте и с немцами во Франции.

Основная часть

Характеризуя публикуемые мемуары, Мак-Каллум отметил их значимость как источника по истории Первой мировой войны и, особенно, противоборства стран Антанты с Турцией. «Историки последующих лет, изучающие Великую войну, – писал он, – исследуя трагически безуспешные действия Союзников при Дарданеллах, а также завоевание Палестины генералом Алленби, обнаружат, что данная книга является ценным источником информации, и найдут в ней материал, который сделает их повествование более детальным» [1, с. 13]. Отметил Дж. Мак-Калум также и мощнейший антивоенный потенциал военных мемуаров Торосяна. По его убеждению, каждый прочитавший книгу, отложил бы ее «с решительным намерением сделать все возможное, для того, чтобы был найден лучший способ решения наших политических, расовых, религиозных разногласий, нежели применение оружия» [1, с. 13] .

Эти оценки представляется интересным дополнить рассуждением Г.А. Демояна, который указал на то, что мемуары Торосяна позволяют увидеть многие события Первой мировой войны на Востоке в неожиданном ракурсе, приводят к заключениям, далеким от устоявшихся оценок и характеристик. Подобная черта диктуется уже самой личностью и биографией автора, который за несколько лет прошел путь от ревностной службы в турецкой армии до непримиримой борьбы против тех сил, которые выступали под знаменем турецкого патриотизма.

«Параллельные истории…, – пишет в связи с этим Г.А. Демоян, – Недосказанные и умышленно сокрытые под запретом чьих-то интересов, они, без всяких оговорок, тоже являются частью целого и, поэтому достойны быть представлены на суд читателя…» [1, с. 5]. Отрицать данное положение не приходится, равно, как нельзя недооценивать и того, что многие суждения С. Торосяна диктовались обстоятельствами его личной, драматической и неординарной судьбы. Это обстоятельство, однако, не снижает ценности мемуаров, как исторического источника, а в определенной степени, даже делает их особенно интересными.

Публикация воспоминаний С. Торосяна на русском языке, несомненно, – важное событие и для историков, профессионально изучающих Первую миро-

вую войну, и для всех, интересующихся ее событиями. Поэтому можно лишь сожалеть, что книга вышла очень небольшим тиражом – всего 500 экземпляров.

Саргис Торосян родился в г. Эверек (в области Кесария), в большой и относительно обеспеченной армянской семье. По его воспоминаниям, с самого раннего детства он жил в обстановке постоянной тревоги и страха, которые испытывали армяне за свою безопасность и саму жизнь в Османской империи. «Когда я вспоминаю свое отрочество, – пишет С. Торосян, – мне кажется, что в самой атмосфере, самих домах, в которых мы жили, в церквах, в которых мы молились, в школах, в которых мы учились, было что-то военное. Мы словно жили в осажденном городе, в военном лагере, только в нем не было оружия, потому что ни одному христианину в Османской Турции не разрешалось держать оружие, даже саблю. Воздух, постоянно заряженный слухами, до предела натянутой сдержанностью, мрачным терпением и бесконечным страхом, был всегда наэлектризован» [1, с. 18].

Тем не менее, у Саргиса Торосяна уже в юности зародилась необыкновенно дерзкая мечта: стать офицером турецкой армии. Действовавшее законодательство, казалось, создало на его пути непреодолимые преграды. Однако Торосян в период обучения в Государственном училище в Адрианополе (Эдирне) сдружился с молодым арабом Мухарремом, отец которого был бригадным генералом. Благодаря протекции этого влиятельного военного, юный С. Торосян был зачислен вместе с Мухарремом в Артиллерийское училище в Стамбуле.

По завершении училищного курса, в 1914 г., Торосян получил чин «второго лейтенанта» [1, с. 24][1] и был отправлен в трехмесячную учебную поездку в Германию. Перед вступлением Турции в Первую мировую войну он был назначен командиром форта «Эртогрул» на мысе Геллес (юно-западная оконечность Галлиполийского полуострова), который защищал вход в пролив Дарданеллы.

Начало Мировой войны вызвало у молодого офицера не только (и даже не столько) тревогу, сколько воодушевление и мечты о военных подвигах. «Мы были молоды, и война казалась нам большим приключением и обещала награды и почести. – С грустью замечает мемуарист, описывая собственные и своих друзей настроения, – Мы никогда не задумывались над грохотом битвы, над этим чудовищным, кровавым отвратительным хаосом» [1, с. 25].

Впрочем, оптимизму молодых офицеров в немалой степени способствовала общая атмосфера в турецком обществе того времени. В мемуарах ярко и достоверно описан подъем воинственного патриотизма летом – осенью 1914 г.:

[1] Этот английский термин использован в переводе; соответствующий турецкий термин – «mülazim- isani» («мулазим-и сани). Иногда он переводится также, как «младший лейтенант», или в дореволюционных русских изданиях – подпоручик.

«Константинополь был полон бурных слухов. Повсюду играли оркестры; маршировали солдаты, сверкали штыки; на улицах то и дело встречались подтянутые немецкие офицеры – их прибыло так много, словно это была иммиграция; гарцевали кавалеристы; слышалось бряцание шпор; развевались флаги; раздавались ликующие восклицания, крики; <…>» [1, с. 25].

Нетрудно заметить, что сцены, описанные Торосяном, очень напоминают те, что разыгрывались в то время в Санкт-Петербурге и Москве, Вене и Берлине, Лондоне и Париже, в больших и малых городах всех государств, вступивших или готовых вступить в жестокую борьбу.

3 ноября 1914 г. англо-французская эскадра под командованием британского вице-адмирала Сэквилла Кардена произвела бомбардировку внешних укреплений Дарданелл. Правда, форт «Эртогрул», на котором находился С. Торосян, не пострадал, но молодой офицер стал очевидцем страшных разрушений и гибели людей в соседнем форте «Сеуд-уль-Бахр», где британский снаряд попал в склад боеприпасов.

Советский военный историк А. Коленковский, опираясь на германские источники, об итогах обстрела писал: «Взорвалось 360 снарядов и 10 000 кг пороха. Во время взрыва на Седд-эль-Баре (так в тексте – А.М.) были временно выведены из строя все 6 орудий, из которых четыре были приведены в боевое состояние через несколько дней, а два бездействовали долгое время. <…> Англичане считают, что на Седд-эль-Баре было убито и ранено до 80 чел.» [3, с. 20].

Для Торосяна, ставшего непосредственным очевидцем боя, все выглядело гораздо более страшным и трагичным. По его мнению, на форте погибло до 500 солдат и офицеров. «Они, – писал мемуарист, – были в буквальном смысле разорваны на куски. Единственным, кто остался в живых, был полковник Халилбей. Когда я увидел его, он был обезумевшим от пережитого» [1, с. 31].

Стоит отметить, что бомбардировка 3 ноября производилась с целью удержать Турцию от вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, но ее политический итог оказался прямо противоположным [4, с. 92–93]. Однако молодого офицера-армянина она потрясла, развеяв многие иллюзии. «Для меня становилось все более очевидным, – вспоминал Торосян, – что война – весьма отвратительное дело <….> [1, с. 31].

13 декабря 1914 г. С. Торосяну пришлось наблюдать еще один, прискорбный для турок, эпизод борьбы за Проливы: британская подводная лодка потопила турецкий линкор «Мессудие»[2]. «Я видел, – повествовал мемуарист, – как матросы в суматохе бросались к спасательным шлюпкам. Некоторые прыгали за борт. Все это казалось безумным, невероятным. <…> Повсюду на поверхно-

[2] По данным А. Мурхеда «Мессудие» потопила подводная лодка «B-11» под командованием лейтенанта Н. Холбрука // Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. М., 2004. С. 31–32.

сти были люди; ко дну пошел куттер; на воде покачивались спасательные круги; люди тонули. Когда корабль исчез с поверхности, огромный столб воды взметнулся вверх» [1, с. 32].

В феврале 1915 г., во время предпринятой британцами масштабной операции против турецких укреплений на берегах Дарданелл, С. Торосян оказался в самой гуще событий. 19 февраля во время нового обстрела турецких укреплений, батареям форта «Эртогрул» пришлось вести непосредственную борьбу с английскими и французскими кораблями. Исход боя был для турок неудачен [4, с. 161–164]. По рассказу Торосяна, британский дредноут «Куин Элизабет» два часа «вел непрерывный обстрел, пока форт Эртогрул не превратился в руины» [1, с. 37].

Бомбардировка повторилась 5–7 и 18 марта [4, с. 177, 192]. Торосян, командуя артиллеристами, неоднократно проявлял личную отвагу и хладнокровие, но 18 марта был ранен осколками случайного снаряда и оказался в госпитале. Британцам и французам, как известно, захватить пролив Дарданеллы не удалось. Впоследствии, размышляя о причинах такого исхода операции, С. Торосян утверждал, что англо-французское командование сознательно ослабило напор, так как полный разгром Турции привел бы к резкому усилению в регионе России.

«Видение имперской России, державшей Константинополь, – утверждал Торосян, – ужасало маленьких людей из канцелярии; оно было для них ночным кошмаром и потому то, что могло стать легкой победой, было превращено в весьма жалкое неубедительное поражение» [1, с. 45].

Многие военные историки, однако, придерживались иного мнения, полагая, что военное руководство стран Антанты просто осознало невозможность овладеть Дарданеллами с помощью одних лишь кораблей, без высадки десанта [3, с. 56–57].

Мужество, проявленное С. Торосяном при обороне Дарданелл, привлекло к нему внимание высшего турецкого командования и принесло чин капитана[3]. Более того, молодого офицера удостоил аудиенцией военный министр Энвер-паша. «Его превосходительство, – вспоминал Торосян, – пристально меня рассматривал, а потом встал и представил меня своим немецким советникам Лиману фон Сандерсу и генералу фон дер Гольцу, назвав меня армянским героем Дарданелл [1, с. 53]. Всесильный военный министр расспросил новоиспеченного капитана о достоинствах и недостатках укреплений Дарданелл, а затем предложил на выбор два назначения: вернуться в форт «Эртогрул» или получить в командование дивизион в составе артиллерийского полка восьмой дивизии. Торосян выбрал второе. Полк, впрочем, дислоцировался также на берегах

[3] Видимо, чин юзбаши.

Дарданелл, недалеко от форта Сед-уль-Бахр, захваченного английским десантом.

С июня 1915 г. турецкое правительство начало депортацию и жестокие преследования армянского населения Империи [5, с. 83]. Несмотря на все заслуги Торосяна, его родителей тоже депортировали и, после многих испытаний, они погибли. Судьба их, впрочем, долгое время оставалась С. Торосяну неизвестной.

Пострадали также многие родные и близкие «армянского героя Дарданелл». Кроме того, по рассказу Торосяна, на него самого было совершенно покушение, организованное одним из виднейших лидеров младотурков Талаат-пашой. Тем не менее, он оставался в рядах турецкой армии, летом – осенью 1915 г. принял участие в боевых действиях на Галлиполийском полуострове, по-прежнему, демонстрируя стойкость, хотя все чаще размышлял о разрыве с турками и, даже, о мести им.

В сентябре 1916 г. С. Торосян был назначен помощником командира 46-го артиллерийского полка, который действовал на Македонском фронте. В ноябре его перевели на должность командира 51-го артиллерийского дивизиона, который участвовал в германо-турецком наступлении на Румынском фронте. В этих боях Торосян вновь проявил отвагу, получил ранение и заслужил боевые ордена. Посвященные этому периоду службы мемуары содержат интересные описания боевых действий, турецкой армии и ее союзников: немцев и болгар.

В конце 1916 г. 51-й дивизион был отозван в Стамбул. Вскоре после этого С. Торосян вернулся в «свой» 46-й артиллерийский полк и с ним отправился на Месопотамский фронт. На пути к новому месту службы он постоянно встречал армянских беженцев и стал свидетелем многих страданий и бедствий, постигших армян Османской империи.

Самому Торосяну в Месопотамии тоже пришлось пережить немало тяжелых испытаний. Вот как описывает он, например, марш к Мосулу, в конце мая – начале июня 1917 г.: «Дорога была неровной, усыпанной острыми камнями. Пустыни сменялись малярийными болотами. Это серьезно замедляло движение и погружало в уныние. Солнце жгло беспощадно, и в конце концов ехать дальше днем стало невозможно. Мы сжимались в укрытиях в густых болотах, пытались проспать до захода солнца, а вечером вновь отравлялись в путь до самого рассвета. Воды было так мало, что зачастую нам приходилось выкапывать слякоть в болотах и кипятить грязную, кишащую микробами жидкость, чтобы хоть как-то утолить жажду. Комары налетали на нас роями. Сотни людей погибли от вспыхнувшей малярии и тифа. <…> Последнюю часть пути мы прошли днем и 9 июня 1917 г. в Мосул вступили, сгрудившись в некоем отдаленном подобии строя, отряды призраков с огромными округлившимися глазами и почерневшими губами» [1, с. 104].

Весьма сложными и далеко не всегда мирными были отношения турецкой армии с местным населением. С. Торосян в мемуарах очень выразительно и ярко описывает нравы арабов Месопотамии. «…Отношение к чужакам, – повествует он, – различалось от племени к племени. Как правило, они вели себя с гостями достаточно дружелюбно, но рассказывали также, что в некоторых из них гостей могли встретить с пышным пиром, а после того как чужаки, наевшись досыта, засыпали, на них нападали и убивали» [1, с. 105].

В конце июля 1917 г. С. Торосяну пришлось участвовать в весьма опасном предприятии – экспедиции во владения одного из арабских шейхов с целью получить от него продовольствие для турецкой армии. «За две недели до нашего прибытия в Мосул, – рассказывал Торосян в мемуарах, – генерал Халил-паша, столкнувшись с нежеланием самых крупных из упомянутых племен платить продовольственную дань, отправив к ним полторы тысячи турецких солдат с целью потребовать от них продовольствие, в случае же дальнейшего сопротивления – обыскать и забрать его силой. Солдаты так и не вернулись, а в качестве ответа генералу послали мешки с отрубленными головами офицеров» [1, с. 106].

Попутно стоит заметить, что упомянутый выше Халил (иначе Халиль)-паша, командовавший турецкими войсками на Месопотамском фронте, приходился дядей Энвер-паше, в 1914 г. участвовал в боях на Кавказе и снискал мрачную славу жестокими расправами с армянским и греческим населением. Волне понятно, что неудачи в действиях этого военачальника Торосян описывал особенно тщательно.

Получить продовольствие мемуаристу удалось. При этом чтобы расположить к себе шейха, он прибег к весьма смелому приему: помог арабам разгромить соседних курдов. В начале октября 1917 г. 46-я дивизия, в составе которой находился артиллерийский полк Торосяна, была, в связи с наступлением англичан, переведена на «передовую линию фронта» [1, с. 111] на берега реки Тигр. В последовавших за тем боях автор воспоминаний в очередной раз проявил свои командные таланты. Среди прочего, он, чтобы сбить с толку британских летчиков, распорядился (по собственному рассказу) «соорудить бутафорские пушки из дымовых труб и разместить их в наиболее заметных для противника местах» [1, с. 112]. Прием оказался эффективен лишь отчасти, бомбардировки с воздуха нанесли туркам существенный урон, сам Торосян вновь получил ранение, на этот раз в руку. Пришлось также отражать атаки британской пехоты (преимущественно индийских войск).

В начале декабря 1917 г. 46-я дивизия была переведена на Палестинский фронт. Первоначально она сосредоточилась в районе селения Тель-Халаф (в Сирии). Здесь Торосян узнал, что неподалеку находится большой лагерь для депортированных армян. Посетив его, он встретил свою сестру, от которой узнал о смерти родителей и страданиях семьи. Рассказ сестры, вид людей одной с ним национальности, насильно изгнанных из собственных домов, подвергших-

ся издевательствам, естественно, еще больше ожесточил Торосяна против турецких властей.

На Палестинском фронте 46-й артиллерийский полк Торосяна расположился недалеко от города Наблуса (на западном берегу реки Иордан). Здесь ему пришлось вновь столкнуться с трудностями, связанными с местным климатом и природой. С. Торосян вспоминал: «Жара стала невыносимой. Лагеря наводнили рои комаров, слетавшихся с близлежащих болот и разносивших тиф и малярию. Госпитали были переполнены сотнями офицеров и солдат, иногда выходивших из строя на целых пять-шесть недель» [1, с. 131].

Весной – летом 1918 г. 46-й полк принял участие в жарких боях, развернувшихся на завершающем этапе Синайско-Палестинской кампании. Турецкие войска были в них буквально измотаны и обескровлены, моральный дух их упал очень низко [6, с. 199]. На С. Торосяна особенно сильно действовали слухи о том, что в новом наступлении на турецкие силы, кроме британцев и французов, будет участвовать Армянский легион (что, соответствовало истине [1, с. 134]. Впрочем, вскоре в его жизни произошли кардинальные перемены.

В середине августа контакт с С. Торосяном установили арабские сторонники независимости от Османской империи. Они без особого труда уговорили его присоединиться к их борьбе. По рассказу самого мемуариста, в то время он потерял свою возлюбленную – приемную дочь арабского паши и армянку по национальности, умершую от чахотки. Личная трагедия, виденные ужасы войны, жестокие гонения правительства на армян – все это сделало намерение бороться против османской власти твердым и необратимым.

На нескольких встречах с арабскими вождями С. Торосян разработал план действий. Он взял на себя обязательство при первом же крупном наступлении англо-французских войск организовать переход на их сторону арабских кавалеристов, мобилизованных в турецкую армию. Соответствующая возможность представилась и была использована 20 сентября 1918 г. Торосян очень эмоционально описывает, как во главе арабского отряда всадников громил тылы 7-й и 8-й турецких армий, отходивших под напором британцев.

Арабскими воинами он буквально восхищался: «За всю военную карьеру я не видел такой проницательности, боевой готовности, такой безрассудной храбрости и дисциплины, как те, что проявляли эти всадники пустыни» [1, с. 151]. С симпатией писал он также о будущем короле Ирака, Фейсале Ибн Хусейне (1883–1933), командовавшем арабскими войсками в экспедиционном корпусе генерала Э. Алленби.

Прославленный британский разведчик и путешественник, один из организаторов Арабского восстания, Лоуренс Аравийский, напротив, особого восторга у С. Торосяна не вызывал. Мемуарист утверждал, тот был лишь «казначеем», которому «шейхи и их солдаты приносили для оплаты свои векселя, предварительно утвержденные арабскими лидерами» [1, с. 154].

В начале 1919 г. Торосян во главе небольшого отряда добровольцев-армян был направлен в Киликию, занятую Армянским легионом [7, с. 85]. Его целью была защита местного населения и борьба с многочисленными турецкими отрядами, нападавшими на беженцев, возвращавшихся в родные места, и на мирных жителей. Однако очень скоро его положение, как и положение Армянского легиона, стало непростым и опасным: Англия и Франция отказались от вооруженной борьбы против Турции, их войска постепенно выводились из Киликии.

Торосян расценивал нежелание Союзников продолжать войну с Турцией как предательство. В качестве одного из примеров того, к чему их позиция приводила, он описал события в г. Мараше. «…Войска французов, – говорится в мемуарах, – были отозваны из Марша, оставив его жителей на произвол бесчинствующих грабителей. Меньше чем через неделю турки вступили в город и вырезали больше двенадцати тысяч армян» [1, с. 161]. Со своим небольшим отрядом С. Торосян проявлял чудеса изобретательности, чтобы обеспечить армянскому населению защиту. Нередко на выручку ему приходило отличное знание психологии, взглядов и манеры поведения турецких офицеров.

В начале 1920 г., по мнению мемуариста, ситуация стала просто отчаянной. Сторонников Мустафы Кемаля он считал врагами, их действия – «бесчинством» [1, с. 163]. «Теперь став увереннее и сильнее, турки, – утверждал Торосян, – зверски убивали французских солдат, и таким образом предатели сами стали жертвами предательства. Страну охватил мятеж» [1, с. 163]. Некоторое время С. Торосян пытался вести против турок партизанскую борьбу, но затем осознал ее бесперспективность. «Действительность придавила нас, – отмечал он с горечью, – И я решил отложить саблю и револьвер. Киликия перестала быть родиной армян, она превратилась в кипящий котел, где в крови моего народа готовились и перемешивались бесконечные заговоры и интриги» [1, с. 170]. В итоге С. Торосян принял решение оставить военную службу.

Заключение

Обобщая факты истории армянского народа в Первую мировую войну, он делал крайне мрачные выводы о том, что все ведущие державы Европы стремились лишь использовать армянский народ, его стремление к независимости, в своих интересах.

Нелишне еще раз подчеркнуть: многие суждения С. Торосяна пристрастны. Что, однако, не снижает их ценности в качестве исторического источника. К сожалению, рецензируемая публикация мемуаров С. Торосяна имеет отдельные недостатки: прежде всего – отсутствие именного и географического указателей, а также очень немногочисленные и краткие комментарии к тексту. Тем не менее, вышедшая книга представляется существенным вкладом в историографию проблемы.

Список литературы

1. *Торосян С*. От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии. Ереван: Музей-институт геноцида армян, 2014. 176 с.

2. *Коленковский А*. Дарданельская операция. Второе издание. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 136 с.

3. *Михайлов В.В*. Галлиполи 1915: могила русской мечты и британских солдат. СПб.: Нестор, 2010. 268 с.

4. *Михайлов В.В*. Британия и Россия в решении внутриполитических противоречий в Османской империи в годы I мировой войны. СПб.: Нестор, 2007. 283 с.

5. *Михайлов В.В.* Экономическое положение Османской империи перед началом и во время Первой мировой войны и мероприятия России и Великобритании по ослаблению турецкой экономики // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 191–201.

6. *Михайлов В.В*. К вопросу о создании и боевых действиях армянских добровольческих формирований на турецких фронтах Первой мировой войны // Новый часовой. 2008. № 19. С. 77–85.

7. *Torossian S*. From Dardanelles to Palestine: A True Story of Five Battle Fronts of Turkey and Her Allies and Harem Romance (Personal Memoris). Boston: Merador Pub. Co, 1947. 219 p.

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-7
УДК 908

Александр Михайлович Дронов
аспирант, младший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской академии наук
Москва, Россия
dronov938@rambler.ru

Рецензия на: «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (материалы Всероссийской научной конференции, г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.)

Аннотация. Данная рецензия посвящена сборнику статей «Границы и пограничье в южнороссийской истории», куда вошли статьи, в той или иной мере охватывающие проблематику в рамках междисциплинарного подхода границ и пограничий, известного в России как наука лимология. В рецензии говорится о недостатках и достоинствах построения сборника, а также разбираются его статьи, исходя из их научной актуальности и специализации автора рецензии по теме австрийской Военной границы как хорошем поле для исторической компаративистики.

Ключевые слова: фронтир, границы, пограничье, лимология, историческая география, история Юга России, свой – чужой, культурная память, казачество

Осенью 2014 г. в Ростове-на-Дону прошла всероссийская конференция, посвященная границам и пограничью в истории Юга России. Вскоре в свет вышел сборник, составленный из докладов, переработанных в статьи. Составители отказались от проблемного принципа, сгруппировав материал в алфавитном порядке фамилий авторов[1]. В данной рецензии предпринята попытка тематически заостренного анализа статей в контексте их применимости к изучению истории Военной границы в монархии Габсбургов.

1. Термины и методология

Согласно утверждению А.В. Баранова в статье «Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах Юга России)», контактная зона – это периферия центра (ядра) цивилизации, находящаяся при

[1] На сборник уже вышла рецензия Ю.Д. Анчабадзе, и в ряду недостатков автор называет как раз отсутствие проблемного подхода к композиции тома. См.: *Анчабадзе Ю.Д.* Рец. на кн.: Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д., 2014. 627 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 180.

этом не обязательно географически на окраине государства. Основной ее признак – зависимость от центра, подражание ему (с. 72). Контактную зону формируют реальные объекты трех типов: площадь (территория), границы (линейные контуры) и столичные центры. При этом площадь контактной зоны может быть невелика, главное ее качество – «проницаемость» для взаимного влияния участников коммуникации (с. 72).

Другой автор – Е.И. Малето – приводит такие определения ключевых понятий: граница – это линия внешнего предела территории одного государства, отделяющая его от сопредельной территории другого государства; пограничье – это контактные зоны, в которых активно идет взаимодействие культур, сопредельных стран, народов, регионов. В то же время это зоны потенциальной территориальной конфликтности (например, межэтнической, религиозной) и борьбы за сферы влияния (с. 347). Определение границы по Малето полностью соответствует традиционному ее пониманию в российской лимологии (лат. limes – черта) – науке о границах и пограничье как разновидности их общего междисциплинарного направления изучения, основы которому заложил американский географ Ф. Тернер.

Между тем, фронтир также является подвижной границей. В статье коллектива авторов из Тамбова (Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин) утверждается, что «фронтирная динамика – это не просто движение границы, это трансформация пространства, переход в новое качество» (с. 235). При этом они дают такое определение фронтира: «территория, которая на определенном этапе истории абсолютно не тождественна будущей метрополии, а через какое-то время становится полностью однородной частью «материнского» государства и общества» (с. 235). Авторы в качестве примера подвижного фронтира на основе имеющихся статистических данных смоделировали процесс инкорпорации территории почти незаселенного и плохо очень освоенного русскими Дикого поля в состав Российского государства с середины XVI до середины XIX вв.

Вместе с тем, рассмотрение термина «фронтир» возможно и в других ракурсах. О.С. Якушенкова в статье о «Трансформации телесности в условиях фронтирной гетеротопии» дает следующее толкование предмету исследования: чаще всего это «особая территория между миром обжитым, окультуренным или цивилизованным, и миром диким или девственным». Отсюда она выводит термин – «фронтирное тело» – пространство (в фуконианском смысле), естественным образом оказавшееся носителем этой дикости, необузданности и т. п. (с. 613) Человек по ту сторону фронтира – Чужой – дикарь, дитя природы, т.е. эквивалент животной среды (с. 614). Находясь на границе ойкумены, Чужой обладает «натуральным» телом (с. 615), которое, даже если воспринималось близким к человеческому, наделялось некими свойствами, приближающими его к природе. Например, непонятный язык Чужого считался близким к языку зверей (с.

616). Можно сказать, автор находит ключ к пониманию проблемы возникновения стереотипов у соседних или контактирующих народов. Однако ее теория, как представляется, не вполне подходит для понимания «тела» таких искусственных фронтиров, как Военная граница монархии Габсбургов.

В статье «Сигнификация культурной памяти в условиях фронтирной гетеротопии» С.Н. Якушенков привлекает исследования по исторической памяти. В частности, он пишет: «Современный межкультурный диалог на территориях, которые можно отнести к фронтирным зонам, невозможен без ориентации на определенные сигнификаты, как правило, завязанные на культурную память фронтирных этносов» (с. 605). Под сигнификатом здесь понимается знак, вписанный в исторический контекст и выступающий в качестве ценностного ориентира, а также зафиксированный в любой форме праксиса. Поскольку «на фронтирной территории в формировании культурной памяти участвуют самые разнообразные этнические акторы», то «их сигнификаты столь же разнообразны, а порой и взаимоисключающи» (с. 606).

Л.В. Баева в статье «Зона Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья как фронтир: классификация и характеристика» уделяет большое внимание типологии понятия «фронтир». Ею выделяются цивилизационный, межкультурный, конфессиональный, этнический (антропологический), языковой (лингвистический), военно-политический, технологический, информационный, ценностный фронтиры, а также ментальный, теоретический, парадигмальный фронтир (с. 56–57). Она отмечает, что «особым явлением фронтира является „фронтирный человек“, личность, открытая для новых решений, выборов, перемены мест, отличающаяся высокой восприимчивостью нового, ментальной свободой, творческим, синкретическим видением реальности, авантюрностью, нетерпимостью к ограничениям, жесткой регламентации и организации жизни» (с. 61).

Завершая характеристику статей, посвященных методологии изучения границ и пограничья, хотелось бы не согласиться с Ю.Д. Анчабадзе, который пишет о невозможности рассматривать фронтир одновременно как зону конфликта и межкультурной коммуникации[2]. По сути, любой фронтир нельзя представить без этих двух факторов, и это подтверждают конкретно-исторические исследования в рецензируемом сборнике.

2. Казачество как пограничное сообщество

Р.Г. Такиджьян в статье «Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв.» предлагает оригинальную периодизацию истории донского казачества. На первом этапе, с

[2] Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д., 2014. 627 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 181.

XIV до конца XVII вв., появились «предшественники казачества и первые устойчивые казачьи сообщества», «военизированные общины» на географическом пространстве Подонья – Приазовья и степного Предкавказья, что было связано с распадом Золотой Орды. Именно на этом этапе сформировался казачий «субэтнос (соэтнос) великорусского народа», который состоял из трех основных этнических и конфессиональных групп: титульной – восточнославянской «православно-старообрядческой», тюркско-кавказской мусульманской и ойратской ламаистской. На втором этапе с конца XVII в. до 60-х гг. XIX в. произошло включение казачьих войск-земель в состав Российской империи и превращение самих казаков к началу XIX в. в «субэтническое квазисословие». На третьем этапе – до начала XX в. – окончательно сформировалась Область Войска Донского и сложилось «этносословное единение» казаков в противовес приезжему населению. На четвертом этапе, или в советский период в истории казачества (1917–1991), в отношении него проводилась политика «расказачивания». Наконец, в наши дни наблюдается возрождение «неоказачества» (с. 542–547).

Более общая периодизация историка казачества С.В. Черницына имеет ряд отличий. В статье «Войско Донское и соседи. Тенденции этнокультурных контактов с этнической метрополией в условиях военного фронтира» он выделяет два периода в досоветской истории донского казачества. Первый (рубеж XV–XVI вв. – первая четверть XVIII в.) охватывает становление донского казачества вплоть до «активной политической интеграции Земли Донской в состав Российской империи», что сочеталось с утратой автономии, а также началом социальных и культурных изменений. Во второй период (первая четверть XVIII – начало XX вв.) донское казачество превратилось в сословие, а казаки – в субэтническую группу русского народа (с. 570–571).

Другой историк казачества – Ю.А. Булыгин – в статье «Истоки донского казачьего предпринимательства на южной границе Российской империи» обращает внимание на природно-климатический фактор. «Степные просторы для русского народа всегда были символом свободы: степь воспевается в песнях, представляет предмет мечтаний, с ней связана любовь к странствиям, искание воли» (с. 144). Он также приходит к выводу, что фактором вовлечения казачества в предпринимательство стала политика властей. «Правительственные акты способствовали развитию казачьего землевладения, законодательно закрепив за Войском земли, а за крупными чиновниками и офицерами дворянский статус, что привело к появлению слоя предпринимателей из казачьей среды» (с. 152). В качестве причины «естественного ответа на реалии времени» историк называет «необходимость сбывать полученную в результате военных походов добычу», что побуждало казаков выходить на рынок (с. 152).

Вклад современного австрийского историка народов Российской империи рассматривает Н.А. Мининков в статье «Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера». Интересен его вывод о том, что «степной рубеж был местом не только ожесточенной длительной и упорной борьбы. Это также было место разнообразных контактов между местными сообществами и отдельными людьми». Здесь Каппелер особо выделяет контакты – коммерческие и культурные (с. 373), а также феномен «личных связей» в степной полосе, откуда брала свое начало и сама пестрота этнического происхождения казачества, наличие в казачьей культуре элементов культуры соседей (с. 373). Мининков отмечает, что в понятие о казачестве как о приграничном сообществе Каппелер вкладывает «новый взгляд», исходит «из признания его как сообщества, способного к установлению многообразных контактов с соседями» (с. 373).

Используя тернеровскую теорию фронтира, Каппелер выделяет «некоторые черты сходства между казачеством и сообществами «Дикого Запада», по типу открытых границ и наличия конфронтации в отношениях казаков с соседними кочевниками. Выработанные в казачьей среде «фронтирные признаки» были «затушены» лишь советской властью, поэтому современный «ренессанс» казачества после краха коммунистической идеологии Каппелер считает уже не возрожденным казачеством, а «неоказачеством», хотя и видит преемственность «неоказаков» с казачеством начала XX века (с. 378). Наконец, австрийский историк называет казачество лишь одним из проявлений определенного жизненного уклада, распространенного от Адриатики до Урала, и перекидывает мостик от русского и украинского казачества к граничарам монархии Габсбургов и ускокам Адриатического побережья.

Важному периоду в истории казачества в России и граничар в монархии Габсбургов (1860–1880-х гг.) посвящена статья ростовского историка А.Ю. Перетятько «Оценка роли границы в истории донского казачества авторами 1860-х – 1880-х гг.: Н.И. Краснов, М.Н. Харузин, С.Ф. Номикосов». Ведь в отличие от Габсбургской монархии, где в это тридцатилетие произошла трансформация империи в дуалистическую Австро-Венгрию, а Военная граница была полностью упразднена вместе с сословием граничар, в России Военное министерство приняло решение не расформировывать казачьи войска, в том числе и Область Войска Донского. Если одной из причин упразднения Военной границы в Монархии Габсбургов стала утрата угрозы с юга (от Османской империи), то в России, как писал в 60- е гг. XIX в. историк казачества Н.И. Краснов, необходимость казачьих войск была вызвана исторически их пограничным положением (с. 426). После поворотного решения Военного министерства не упразднять казачьи войска Краснов кардинально поменял свою позицию. Теперь и он, и С.Ф. Номикосов доказывали, что казачество скорее существовало не из-за, а

вопреки пограничью, и что после утраты пограничного положения казаки даже выиграют, так как граница всегда тормозила их гражданское развитие (с. 426). М.Н. Харузин одним из первых обратил внимание на то, что казачество возникло на границе оседлого и степного миров. Кроме того, рассматривая историю казаков со славянофильской точки зрения, ученый пришел к выводу, что их жизнь представляла собой вариант типично русский, но сформировавшийся в степных условиях (с. 426).

3. Засечные черты Русского государства и освоение Дикого поля в XVI – XVIII вв., взаимоотношения с Османской империей, Крымским ханством, Речью Посполитой

Д.А. Ляпин в статье «Специфика структуры местного самоуправления в городах верхнего Дона в первой половине XVII в.» приводит данные, которые можно сравнить с устройством Военной границы монархии Габсбургов. Особенность российской засечной черты XVII в. заключалась в том, что этот период характеризуется ослаблением центральной власти в стране после пережитой Смуты. Поэтому развитие получили органы местного самоуправления, в том числе и на засечной черте. Так, низовые административные функции осуществляла местная мирская община. Однако население города выбирало также такие важные должности, как губного старосты и осадного головы. В результате, долгое время назначаемой сверху оставалась лишь должность воеводы.

На примере статьи В.В. Грибовского можно понять, чем пограничье между монархией Габсбургов отличалось от пограничья русских земель с вассалами Османской империи, в первую очередь, Крымским ханством. В первом случае граница была точно определена на местности, во втором – пограничьем служило Дикое поле, не разграниченное между государствами. Причем, Россия в данном случае была для Европы явным исключением. Автор отмечает, что «для Польши (как и для Габсбургов. – А.Д.) было характерно внимательное отношение к границам и регулирующим их актам» (с. 187). Польша подчеркивала преемственность с владениями Великого княжества Литовского, когда в переговорах с Портой отстаивала свои владения, в частности, выход к Черному морю. Следует отметить, что южная граница России вообще не фиксировалась в международных договорах. Этот феномен автор объясняет тем, что «причерноморская степь гораздо труднее поддавалась разграничению из-за пестрой и быстро меняющейся чересполосицы, образовавшейся в результате почти неконтролируемого расселения жителей пограничья» (с. 190).

Важным в статье В.В. Грибовского является раскрытие феномена возможности сотрудничества пограничных обществ, в религиозном и языковом плане не имеющих ничего общего и притом еще и традиционно враждебных друг другу при появлении внешней угрозы, общей для каждого из них. Так, во время попытки в начале XVIII в. провести точную границу между Россией и Осман-

ской империей по степи, которую считали своей как запорожские казаки, так и Крымское ханство, последние (казаки и татары) стали сближаться и попытались совместно противостоять как русским, так и туркам. В результате, туркам пришлось силой усмирять строптивого вассала-хана, а русским приложить максимум дипломатических усилий для удержания запорожцев от восстания, тогда как на Дону восстание все-таки вспыхнуло.

4. Кавказский фронтир

О смысле организации Северокавказского фронтира говорится в статье И.Х. Тхамоковой «Кавказская линия и кабардинцы: к проблеме этнокультурных границ». В ней автор объясняет создание укрепленной границы на Северном Кавказе тем, что «фактическое включение Кабарды в состав империи было процессом длительным и сложным», при этом «власти стремились отделить Кабарду от степного Предкавказья, которое быстро осваивалось русскими переселенцами» (с. 560). Историк замечает, что «жившие по разные стороны Кавказской Линии люди, хотя и считались подданными одного государства, но долгое время различались социально-политической и правовой системой, религией, языком, особенностями хозяйства, материальной и духовной культурой». Это выражалось в том, что «по одну сторону границы действовала власть царской администрации, законы Российской империи, по другую – сохраняли свои права кабардинские князья, функционировали нормы обычного права и шариата» (с. 563). Контакты русского населения на Линии и кабардинского за Линией имели форму в основном боевых столкновений или более мелких стычек. Поэтому казаки перенимали у горцев только оружие, технику боя, форму седел, а также военную одежду. Тхамокова отмечает устойчивость этнокультурных границ на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. Так, переходившие на русскую службу и даже получившие образование в Петербурге кабардинские князья не ощущали себя русскими, они служили в русской армии, росли в чинах, получали воинские награды, но при возвращении на родину снимали их и вели в соответствии с горскими обычаями. Таким образом, пересечение Линии означало для них смену социальной роли (с. 568–569).

В статье «Торговые отношения горцев и официальной власти: путь преодоления северокавказского фронтира в первой половине XIX в.» Е.Г. Берберова пишет, что «торговля в условиях пограничья была сосредоточена в руках представителей определенных национальностей, в основном армян, греков и евреев», так как «для многих горцев заниматься торговлей было не просто не престижно, но даже зазорно» (с. 106). Кроме того, автор указывает, что «воспитанные в духе культа воина, горцы высокомерно относились к тем, кто не разделял их мировоззрения». При этом «аналогичные предубеждения мы видим и у казаков, которые ментально были близки к своим соседям-соперникам» (с. 106). Важной является характеристика автором взаимодействие горцев с русской по-

граничной линией: «Свобода в перемещении по линии по торговым надобностям являлась одним из условий принятия горцами присяги на подданство императорскому престолу» (с. 110). При этом И.Х. Тхамокова по ситуации на начало XIX в. пишет, что кабардинцам разрешалось пересекать Кавказскую Линию «только „по билетам российского пристава“, которые давались под поручительство верховного князя Кабарды» (с. 562).

Северокавказский фронтир России был похож на Военную границу монархии Габсбургов тем, что сюда также переселялись немцы. В статье Т.Н. Плохотнюка «Немецкий вектор Северокавказского фронтира» рассказывается про две основные волны немецкой колонизации на Северном Кавказе. Обе эти волны представляли переселение немцев-лютеран и относятся ко второй половине XIX в., так как до этого колонизация немцами этих мест шла медленно из-за боязни жить на линии боевых действий (с. 439). Однако российские власти помогли обустроиться только первой волне. Т.Н. Плохотнюк объясняет это желанием властей использовать переселенцев в первую очередь в роли «некого „катализатора” или „закрепителя“ процессов как в производственной, так и в духовной сферах, чтобы здесь в очередной зоне контакта христианского и исламского мира не только обеспечить прочность геополитической позиции России, но и устойчивость христианской цивилизации» (с. 445). Таким образом, в отличие от Габсбургской монархии, где на Военную границу переселяли лишь немцев-католиков для усиления на ней государственной религии, российские власти были заинтересованы именно в протестантах, которые в отличие от католиков составляли меньше конкуренции православным, зато могли христианизировать горцев-мусульман, да и сами со временем перейти в православие.

Идея о существенном отличии российского фронтира от других европейских, а именно – его подвижность (цель продвинуть границу на юг) – развивается в статье Ю.Ю. Клычникова «Влияние специфики северокавказского фронтира на военно-политическую деятельность А.П. Ермолова». Таким образом, автор здесь абсолютно солидарен с концепцией тамбовского коллектива историков (Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин) о подвижности фронтира, а также Л.В. Баевой с ее «энергией фронтирного человека».

Рассматривая казачьи регионы через призму граничной методологии, концепции «свой – чужой», исторической памяти, психоистории и др., российские исследователи продвинулись в развитии отечественных междисциплинарных исследований в соответствующих направлениях. Особый вклад сделан в прогресс российской лимологии как нашей отечественной вариации большого направления междисциплинарных граничных исследований.

Список литературы

1. Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 627 с.

2. *Анчабадзе Ю.Д.* Рец. на: Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 627 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 180–183.

Международная научная конференция *«В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии евразийства»*

26–28 октября и 14–25 ноября 2016 г. в г. Череповце состоялась Международная научная конференция *«В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии евразийства», посвященная 174-й годовщине со дня рождения великого русского художника второй половины XIX – начала XX в. Конференция была организована кафедрой истории и философии Гуманитарного института ЧГУ совместно с мемориальным домом-музеем Верещагиных Череповецкого музейного объединения, управлением по делам культуры мэрии г.Череповца и была проведена при финансовой поддержке* РГНФ (проект № 16-01-14039) .

Работа конференции осуществлялась в 2 этапа. Первый этап включал в себя пленарные и секционные заседания. На пленарном заседании конференции 26 октября были заслушаны доклады, посвященные ключевым вопросам рассматриваемой темы. ***Доктор филологических наук, профессор А.В. Чернов (г. Череповец)*** в своем выступлении обратился к проблеме отражения Востока в авторской идентичности В.В. Верещагина в контексте предощущаемого евразийства. Рассмотрев различные ее аспекты, докладчик пришел к вполне обоснованному выводу, что «постоянный и пристальный интерес художника к Востоку, его вклад в знакомство русского общества с различными обликами Востока вполне мог сыграть свою роль в возникновении евразийской проблематики». ***Доктор философских наук, профессор С.Т. Махлина (г. Санкт-Петербург)*** рассмотрела вопрос о рефлексии темы Востока в творчестве В.В. Верещагина. По замечанию выступавшей, остановившейся на основных живописных произведениях художника, связанных с указанной тематикой, «Восток всегда был притягательным для русских – это было непознанное, загадочное, странное и завлекательное направление интересов и устремлений. И, закономерно, что Василий Васильевич Верещагин интересовался Востоком, ибо самозабвенно упивался красотой жизни…» В представленном на конференции докладе ***доктора филологических наук, профессора Кембриджского университета Ф.И. Мелвилл (Великобритания)*** отмечалось, что, несмотря на пристальный интерес В.В. Верещагина к «разнообразному» Востоку, одно из наиболее значительных мест в его творчестве занимает «Русский Восток» – Центральная Азия. При этом, как подчеркивает исследователь, «в творчестве Верещагина Российская Азия, – это не просто ориенталистическая тема, а целая идеология, которую можно определить как «батализм пацифиста»: она сформировалась, когда он,

работая в жанре, призванном восхвалять славу национального оружия, стал, напротив, показывать зрителю бессмысленные и жестокие ужасы войны, причем максимально используя местные реалии». ***Кандидат искусствоведения Е.В. Ким (г. Ростов)*** отметила, что в ходе первой поездки В.В. Верещагина в Индию (в 1874–1876 гг.) им было создано более 150 этюдов, из которых в настоящее время известны только 87. Таким образом, как отметила выступающая, почти половина произведений названной серии исчезла из поля зрения современных исследователей. На анализе одного из этюдов указанной серии – этюде «Утро в Кашмире (озеро и горы)», хранящемся сейчас в Ростовском музее, Е.В. Ким подробно остановилась в своем докладе. ***Научные сотрудники Государственной Третьяковской галереи (г. Москва) В.М. Егорова, Е.А. Теркель и Л.А. Четверухина*** в своем сообщении обратились к теме «Япония в жизни и творчестве В.В. Верещагина» и рассмотрели материалы (путевые заметки, в том числе неопубликованные, живописные этюды), связанные с поездкой художника в страну восходящего солнца. В заключительном докладе пленарного заседания ***доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (г. Москва) Э.Г. Задорожнюк*** проанализировала основные подходы к рассмотрению и интерпретациям евразийства, отметив при этом, что «в своей позитивной части – это новое видение истории и судеб России как центра Евразии» и что обращение к творчеству В.В. Верещагина постоянно напоминает нам «о евроазиатском характере русской цивилизации».

Затем работа конференции была продолжена по секциям. На ***секции «Восток в творчестве В.В. Верещагина и его современников»*** (руководители секции: кандидат искусствоведения Е.В. Ким; профессор, член Союза Художников России В.И. Филиппова) было представлено 9 докладов. ***Консультант университета RNB Global University в Раджастане (г. Биканер, Индия) С. Кумар и кандидат филологических наук, доцент З.В. Антонова (г. Череповец)*** свой доклад посвятили индийским впечатлениям В.В. Верещагина, воплотившимся в его картинах, а также сделали разбор картины «Подавление индийского восстания англичанами» (1884) с точки зрения изображенной на ней казни (так называемого «дьявольского ветра»), акцент был сделан на исторической ситуации в Индии времен первой и второй поездок художника. ***Старший научный сотрудник ЧерМО А.А. Козлов (г. Череповец)*** в своем выступлении сделал обзор малоизвестных картин В.В. Верещагина из индийских путешествий, находящихся в основном в частных коллекциях, а ***кандидат исторических наук, доцент К.А. Демичев (г. Нижний Новгород)*** рассмотрел исторические реалии, нашедшие отражение в знаменитой картине художника «Английская казнь в Индии». На специфику воплощения образов восточных городов в творчестве В.В. Верещагина обратила

внимание в своем докладе ***кандидат философских наук, доцент С.С. Касаткина (г. Череповец)***. ***Кандидат филологических наук, доцент А.Е. Новиков (г. Череповец)*** обратился к анализу восточных образов в записках, воспоминаниях и письмах В.В. Верещагина. ***Доктор исторических наук, доцент М.К. Гогитидзе (г. Тбилиси, Грузия)*** и ***главный специалист ТГУ И.Г. Шиукашвили (г. Телави, Грузия)*** в обзоре жизни и деятельности художника обратили внимание на «грузинские» страницы его биографии, отметив что значительное время В.В. Верещагин посвятил «знакомству с жизнью грузинского народа и других кавказских народов».

Особенностям живописного мастерства В.В. Верещагина и раскрытию темы Востока в его творчестве и в произведениях современных ему художников (В.Д. Поленова и В.И. Якоби) были посвящены сообщения ***профессора В.И. Филипповой, кандидата искусствоведения, доцента С.Н. Галухиной*** и ***студентки ЧГУ Д.Н. Калининой (г.Череповец)***. Тема Крыма, изображения Чуфут-Кале в картинах художников XIX – начала XX в. (К.Ф. Богаевского, В.К. Яновского, А.П.Могилевского и др.) получила отражение в докладе ***кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Д.А. Прохорова (г. Симферополь, Республика Крым).***

На ***секции «Россия и Восток: культурно-религиозный и социально-экономический аспекты взаимодействия»*** (руководители секции: кандидат филологических наук, доцент Е.М. Иванова; кандидат философских наук, доцент Ю.Л. Балюшина) было представлено 9 докладов. ***Кандидат исторических наук, доцент Н.В. Алексеева (г. Череповец)*** рассмотрела в своем докладе вопрос о влиянии Восточной Церкви на формирование института старчества-духовничества в русском Православии. ***Кандидат филологических наук, доцент Е.М. Иванова (г. Череповец)*** рассмотрела возможность использования «среднеазиатских» текстов русской путевой литературы (прежде всего, очерков В.В. Верещагина) в процессе преподавания русского языка как иностранного. ***Кандидат филологических наук, доцент А.В. Седов (г. Череповец)*** отметил, что «Л.Н. Толстой по праву является первым русским мыслителем, попытавшимся масштабно и многосторонне осмыслить духовное наследие Востока» и рассмотрел его «Круг чтения» в контексте учения китайского мыслителя Лао-Цзы. ***Кандидат филологических наук, доцент Е.Н. Семыкина и студент БелГУ Ю.С. Кириченко (г. Белгород)*** обратились к осмыслению индийских мотивов в творчестве К.Д. Бальмонта. Нашедшие отражение в очерке «Поездка в Ташкент и Самарканд» (1891) самаркандские впечатления графини П.С. Уваровой были рассмотрены в докладе ***кандидата филологических наук, доцента Р.Г. Назарьяна (г. Самарканд, Республика Узбекистан),*** а ***кандидат исторических наук, А.С. Вдовин*** и ***аспирант КГПУ Е.И. Кочкина (г. Красноярск)*** в своем сообщении остановились на некоторых аспектах русско-

китайских научных связей в конце XIX века. ***Аспирант ЧГУ Д.В. Голованова (г. Череповец)*** проанализировала использование восточной тематики на страницах задачников по арифметике (последней трети XIX – начала XX в.). ***Доктор экономических наук, профессор А.А. Бессолицын (г. Москва)*** остановился на особенностях и проблемах развития экспорта отечественной муки в страны Востока на рубеже XIX–XX вв. и в начале XXI столетия. ***Кандидат философских наук, доцент Ю.Л. Балюшина (г.Череповец)*** в своем докладе обратила внимание на социально-философский аспект использования элементов восточных культур в повседневной жизни современных провинциальных городов.

На секции ***«Евразийство как феномен социогуманитарной мысли»*** (руководитель секции: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Э.Г. Задорожнюк) были заслушаны 5 докладов. ***Кандидат философских наук, доцент О.В. Козлова (г. Череповец)*** в своем докладе соотнесла идеи евразийства с современной общественно-политической ситуацией в мире. ***Кандидат философских наук, доцент Л.Е. Лойко (г. Минск, Республика Беларусь)*** указала на важную роль, которую сыграл В.В. Верещагин в создании интегрированного образа евразийской культуры в российском общественном сознании XIX века: он был в числе первых деятелей культуры, осмысливших растущее значение духовных связей россиян с Индией; с его интересом к тематике интегрального восприятия евразийской культуры были связаны (по мнению докладчика) и путешествия художника в Китай, на Филиппины и в Японию. ***Доктор исторических наук, профессор А.Н. Егоров (г. Череповец)*** обратился к полемике с евразийцами, развернувшейся в кругах русской эмиграции 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Современные записки»). ***Доктор философских наук, профессор И.Н. Тяпин (г. Вологда)*** рассмотрел в своем выступлении взаимосвязь геополитических построений евразийства и политической этики русской идеи в контексте истории и современности, а ***доктор исторических наук, профессор Б.В. Петелин (г. Череповец)*** обратился к анализу геополитических реалий современной России, среди которых евразийский фактор имеет немаловажное значение.

На секции *«Восточный вектор российской геополитики и истории: прошлое, настоящее, будущее»* (руководитель секции: доктор исторических наук, профессор Д.В. Аронов) были представлены 4 доклада. *Кандидат исторических наук, доцент О.В. Нестерова (г. Мичуринск Тамбовской обл.)* рассмотрела предложенную США в 1899 г. доктрину «открытых дверей в Китае» и позицию по отношению к ней российской дипломатии. *Аспирантка ЧГУ А.С. Борзых (г. Череповец),* используя воспоминания В.В. Верещагина и других очевидцев (В.И. Немировича-Данченко, Н.В. Максимова), попыталась воссоздать более полную и точную картину жизни и работы сестер милосердия в годы русско-

турецкой войны 1877–1878 гг. *Кандидат исторических наук, доцент Д.В. Щукин (г. Елец)* проанализировал основные аспекты «восточного» направления в политической практике Партии народной свободы и ее фракции в период III Государственной думы России начала XX века, а *доктор исторических наук, профессор Д.В. Аронов (г. Орел)* обратился к осмыслению проблематики славянского единства во внешнеполитической позиции кадетов в контексте Боснийского кризиса 1908–1909 гг.

Во второй день работы конференции – 27 октября – состоялась работа четырех секций. Продолжили свою работу секции ***«Россия и Восток: культурно-религиозный и социально-экономический аспекты взаимодействия»*** и ***«Восточный вектор российской геополитики и истории: прошлое, настоящее, будущее»,*** а также прошла работа секции ***«В.В. Верещагин. Личность художника в контексте эпохи»***.

На секции ***«В.В. Верещагин. Личность художника в контексте эпохи»*** (руководитель секции: доктор исторических наук, профессор О.Ю. Солодянкина) было представлено 6 докладов. ***Доктор исторических наук, профессор О.Ю. Солодянкина (г. Череповец)*** в своем докладе остановилась на парадоксальном характере личности и творческой деятельности В.В. Верещагина. ***Доктор филологических наук, профессор В.А. Кошелев (г. Великий Новгород)*** рассмотрел взаимоотношения двух великих современников – В.В. Верещагина и И.С. Тургенева – сквозь призму их взаимных оценок. Особенности деятельности В.В. Верещагина по противодействию войне через художественное отражение жестоких реалий военной действительности в его произведениях получили осмысление в докладах ***професора, члена Союза Художников России В.И. Филипповой (г.Череповец)*** и ***кандидата педагогических наук, доцента В.А. Андрощука (г.Череповец). Доктор философских наук, профессор А.И. Лойко (г. Минск, Республика Беларусь)*** в своем выступлении указал на роль В.В. Верещагина в реализации отечественным изобразительным искусством миссии межкультурного диалога. ***Главный специалист ЧерМО, заслуженный работник культуры РФ Э.П. Риммер (г. Череповец)*** рассмотрела особенности личности и судьбы В.В. Верещагина-старшего (отца художника), оказавшего существенное влияние на формирование личности В.В. Верещагина-младшего – будущего художника).

27 октября продолжила работу ***секция «Россия и Восток: культурно-религиозный и социально-экономический аспекты взаимодействия»*** (под руководством доктора исторических наук, профессора Р.С. Колокольчиковой). Во второй день работы на ней было представлено 12 докладов. ***Доктор психологических наук, доцент, ст. научный сотрудник М.Р. Арпентьева (г. Калуга)*** сопоставила индигенные и транскультурные психотехники духовного развития, используемые на Востоке и Западе. ***Кандидат политических наук, до-***

цент В.А. Матвиенко (г. Елец Липецкой обл.) рассмотрела некоторые аспекты межконфессионального взаимодействия России и Востока. ***Зав. мемориальным домом-музеем Верещагиных Л.Х. Маликова (г. Череповец)*** рассказала о специфике экономических связей России и Кавказа в начале XX века, которые складывались порой весьма своеобразно, приобретая иногда полудетективный характер, о чем свидетельствует, например, по словам докладчицы, история появления кефира в Центральной России. ***Доктор исторических наук, профессор Р.С. Колокольчикова (г.Череповец)*** отметила, что трудовые миграции (в том числе и с востока страны) в 1970-х –начале 1980-х гг. нашли отражение в этнической структуре населения г. Череповца. Доклад ***кандидата биологических наук, доцента Н.Я. Поддубной (г. Череповец)*** был посвящен деятельности Н.П. Коломийцева по исследованию орнитофауны Средней Азии и Дальнего Востока. ***Кандидат филологических наук Е.В. Шалашов*** рассмотрел специфику использования восточных мотивов в произведениях А.А. Кондратьева. ***Аспирант Института русского языка ПУИЯ Лу Вэнья (г. Пекин, Китайская Народная Республика)*** представила в своем сообщении обзор переводов произведений Н. Рубцова на китайский язык и исследований творчества поэта в Китае, ***а аспирант БГУ Г.А. Ибрагимова (г. Уфа, Республика Башкортостан)*** рассказала о развитии буддизма в социокультурном пространстве современной России. ***Доктор филологических наук, профессор Л.Е. Бежената-ру (г. Яссы, Румыния)*** обратилась в своем докладе к осмыслению традиций семьи, рода и материнства в восточной (азербайджанской) культуре. Сообщение ***Phd кандидата ШУМО Яо Чуньюй (г. Шанхай, Китайская Народная Республика)*** содержало информацию о пособии «Выдающие деятели западной культуры: какие имена достойны упоминания в Китае», которое создает необычный для европейца круг информации, дающий возможность посмотреть на западную культуру (куда входит и Россия) глазами китайца. ***Судья Московского районного суда Н.А. Бурданова (г. Санкт-Петербург)*** рассмотрела в своем докладе особенности приобретения правового статуса родителей в России в контексте многообразных культурных связей ее народов. ***Кандидат исторических наук, научный сотрудник Сибирского отделения РАН А.А. Сулейманов (г. Якутск, Республика Саха)*** представил в своем докладе информацию о проведенных на территории Якутии в конце XX – начале XXI в. совместных российско-японских исследованиях, которые «позволили заполнить целый ряд существовавших ранее исследовательских лакун, подготовить более обоснованные гипотезы, касающиеся перспектив изменения климата, и в целом расширить научные представления об эволюции климатических процессов на Земле».

На продолжившей работу 28 октября ***секции «Восточный вектор российской геополитики и истории: прошлое, настоящее, будущее»*** (руководитель

секции: доктор политических наук, профессор Е.А. Марков) было заслушано 4 доклада. ***Доктор политических наук, профессор Е.А. Марков (г. Череповец)*** рассмотрел проблемы в отношениях России и славянских стран в исторической ретроспективе в контексте их взаимодействия с Востоком и Западом. ***Кандидат исторических наук, ст. преподаватель Д.В. Тумаков (г. Ярославль)*** представил по материалам российской прессы обзор событий первой чеченской войны 1994–1996 гг. ***Кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник ДВО РАН В.А. Гайкин (г. Владивосток)*** в своем докладе сопоставил два евразийских проекта: протежируемый ООН проект «Туманган», связанный с созданием Евразийского транспортного коридора в обход России, и концепцию Евразийского союза, выдвинутую Россией почти одновременно (в начале 1990-х гг.). ***Кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник сектора Ирана ЦИБСВ Института востоковедения РАН Л.М. Раванди-Фадаи (г. Москва)*** в своем докладе рассмотрела различные аспекты современных российско-иранских отношений.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги I этапа конференции. Было отмечено, что выступления участников сопровождались плодотворными дискуссиями, живыми обсуждениями выступлений. На конференции были апробированы различные теоретико-методологические подходы, сложившиеся в социогуманитарной научной традиции при осмыслении вопросов взаимодействия культур, изучении культур стран Востока; расширены представления о творческом наследии В.В. Верещагина, роли Востока в его биографии и художественной деятельности, о евразийской составляющей отечественной философской и общественно-политической мысли. Предложены новые подходы в решении вопросов взаимодействия России и Востока, в развитии диалога культур.

II этап конференции включил в себя мастер-классы для студентов Череповецкого государственного университета ***на тему «Традиционная культура Востока и художественное творчество» ведущим дизайнером компании Fablab (Милан, Италия – Москва, Россия) Д.И. Соловьевой,*** которые прошли с 14 по 25 ноября.

22 ноября был проведен круглый стол на тему ***«Влияние историко-философских идей Востока на современное художественное творчество»***, в ходе которого были обсуждены вопросы влияния различных философских традиций Востока (ведизма, конфуцианства, легизма и др.) на развитие современной общественно-философской мысли и художественной традиции. Восточные идеи, мотивы и образы занимают все более значительное место в современной культуре и связанные с ними историко-философские идеи требуют глубокого и всестороннего осмысления.

Таким образом, в работе конференции приняли участие более 50 исследователей – научных сотрудников, музейных работников, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов – из различных городов России и из-за рубежа (Китая, Румынии, Великобритании, Узбекистана, Италии, Индии, Грузии и Белоруссии). По итогам работы был подготовлен к печати и издан сборник материалов.

А.Е. Новиков

ТРЕБОВАНИЯ К СТРУКТУРЕ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Общие требования к содержанию статей

1.1. К публикации в журнале принимаются статьи, представляющие результаты оригинальных научных исследований, заметки, сообщения, а также библиографические обзоры и рецензии на новейшие отечественные и зарубежные исследования по проблемам истории и политических наук.

1.2. Журнал печатает только оригинальные научные работы, ранее нигде не публиковавшиеся и не содержащие некорректных или чрезмерных заимствований.

1.3. Присылаемые материалы должны соответствовать тематике журнала, представленной следующими направлениями:

- исторические науки,
- политические науки.

1.4. Присылаемые материалы должны отличаться научной новизной и фундаментальностью. Это предполагает наличие в статье историографического обзора.

- В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций библиографический список должен включать не менее 20 наименований, из которых примерно треть - зарубежные издания.
- Большинство - из Scopus, Web of Science, с DOI, URL.
- Отказ от излишнего самоцитирования (количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества).

1.5. Рукописи, которые не соответствуют тематике журнала или подготовлены без учета требований журнала по их оформлению, не рассматриваются на предмет публикации.

2. Общие требования к оформлению статей

2.1. Рукописи следует предоставлять в формате .doc (Word 1997–2003) или .docx

2.2. Рекомендуемый объем предоставляемой к публикации статьи – 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами).

2.3. Параметры страницы: 210 х 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы – все по 20 мм. Шрифт обычный, TimesNewRoman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный. Текст без автоматической расстановки переносов. На-

звание статьи: полужирным шрифтом по центру страницы. Нумерация страниц внизу справа.

2.4. Текст рукописи предоставляется в виде единого файла. Рукопись условно делится на два блока: первый – включает УДК, информацию об авторе, аннотацию, ключевые слова, текст статьи, список использованной литературы; второй – полностью на английском, включает сведения об авторе, аннотацию (необязательно), ключевые слова (необязательно), список использованной литературы (References).

3. Структура и правила оформления русскоязычного блока

3.1. Информация об авторе статьи: ФИО автора – полностью, ученая степень (если имеется), ученое звание (если имеется), должность, место работы/учебы (полностью), город, страна, контактный телефон автора, e-mail.

3.2. УДК и название статьи.

3.3. Аннотация объемом **400–600 печатных знаков** должна быть информативной и содержательной (т.е. максимально точно отражать содержание статьи, ее структуру и выводы).

3.4. Ключевые слова (8-10 слов).

3.5. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы:

a) введение;

b) основная часть;

c) выводы.

3.6. Список литературы.

4. Правила оформления графических данных

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь название и помещаться в печатное поле страницы.

4.2. Все выделения в тексте статьи – только курсивом (жирный шрифт или подчеркивание не допускаются).

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов Редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. Правила оформления сносок

Сноски оформляются постранично 10 кеглем (Автор. Название. Место издания (без названия издательства!), год издания, страницы) внизу каждой страницы.

При ссылке на электронные ресурсы в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

В случае, если источником является архивный документ, то сначала следует название архива без сокращений, далее в скобках – аббревиатура. Фонд. Опись. Дело. Лист. При повторной ссылке на документы из этого же архива для его названия используется только аббревиатура.

Примеры:

Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2009. С. 27.

Старостина Т. Послеблокадный транзит. Дневник // Север. 2005. № 5–6. С. 127–133.

Лазарев Г. Французы уходят из Мали // Газета.ру. 06.02.2013. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/06_a_4954773.shtml (дата обращения: 22.02.2014).

Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 1188. Л. 3. (при первичном обращении)

ГАВО. Ф. 3105. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об. (при вторичном обращении)

Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // ПСЗ. Собр. 2. Отд. 1. Т. XXXIX. СПб., 1867. № 40457. С.18–20.

Stocking M.K. (ed.) The Journals of Claire Clairmont. 1814–1827. Cambridge, 1968. P. 325.

Boisbouvier Ch. Mali: le retour de la Françafrique? // RFI.fr. 23.07.2013. URL: http://www.rfi.fr/afrique/20130722-mali-presidentielle-francafrique-hollande-fabius-traore-tiebile-drame (accessed: 26.02.2014).

6. Правила оформления списка литературы

6.1. Список нумеруется и группируется по алфавиту, в начале – книги на русском языке, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включаются только научные работы.

6.3. **Все ссылки на источники оформляются в виде автоматических сносок внизу страницы и в концевой список литературы не включаются.**

6.4. **Монографии** оформляются следующим образом:

– *ФИО автора (авторов)*;

– название книги;

– выходные данные по схеме: Место издания: издательство, год издания. Общее количество страниц.

Пример:

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 264 с.

Cross A.G. 'By the Banks of the Neva': Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 474 p.

6.5. **Диссертации и авторефераты**:

Арсланова Ч.Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2006. 25 с.

Исхакова Г.Р. Социальная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана): дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2002. 147 с.

6.6. **Статьи в журнале/сборнике** оформляются следующим образом:

– *ФИО автора (авторов)*;

– название статьи // Название сборника/журнала;

– выходные данные по схеме: Год издания. Номер. Страницы. Индекс DOI (если есть)

Примеры:

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

Solodyankina O.Yu. European widows as governesses in 18th and 19th-century Russia // Women's History Magazine. 2010. Is. 63. Pp. 19–26.

Cross A. English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 57–68. DOI: 10.1111/russ.10756

6.7. **Ссылки на электронные ресурсы** оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Пример:

Stansfield G. Iraqi Kurdistan: political development and emergent democracy. Taylor & Francis e-library, 2003. URL: https://www.academia.edu/3271178/Iraqi_Kurdistan_Political_development_and_emergent_democracy (accessed: 04.10.2014).

6.8. При ссылке на электронные публикации (статьи или монографии) необходимо указывать полное название сайта.

7. Структура и правила оформления англоязычного блока

7.1. Информация об авторе статьи:

– ФИО автора – полностью, транслитерация (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом **http://translit.net/; необходимо настроить стандарт LC** в центральном меню сайта, раздел «Варианты…»), ученая степень (если имеется), ученое звание (если имеется), должность, адрес электронной почты автора;

– место работы/учебы автора полностью (полное официальное английское название организации, почтовый индекс, страна, город, улица (транслит.), дом).

7.2. Название статьи – перевод на английский язык.

7.3. В необязательном порядке: Аннотация на английском языке **объемом от 400–600 печатных знаков** (написана с использованием устоявшихся и общепринятых в дисциплине терминов и выражений, должна представлять собой самостоятельный текст, быть информативной и содержательной, максимально точно отражать содержание статьи, ее структуру и выводы).

7.4. В необязательном порядке: Ключевые слова на английском языке (8–10 слов или словосочетаний).

7.5. References (список литературы).

8. Правила оформления раздела References

8.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском языке.

8.2. В раздел «References», как и в список литературы, включаются только научные статьи, диссертации, авторефераты, монографии.

8.3. Все ссылки на источники оформляются в виде подстрочных сносок.

8.4. **Монографии** оформляются следующим образом:

– ФИО автора (авторов) – транслит (для отечественных авторов), **стандарт LC**;

– *название книги курсивом* – транслит, **стандарт LC**, если книга издана на кириллице. Затем в квадратных скобках – перевод названия на английский;

– выходные данные по схеме: Место издания: Издательство (транслит.), год издания, общее количество страниц;

– если книга на русском, в конце добавляется: (In Russian)

Примеры:

Ter-Minasova S.G. *Rossiia i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and West Countries: Dialogue of Cultures]. Moscow: Tsentr po izucheniiu vzaimodeistviia kul'tur, 2000. 320 p. (In Russian)

Bevir M., Rhodes R.A.W. *Interpreting British governance.* London: Routledge, 2003. 150 p.

8.5. Статьи **в журналах** оформляются следующим образом:

– ФИО автора (авторов) – транслит (для авторов, чья фамилия записана кириллицей), стандарт LC;

– название статьи – транслит**, стандарт LC**, если статья записана кириллицей. Затем в квадратных скобках – перевод названия на английский;

– выходные данные по схеме: *название журнала курсивом* – транслит, **стандарт LC**, перевод на английский (если записано кириллицей), год издания, номер, страницы, индекс DOI (если есть);

– если статья на русском, в конце добавляется (In Russian)

Примеры:

Dunin A. Guvernery v starinu v pomeshchich'ikh sem'iakh [Tutors in landowner families in old times]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Herald], 1909, vol. 117, July, pp. 185–194. (In Russian)

Cross A.G. An Anglo-Russian Medley: Semen Vorontsov's Other Son, Charles Cameron's Daughter, Grand Duke Alexander Pavlovich's English Playmate, and Not Forgetting His English Nurse. *The Slavonic and East European Review,* 1992, vol.70, no. 44, pp. 708–721.

8.6. Статьи **в сборниках** оформляются следующим образом:

– ФИО автора (авторов) – транслит (для отечественных авторов), **стандарт LC**;

– название статьи – транслит, **стандарт LC**, если статья вышла на кириллице. Затем в квадратных скобках – перевод названия на английский;

– выходные данные сборника по схеме: ФИО редактора – транслит, **стандарт LC**, (ed.). *Название сборника курсивом* – транслит, **стандарт LC**. Затем в квадратных скобках – перевод названия на английский; Место издания: Издательство – транслит., год издания, страницы;

– если статья на русском, в конце добавляется (In Russian)

Примеры:

Chudinov A.V. Frantsuzskie guvernery v Rossii kontsa XVIII v.: stereotipy i real'nost [The French tutors in Russia at the end of the XVIII century: stereotypes and reality]. Karp S.Ia., Mezin S.A. (eds.) *Evropeiskoe prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii* [European Enlightenment and civilization of Russia]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 330–334. (In Russian)

Solodyankina O.Yu. Personal transfer of the message and undesirable acquaintance to the addressee: reputation of the governess. Stogova A.V. (ed.) *Incidents and Failures in European epistolary culture.* Moscow: IVI RAN, 2016, pp. 125–154.

8.7. **Ссылки на электронные ресурсы** оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Примеры:

Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.-F. 2010. *Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence.* [Washington, D.C.], International Monetary Fund. Available at: http://site.ebrary.com/id/10437418 (accessed: 20.06.2014).

Frot E. 2009. *Aid and the financial crisis: Shall we expect development aid to fall?* Stockholm Institute of Transition Economics, Stockholm School of Economics. Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1402788 (accessed: 28.05.2013).